

INSPIRIA

Приятных
снов...
мамочка.

СО МИЭ

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
РЕБЕНОК**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ВЪЕЗД В КАЖДОЙ КОПИИ

INSPIRIA

INSPIRIA

Приятных
снов...
мамочка.

СО МИЭ

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
РЕБЕНОК**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХЕСТСЕЛЛЕР
ИЗ КОЖНОЙ КОРЕН

INSPIRIA

Со Миэ

Единственный ребенок

Все персонажи и события в книге являются вымышленными, а совпадения с реальными событиями случайны.

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Пролог

Чисто для примера: предположим, есть какая-то очень старая комната.

В этой комнате полным-полно вещей, о которых я даже не хочу вспоминать, а на двери — здоровенный замок.

Со временем я постепенно забываю о существовании этой комнаты и в конце концов вообще не помню, что она в принципе была.

Память — странная штука. То, что вроде бы просто невозможно забыть, полностью стирается у тебя из головы, и как раз по этой самой причине. Говорят, это такой защитный механизм, который предохраняет тебя от перегрузок. Мозг автоматически блокирует подобные вещи, зная, что ты просто сломаешься, если будешь постоянно о них думать. Так что твоя голова помнит только то, что хочет помнить. Хранит лишь то, с чем может справиться.

Иногда я только дивлюсь: что не так с моей-то головой?

Да, у меня тоже когда-то была такая комната.

Комната, которую я задвинул в самый дальний уголок сознания, навесив на дверь десятки замков. И одно время даже не помнил, что нечто подобное вообще существует. Но это оказалось ненадолго. В один прекрасный день эти замки поотваливались, все разом.

Не надо было мне входить в эту дверь, пусть даже она и была уже не заперта... Но любопытство взяло верх, и я вошел. И тут же понял.

Что я открыл дверь в преисподнюю.

Часть I

1

Сообщение о пожаре в районе Ынам-дон [1] поступило семнадцатого июня, в три тридцать семь утра.

Соответствующая информация появилась на электронном табло дежурного в главном управлении пожарной охраны, что под горой Намсан, и в тот же самый момент о происшедшем узнали в пожарном управлении Западного городского округа и ближайшем отделе полиции, а также в группе по расследованию пожаров Столичной полиции Сеула.

Ли Санук, инспектор главного управления пожарной охраны, принявший сообщение, на тот момент находился на ночном дежурстве и безмятежно спал в комнате отдыха. Разбуженный звонком на мобильник, Санук поднялся на ноги, потирая сонные глаза. Он завалился на кровать только после часа ночи, закончив писать рапорт, так что поспать удалось от силы пару часов.

Веки постоянно опускались сами собой, но когда инспектор вышел из здания и глотнул свежего воздуха, то почувствовал себя малость пободрее. Прохладный ночной воздух быстро выдул из головы последние остатки сна.

Прежде чем сесть в свою машину, оставленную на служебной парковке, Санук позвонил сержанту Ю Донсигу, своему постоянному напарнику. Ответил все еще полусонный недовольный голос:

— Да не сплю я, не сплю!

Должно быть, тому уже тоже успели позвонить из главного управления городской полиции.

Санук живо представил себе своего приятеля. Сидит небось на постели, встряхивая головой, чтобы опять не задремать. Пытается выгнать сон, прикрыв глаза и вслушиваясь в голос из трубки.

подавив смехок, Санук сообщил, что направляется к месту происшествия.

— Давай не копайся и выходи, — добавил он.

— погоди-ка... — произнес сержант Ю.

— А?

Санук уже собирался отключиться, но что-то в голосе сержанта его насторожило. Гадая, что это могло быть, Санук покрепче прижал телефон к уху.

— Так где, говоришь, это?

Ю не мог не знать адреса, но все же переспросил — наверное, не проснулся еще до конца, хочет просто убедиться.

— В Ынаме. На сей раз возле районной гимназии, у «пяти углов», на улице Пеннёса.

Получив подтверждение, сержант Ю тяжело вздохнул. Ненадолго затих — видимо, пытался окончательно проснуться. Издал стон, неразборчиво пробормотал что-то. Наверное, ругался, поднимаясь на ноги. Санук отлично его понимал — сам точно так же себя чувствовал.

— Ну да, меня это уже тоже бесит, — сказал он сержанту.

— Ладно, все нормально. Дай собраться. Скоро буду.

Отключившись, Санук быстро забрался в машину. Вставил ключ в замок зажигания, завел мотор, глянул на часы. Был уже пятый час утра.

В такую рань пробок в городе ждать не приходится. Если двинуть по проспекту Муакдже мимо ворот Сыннемун^[2], то можно домчаться максимум минут за двадцать. Придавив педаль, Санук пулей вылетел со стоянки, пытаясь припомнить, сколько случаев возгорания зафиксировано уже в районе Ынам за последнее время.

Выходило, что пять, и началось все весной. И вот теперь у Санука было такое чувство, что ему придется сломя голову нестись по вызову, даже если кто-то в этом районе просто чиркнет спичкой.

Первый такой случай произошел в седьмом микрорайоне Ынама, возле строящегося жилого комплекса «Хиллз-стейт», неподалеку от больницы Ынпхен.

Между возводимыми у подножия горы Пеннён здоровенными высотками — груды стройматериалов, туда-сюда снуют тяжелые грузовики.

К счастью, при тушении пожара никто не погиб. На пустыре между улицей Пеннёса и стройкой загорелся штабель фанеры и еще какие-то отделочные материалы, но ущерб оказался невелик, а с огнем удалось справиться достаточно быстро — благодаря какому-то работяге, сторожившему стройплощадку и вовремя заметившему неладное. В управлении ничего криминального в этом пожаре не нашли и списали все на непотушенный окурок — на чистую случайность.

Но когда и в самом районе, и в его окрестностях один за другим запылали новые пожары, этот самый первый случай, изначально списанный на простую халатность, стал объектом расследования вместе с остальными. Поскольку на ночь стройплощадка закрывалась и никого там, по идее, не должно было быть, возникло предположение, что кто-то умышленно пробрался туда с целью поджога.

Третий пожар оказался самым разрушительным, и вот тогда-то Ли Сануку, инспектору главного управления пожарной охраны, и сержанту Ю Донсигу, судебному эксперту группы по расследованию пожаров городской полиции, и пришлось подключиться к делу.

Этот пожар, занявшийся возле церкви на задах Ынамской начальной школы все на той же улице Пеннёса, вызвал очень серьезный ущерб — из-за сильного ветра пламя перекинулось на соседний жилой квартал. Три здания выгорели дотла; погибла семья из трех человек, спавших на тот момент в собственных постелях.

Все это случилось около трех утра, но все-таки нашелся свидетель, поскольку пожар запылал прямо посреди густонаселенного микрорайона.

Этот свидетель — местный житель, который в тот день работал сверхурочно и поздно возвращался домой, — сообщил, что видел в переулке неподалеку от места возгорания какого-то подозрительного человека. Согласно его показаниям, пламя занялось среди жилых домов в тот самый момент, когда этот человек поспешно вывернул из переулка на главную улицу, скрывшись из виду, но описать он его не может, поскольку было темно.

Санук на пару с сержантом Ю долго копался на пожарище, выискивая точное место возгорания и его причину, но в итоге зашел в тупик, поскольку показания свидетеля никак не стыковались с тем, что удалось обнаружить. Единственно, обитатели микрорайона поведали о некоем затяжном конфликте между ними и фирмой-застройщиком, который вполне мог иметь какое-то отношение к серии пожаров.

Когда Санук уже перевалил через холм Муакдже и на развязке Хондже свернул на проспект Морене, запыликал его мобильник.

— Ты где? — каким-то бесцветным голосом поинтересовался сержант Ю. — Уже на месте?

— Нет, еще еду. Давай тоже подъезжай, там и поговорим.

— Это ведь уже шестой раз, так?

— Ну да, шестой.

Молчание в трубке.

— Так что хотел сказать-то? — поинтересовался Санук, думая, уж не рассоединился ли звонок.

— Ну, мне тут недавно приснился нехороший сон... — последовал ответ сержанта Ю.

— Сон?

Видать, коллега находился в несколько растрепанных чувствах,

получив сообщение о пожаре после какого-то нехорошего сна. Из-за такого внезапного проявления слабости напарника Санук и сам немного расстроился. Сержанта, видать, вконец достала эта бесконечная серия.

И Санук, и Ю оба специализировались на расследовании пожаров, но отвечали за разные участки этой работы. Главная задача Санука — осмотр места происшествия, поиск каких-либо оставшихся следов и опрос свидетелей, чтобы определить точное место первичного возгорания и причину пожара. Далее, особенно если обнаруживаются какие-либо признаки умышленного поджога, в дело вступает сержант Ю, работающий в связке с пожарными инспекторами вроде Санука. От лица полиции открывается полномасштабное расследование, ставящее целью найти на месте происшествия какие-то следы того, кто это сделал, и в итоге поймать его.

Для Санука, представляющего управление пожарной охраны, местом происшествия работа и заканчивается, а для сержанта Ю здесь все только начинается. Если вдруг выплывет какой-то криминальный след, сержант не успокоится, пока не вычислит преступника и не закроет дело.

Оба работали бок о бок, обмениваясь мнениями о том, что удалось обнаружить на пожарище, но ничуть не удивительно, что из них двоих именно сержант Ю испытывал наибольший стресс. Вдобавок уже несколько месяцев пожары с завидной регулярностью полыхали в одном и том же районе, и стремление поскорей разрешить эту загадку наверняка наваливалось ему на плечи еще более тяжелой ношей. Обычно оба не мчались к месту происшествия, едва получив сообщение от диспетчера. Но в предыдущих случаях многое указывало на умышленный поджог, так что, услышав сообщение о пожаре в районе Ынам, они немедленно связались между собой.

Санук не знал, что сказать сержанту Ю. Просто надеялся, что подозреваемый будет наконец пойман, а серии пожаров удастся положить конец.

— А ты вообще веришь в вещие сны и всякую такую лабуду? — спросил сержант Ю.

— Верю. Прямо перед тем, как я родился, моя матушка как раз видела такой вещий сон^[3]. Наверное, именно поэтому я и подался в пожарные. Разве я тебе не рассказывал?

Чтобы слегка поднять напарнику настроение, Санук принялся пересказывать матушкин сон, проявляя бóльшую словоохотливость, чем обычно. Но сержант, который эту историю уже сто раз слышал, повесил трубку, прежде чем Санук успел добраться до сути.

Санук хмыкнул, положил телефон на сиденье и прибавил газу.

* * *

В нескольких десятках метров от «пяти углов» перед гимназией Чингам образовался затор, словно чтобы оповестить всех окрестных зевак: здесь пожар, скорей сюда. Несмотря на ранний час, пробраться к месту происшествия оказалось непросто, поскольку на въезде собралась изрядная толпа, а проезжающие автомобилисты сбавляли ход, вытягивая шеи.

Санук прорвался на улицу Пеннёса, только несколько раз энергично посигналив, хотя на крыше его машины всю сияли мигалки. Припарковался в сторонке, подальше от зевак, и еще на подходе узрел обычную для пожара суету.

Дорога была забита пожарными машинами, мобилизованными для тушения, взмысленными пожарными и микроавтобусами скорой помощи, готовыми развезти по больницам пострадавших. Среди скопления людей и автомобилей мелькали полицейские в форме, пытающиеся навести хоть какой-то порядок. Вдобавок, заслышав о пожаре, сюда, наступая друг другу на пятки, сбежались чуть ли не все жители окрестного микрорайона, так что царил полная неразбериха.

По профессиональной привычке Санук бросил взгляд на бьющее в небо пламя. К счастью, очаг пожара уже частично удалось взять под контроль, и на место происшествия готовились войти спасатели. Санук осмотрелся по сторонам, ободряюще помахав бойцам из управления пожарной охраны Западного округа, с которыми успел познакомиться во время последней серии пожаров.

Сержанта Ю он сразу заметил даже среди десятков суетящихся вокруг людей — по-военному короткая стрижка ежиком, внушительный рост и крепкое телосложение легко узнавались издали.

Тот, мотая головой и пытаясь подавить зевету, стоял за одной из патрульных машин и наблюдал за работой пожарных.

Санук быстро подошел к нему.

— Что, никак не проснуться? — поинтересовался он у приятеля.

Тот нахмурился, не сводя глаз с тугой водяной струи, летящей в огонь. Сержант явно не выспался, а эта серия поджогов, видать, окончательно его вымотала.

— И все вот это — из-за какой-то сволочи? — процедил сержант.

— Похоже на то.

Сержант Ю раздраженно потер щеки, огляделся по сторонам и двинулся к одному из полицейских в форме, пытавшихся поддерживать

порядок.

Тот отчитался об обнаруженных свидетелях и о том, что удалось сделать. Когда сержант Ю и Санук поинтересовались, кто вызвал пожарных, полицейский махнул рукой на круглосуточный магазинчик по соседству, сообщив, что свидетель оттуда.

Перед входом в местную торговую точку уже гомонила порядочная толпа. Похоже, когда пламя поутихло, все стали понемногу расходиться по домам.

Но внутри никого не оказалось. Сержант Ю вышел обратно на улицу, чтобы разыскать того, кто вызвал пожарных, и тут на него обернулся какой-то молодой человек в полосатой футболке, с разруганным лицом. Возбужденно цокая языком, он глазел на пожар вместе с остальными. Это и был тот самый продавец ночной смены, на которого ссылался полицейский.

— Это я звонил, — сообщил он.

— Можете сказать, что вы увидели первым делом?

Все перевели взгляды на парня. Тот секунду смотрел на сержанта, почесывая в голове, после чего заговорил:

— Это произошло примерно в половине четвертого. Покупателей не было, и я стал клевать носом, сидя за прилавком, так что вышел на улицу малость освежиться. И вот тогда-то и увидел густой черный дым над домами дальше по переулку. Поначалу не понял, что это такое, а потом в дыму вдруг взметнулось пламя. Точно не скажу, но показалось, что оно выросло буквально на глазах. Я испугался и сразу побежал звонить пожарным.

Глядя вдоль переулка туда, куда показывал молодой человек, сержант Ю ненадолго задумался.

— Куда выходит этот переулок? — спросил он наконец.

— Да вроде никуда, там тупик.

— Не видели какого-нибудь подозрительного человека, пока звонили? Кого-нибудь, кто выскочил с той стороны, откуда поднимался дым? Или, может, перед самым пожаром тут шатался кто-то посторонний?

— Не могу сказать, я в тот момент был за прилавком.

Сержант Ю вручил молодому человеку свою визитку, попросил обязательно позвонить, если тот вспомнит что-нибудь еще, и двинулся в сторону переулка.

В самом начале улочки собралась жидкая грязь — из скопления пожарных рукавов кое-где еще брызгала вода. Подойдя ближе, сержант Ю увидел, как из переулка, откуда еще поднимался дым, вышел один из

спасателей, держа на руках маленькую девочку, лет десяти на вид.

Глянув на девчушку, сержант Ю почему-то не смог отвести от нее глаз. Развернулся и двинулся вслед за спасателем, который ее нес.

Тот отнес девочку к скорой и вновь исчез в переулке.

Фельдшер в машине укрыл ее одеялом и спросил, не болит ли у нее где, но девочка ничего не ответила, неотрывно глядя в сторону переулка и прижимая к себе большого плюшевого медведя. Вид у нее был довольно спокойный, хотя ее только что вынесли из самого пекла. Впрочем, внимательней приглядевшись к ее лицу, сержант Ю понял, что оно сковано шоком. Только огромные глаза выказывали страх, время от времени тревожно стреляя по сторонам. Похоже, что физически она ничуть не пострадала.

Девчушка не сводила глаз с переулка, из которого все еще сочился черный дым, а потом, будто очнувшись, вылезла из скорой и огляделась по сторонам. Словно искала, к кому бы обратиться — у кого бы спросить, можно ли вернуться в переулок, домой, или надо ждать здесь.

У сержанта кольнуло в сердце.

Вид пострадавших — вот что всегда причиняло ему на пожарище самую сильную боль. Людей, вмиг оставшихся без крыши над головой, потерявших своих близких.

Для них это было как гром среди ясного неба. Большинство потом неделями не могли найти себе места, теряли сон из-за испытанного потрясения. Воспоминания о пережитом еще долго преследовали их в кошмарных снах.

И при виде этой девочки, озирающейся по сторонам в поисках родных среди равнодушных к ней зевак, сержант Ю вдруг разозлился.

Когда она неуверенно двинулась прочь от скорой, быстро подошел к ней.

— Ты куда? Безопасней ждать здесь. И тебе нужно в больницу, — обратился он к девочке.

Та подняла на него большие чистые глаза. Они были полны тревоги, опасения при виде чужих людей. Сержанту Ю очень хотелось всеми силами потушить этот страх.

— Не бойся. Когда пожарные справятся с огнем, ты опять найдешь своих родных, — заверил он ее.

При этих словах девочка заморгала и что-то пролепетала, словно наконец о чем-то вспомнив. Поначалу она едва шевелила губами, бормоча так, что он едва мог ее разобрать, но потом подняла взгляд и повысила голос:

— Мой папа...

— Да?

— Я хочу к папе.

Сержант Ю бросил взгляд в сторону микроавтобуса скорой помощи. Его задние двери были распахнуты, но никого из пострадавших внутри он не заметил. Если ее родственников спасли раньше, то могли уже увезти в больницу на другой скорой. А если нет, то они сейчас в том полыхающем доме. Даже думать о таком не хотелось. Не зная, что сказать, сержант Ю огляделся по сторонам. Помог бы кто, что ли...

Малышка вцепилась ему в рукав и подергала, словно взывая о помощи. Опустив взгляд, он заглянул ей в глаза и ощутил тянущую боль в сердце. Девочка, которая все более осознавала происходящее, выглядела так, будто вот-вот разрыдается, ее глаза наполнялись слезами. Чем дольше она будет оставаться вдали от родных, тем больше ею будут овладевать страх и тревога.

Сержант Ю беспомощно огляделся в поисках Санука.

Тот тем временем оценивал ситуацию, расспрашивал пожарных, собиравших свое снаряжение: подобный разбор того, как пожарные работали на месте происшествия и что при этом происходило, позволяет не повторять прошлых ошибок. Дожидаясь, когда Санук покончит с этим делом, сержант еще раз опустил сочувственный взгляд на девочку.

Вскоре, закончив разговор с пожарными, Санук подошел к нему.

— Ну что, двинем туда потихонечку? — обратился он к сержанту, махнув в ту сторону, откуда еще поднимался дым.

И только тут Санук, которому явно не терпелось приступить к предварительному расследованию, едва только огонь будет окончательно потушен, заметил стоящую рядом с сержантом девочку. Внимательно посмотрел на нее. Потом опять на сержанта Ю, на сей раз вопросительно. Сержант мотнул подбородком в сторону переулка.

Санук наконец понял, что она — одна из жертв пожара, а не кто-то из зевак, и наклонился, чтобы потрепать ее по голове.

— Ты, наверное, очень испугалась... Нигде не поранилась? Где твоя мама? — спросил он у девочки.

Ответила она не сразу.

— Моя мама умерла.

Слезы, которые уже и так застилали ей глаза, полились сплошным потоком. Испуганный услышанным ответом, Санук устоял на сержанта Ю, не зная, что сказать.

— А она... все еще там? — осторожно спросил сержант Ю.

Девчонка неистово замотала головой, а потом уткнула подбородок в грудь, показывая, что больше не хочет продолжать разговор. После упоминания о матери полностью замкнулась, еще крепче прижав к себе своего плюшевого медведя. А после, избегая взгляда Санука, вообще зарылась в него лицом.

Сержант Ю, наблюдая за этим, негромко произнес, обращаясь к Сануку:

— Отца, видно, уже вывели. Она хочет, чтоб мы отвели ее к нему.

— Тогда надо посадить ее в скорую. Он наверняка в окружной больнице. Может, уточним для полной уверенности?

— Мой папа в Сеульском госпитале, — встряла девочка, которая секунду назад напрочь отказывалась говорить.

— В Сеульском госпитале?

Сержант уставился на нее, а потом перевел взгляд на Санука.

— А вообще тут есть поблизости какой-то Сеульский госпиталь?

— Не уверен. Я тоже про такой первый раз слышу.

Для приема пострадавших при пожарах в Западном округе было выделено сразу несколько больниц, но никакой Сеульский госпиталь среди них не значился. Девочка с явно рассерженным видом смахнула кулачком слезы со щек, вытащила из кармана визитную карточку и сунула ее Сануку.

— Тут есть папин телефон. Позвоните ему, пожалуйста, — попросила она.

Взяв у нее визитку, Санук бросил на сержанта Ю недоуменный взгляд.

— Ну, чего ждешь? Звони давай! — поторопил его сержант.

При этих словах Санук поспешно вытащил из кармана мобильник и набрал номер.

— Алло? Гм... это господин Юн Джесон? — спросил он, когда ему ответили.

Голос на другом конце линии звучал откровенно сонно. Похоже, что ответивший мужчина еще не был в курсе про пожар. Ну кто обрадуется телефонному звонку в такую рань? Отец девочки довольно резко поинтересовался, чего надо.

— Вас ищет ваша дочь. Мы сейчас в районе Ынам, тут был пожар... Да. Да, совершенно верно. Возле виллы Чонсон на улице Тальмаджи. Да... Не волнуйтесь. Она не пострадала. Да... Да.

Отец девочки, явно встревожившись, уточнил адрес, пообещал немедленно приехать и отключился.

Едва Санук убрал телефон в карман, как девочка потянула его за

штанину. Он быстро опустил на нее взгляд. Глаза ее светились надеждой и восторгом.

— Он придет? — нетерпеливо выпалила она.

— Да, скоро будет здесь, никуда не уходи.

На лице ее отразилось видимое облегчение. Страх и тревоги как не бывало. Обернувшись, Санук увидел, что скорая уже уехала. Оставив девочку на попечение полицейских, сержант Ю и Санук двинулись в переулок, к месту пожара.

* * *

Спасатели уже ушли, а оставшиеся пожарные выламывали обгоревшие двери, проверяя, не осталось ли кого-нибудь внутри. Сержант Ю с Сануком тоже принялись осматриваться.

Похоже, больше всего пострадали отдельный частный дом в самом конце тупикового переулка и расположенное по соседству невысокое здание на несколько квартир.

Первым делом сержант с Сануком двинулись к частному дому.

Пройдя за ворота, они оказались во дворе с несколькими деревцами и простеньким двухэтажным строением. После тушения пожара тут осталось натуральное болото, натекшая из дома вода образовала многочисленные лужи. Сержант Ю и Санук, включив фонарики, принялись осматриваться, уделяя основное внимание фасаду, совершенно почерневшему.

Дом выгорел практически полностью — окна выбиты, стены покрыты толстым слоем сажи. Двухэтажное многоквартирное здание по соседству тоже выглядело не лучше, из окон над балконами повылетали стекла. За пустыми проемами — сплошная чернота, в которой кое-где проглядывали остатки мебели и расплавившихся от жара пластмассовых корпусов всякой бытовой техники, с них до сих пор капала вода. Жуткое зрелище — трудно было поверить, что здесь когда-то жили люди. Охваченный огнем дом превратился в ад.

Там, где языки пламени лизали стены, остались их отпечатки — тянущиеся вверх росчерки сажи.

Переступая через лужи, сержант Ю и Санук принялись осматривать стены с черными разводами.

— Похоже, что огонь перекинулся отсюда на квартиры.

В ответ на эти слова Санука сержант лишь кивнул, направляясь на зады дома, чтобы обследовать пространство, разделяющее оба здания.

Тут оставался совсем небольшой промежуток — судя по всему, недавно заваленный всяким барахлом, оставившим после себя лишь бесформенную

почерневшую гору, пропитанную водой. Над ней до сих пор курился дымок, словно пожар еще не покончил с домом.

Санук потрогал несколько остатков непонятно чего, превратившегося в бесформенные куски угля, поворошил пепел носком ботинка. Принюхался.

— Дерево и какая-то химия, — определил он. — Похоже, здесь ко всему прочему валялись и обрезки пластиковой облицовки.

— Наверное, остались после строительства или ремонта. Вон двери, еще какие-то стройматериалы...

— Да, похоже на то.

Если бы здесь было пусто, огонь не распространился бы на соседнее здание. Фанера и пластиковые планки оказались тем самым мостиком, по которым огонь запросто перепрыгнул на многоквартирный дом по соседству.

Сержант Ю и Санук уже выходили обратно во дворик, когда из дома выскочили несколько пожарных с криками — внутри обнаружили мертвые тела. Один бросился в сторону переулка за каталкой.

Сержант Ю невольно зажмурился.

Пожар, начавшийся посреди ночи, причинил более значительный ущерб, чем обычно, поскольку большинство людей крепко спали. Семья в частном доме, очевидно, погибла прямо во сне, даже не успев понять, что вокруг бушует пламя. Вслед за одним из пожарных сержант Ю прошел внутрь, приготовившись к худшему.

Погибших было двое. Похоже, что в момент смерти они спали бок о бок. Видимо, муж и жена. При виде обгоревших тел сержант Ю едва справился с приступом дурноты и быстро натянул на лицо маску респиратора.

И, едва начав осматривать тела в спальне, инстинктивно почувствовал: что-то тут не так.

Что-то необъяснимое завладело им, да так и не отпускало. Подойдя к трупам, он приподнял полусгоревшее шерстяное одеяло. Может, оно частично прикрыло тела от огня, поскольку под ним они оказались практически нетронутыми, но... Это сразу его поразило, но он не стал делать поспешных выводов.

Санук, который только входил в комнату, при виде мертвых тел машинально попятился. Пожарным инспектором он работал не первый год и навидался всякого, но все же до сих пор старался по возможности держаться подальше от мертвецов. Сержант Ю двинулся к выходу, попросив пожарных пока что ничего не трогать в спальне. Санук, который расхаживал взад-вперед по дворику, направился вслед за ним к воротам.

— Ты куда?

— Возьму фотоаппарат из машины.

— У меня с собой.

— Мне свой нужен. Хочу сам все заснять.

Ощувив натянутость в голосе сержанта, Санук предпочел промолчать. Стремление коллеги самому заняться этим делом свидетельствовало об одном: у пожара прослеживается криминальный след. Тому требовались подробные снимки, фиксирующие место происшествия.

В этот момент в кармане у Санука зазвонил мобильник. Глянув на высветившийся номер, он принял звонок. Это был отец девочки, которому он недавно звонил. Тот сообщил, что уже на подъезде и поинтересовался, где его дочь.

— В патрульной машине прямо у въезда в переулок, — объяснил Санук. — Туда и подъезжайте.

— Ту девчонку уже отец ищет, — сообщил он сержанту Ю.

Сержант заступил ему дорогу.

— Э, в чем дело? — удивился Санук.

— Я сам с ним пообщаюсь, так что оставайся здесь и продолжай осмотр.

Сержант Ю, который всегда переживал, что обстановка на месте происшествия может быть в его отсутствие нарушена, быстро вышел в переулок и направился в сторону главной улицы, на которой стояла патрульная машина.

В переулке, где совсем недавно толклись десятки людей, теперь стало тише. Все разошлись и разъехались, не считая минимума пожарных машин и скорых. Толпа тоже заметно поредела. Пожар потушили, час был ранний, и люди наверняка отправились по домам досыпать или собираться на работу.

Поспешно достав фотоаппарат из машины, сержант Ю подошел к патрульному автомобилю. Полицейского нигде не было видно. Поискав его глазами по сторонам, Ю заглянул внутрь.

Девочка, свернувшись на заднем сиденье, тихо спала. Видать, после всех переживаний успокоилась, узнав, что скоро приедет отец.

Даже во сне она крепко прижимала к себе своего плюшевого медведя. Время от времени покашливала, морщась, как будто от боли — должно быть, наглоталась дыма. Но, поворочавшись и убедившись, что медведь по-прежнему под боком, опять с облегченным видом засыпала. Сержант Ю ощутил острую жалость к ребенку, способному спать крепким сном после столь ужасных событий. Сколько потом ночей она проведет, ворочаясь без

сна, из-за того, что произошло этой ночью?

— О, заснула?.. Я купил ей молока, а то она жаловалась, что у нее першит в горле.

Обернувшись, сержант Ю увидел полицейского в форме, держащего в руках картонку молока и упаковку печенья.

— А где ее родственники? — поинтересовался полицейский.

— Отец уже едет, — отозвался сержант Ю.

— Это хорошо.

Из остановившейся рядом машины поспешно выбрался какой-то мужчина. Бросился было в переулок, но остановился при виде скопления пожарных машин и перемазанных сажей пожарных. Лицо его окаменело от потрясения.

— Господин Юн Джесон? — крикнул сержант Ю.

Мужчина обернулся посмотреть, кто зовет его по имени, и подошел ближе. Губы его нервно подергивались. Но голос звучал твердо и требовательно:

— Где моя дочь?

— Не волнуйтесь. Спит вон там, в машине. Она не пострадала.

Мужчина бросился к патрульному автомобилю проверить, что с дочкой действительно все в порядке. Убедившись, что она спокойно спит, облегченно выдохнул и повернулся к сержанту Ю.

— А где мои тесть с тещей? Они целы? Где они? — спросил он.

— Пострадавших отправили в ближайшую больницу.

Сержант Ю собрался было уточнить, в какую именно, но придержал язык. Его охватило зловещее чувство.

— Они из какого дома? — спросил он по какому-то наитию.

— Из того, что в самом конце тупика.

— Частный дом рядом с многоквартирным?

— Да. А почему вы спрашиваете?

В голове у сержанта промелькнула жутковатая картинка: лежащие рядышком два обгоревших тела с натянутым на головы одеялом. Эти двое, похоже, — дедушка и бабушка девочки со стороны матери.

Увидев выражение на лице сержанта, мужчина немедленно все понял. Недоверчиво приоткрыл рот. Заморгал, словно пытаясь подобрать нужные слова.

— Так они... погибли? Оба?

Сержант Ю кивнул, избегая встречаться с ним взглядом. Он просто-таки почувствовал, как тело мужчины разом обмякло.

— А куда... куда отвезли тела? — продолжал спрашивать тот.

— Ну... — сержант замешкался.

Было нелегко произнести это вслух. Тем более что он не мог пока объяснить, что именно произошло. Все прояснится только после тщательного обследования места происшествия и вскрытия. До этого момента нельзя объявлять тому, кто потрясен до основания потерей близких, что причина их смерти — убийство, а не огонь. Сержант решил, что лучше сообщить об этом отцу девочки, когда все подтвердится и когда тот более-менее оправится от первоначального шока.

— Сейчас вам лучше отвезти дочку домой. Мы вам позвоним. Она наверняка очень устала, — сказал он.

Мужчина, вспомнив про дочь, повернулся, опять заглянул в патрульную машину и кивнул.

— Ваша супруга тоже была в этом доме? — спросил сержант Ю.

— А?.. — Мужчина посмотрел на сержанта с испуганным выражением на лице.

Чуть раньше девочка сказала, что ее мама умерла. Дом еще досконально не осматривали, так что внутри вполне могло находиться еще одно тело.

— Нет, моя жена... умерла год назад, — запинаясь, ответил мужчина.

— О... простите. Мы просто не так поняли.

В ответ на извинения сержанта мужчина лишь отмахнулся — мол, все нормально, уже открывая дверцу патрульной машины.

Сержант Ю посмотрел, как отец подхватил дочь на руки, а потом направился обратно к переулку.

Пока он бездумно вертел в руках фотоаппарат, мозг его начал лихорадочно работать.

Выходит, убийство? Теперь придется посмотреть на место происшествия совершенно под другим углом, подумалось ему.

Небо понемногу светлело — солнце неуклонно вылезало из-за горизонта.

2

Какое самое старое воспоминание сохранилось у вас в памяти?

Как вы идете в детский сад, держась за мамину руку? Нет, кое-что куда более раннее — я сейчас про самое-самое первое воспоминание, застрявшее где-то в самой глубине мозга.

Говорят, что из своих младенческих времен ты ничего помнить не

можешь. Не знаю, по той ли причине, что все это происходило слишком уж давно, или же из-за того, что ненужные воспоминания просто стираются из памяти, — но в любом случае мне всегда интересно, что люди затолкали в самую глубь своих мозгов в качестве своих первых воспоминаний.

«Какое самое старое воспоминание сохранилось у вас в памяти?»

Вот что я первым делом спрашиваю, встречаясь с людьми. Почему-то кажется, что именно это самое раннее воспоминание, застрявшее в чьей-то голове, определяет судьбу или личность. А еще кажется, что можно понять, с каким человеком ты имеешь дело, основываясь на этом его первом воспоминании.

Самое старое воспоминание, которым со мной когда-либо делились, было о миске супа из морской капусты, полученной на первый день рождения^[4]. Один мужик как-то рассказывал.

Короче, это был его самый первый день рождения — ровно год прошел с того момента, как он появился на свет. Я спросил того мужика, как он вообще может такое помнить, а он ответил, это все потому, что как только ему поднесли эту миску с супом, как его немедленно в нее стошнило. Вот почему он никак не может про это забыть. Я с этим мужиком одно время выпивал — он с тех пор терпеть не может суп из морской капусты, и, помоему, его привычка блевать по любому поводу сформировалась именно в тот день.

Если б столь гадостное первое воспоминание было у меня, я бы, наверное, тоже всю жизнь не мог проблеваться. Но все же оно у него куда лучше моего собственного.

Время от времени я представляю себе, как все происходило.

Я лежу, откинувшись в удобном кресле, и копаюсь в памяти, как мне велит гипнотизер. Говорят, что, возвращаясь назад во времени, можно вспомнить свое самое раннее детство, даже материнскую утробу. Некоторые видят свои предыдущие жизни^[5]. Но я и знать не хочу про свои прошлые жизни, естественно. Я даже просто не верю во всю эту чушь.

А вот что мне действительно хотелось бы знать, так это как выглядела моя мать, когда я вылез из темноты в этот мир. Что было написано у нее на лице в тот момент.

Спросите, почему?

Наверное, потому, что моя маменька любила повторять мне, что возненавидела меня еще до того, как я появился на свет. Говорила мне, что даже не посмотрела на меня, когда я родился. Акушерка тут же передала меня ей, но она оттолкнула ее руки, заявив, что не желает прикасаться ко

мне, и тут же заснула. Захрапела, повернувшись ко мне спиной, а когда проснулась и, не подумав, повернулась на другой бок, то при виде меня перепугалась до чертиков. По ее рассказам, ее аж морозом по спине продрало, когда она увидела, как я неподвижно и молча лежу — не ору, не дрыгаюсь, задвинутый куда-то в сторонку.

Хотелось бы мне точно знать, действительно ли она даже не посмотрела тогда на меня, ни разу не улыбнулась мне. Действительно ли ненавидела меня, когда я девять месяцев провел в ее утробе и вылез на белый свет между ее ног? Что, точно ни разу не улыбнулась? Ей и вправду не захотелось протянуть руку и коснуться этих едва сгибающихся пальчиков, поцеловать эти мягкие, нежные щечки? Я-то этого не помню, поскольку был слишком мал, но хочу перешерстить все уголки своего мозга до последнего — вдруг там все-таки сохранился этот момент.

Если б вы сейчас могли заглянуть мне в башку и увидеть, какие там воспоминания о моей матери теперь, вы бы всё поняли.

Первое из этих воспоминаний начинается с темноты.

Я пытаюсь вырваться, потому что кажется, будто мое сердце вот-вот разорвется в клочки и я задыхаюсь. И тут тьма вдруг спадает, и моя мать смотрит на меня откуда-то сверху с пустым выражением на лице. Наконец я как-то ухитряюсь вдохнуть опять — кашляя, хватая воздух ртом, вижу окружающий мир сквозь слезы. Когда боль в груди наконец утихает и я могу нормально дышать, моя матушка, которая тарашится на меня, начинает визжать. Кусает подушку, которую почему-то держит в руках, судорожно всхлипывает. Звуки такие жуткие, что я, неспособный отползти или откатиться от нее, тоже начинаю орать. Мать трясет меня и визжит еще громче, вся так и корчась. Не знаю, сколько мне тогда было. Два годика? Три? Пожалуй, примерно столько, поскольку я едва умел говорить.

Да, самое мое первое воспоминание — это о том, как я отчаянно пытаюсь вывернуться из-под подушки в руках у своей собственной матери. Вот что мне первым делом в моей жизни запомнилось, так что не сомневаюсь, что вы легко можете предположить, что происходило потом.

Какие бы сцены со мной и моей матерью ни приходили мне на ум, единственное, что я могу припомнить, — это как меня бьют или как я убегаю и прячусь от нее, свернувшись в комок где-нибудь в углу, перепуганный до смерти.

Что же до улыбок, то иногда она мне все-таки и впрямь улыбалась. Но лишь тогда, когда пыталась поймать меня, пряча за спиной палку, или когда у нее был еще какой-то скрытый мотив. Если я шел к ней, одураченный этой улыбкой, ее грубая рука хватала мою тонкую ручку и

выкручивала ее, или же шлепала по щеке.

Я регулярно давал себе клятвы больше не покупаться на такие хитрости, но каждый раз повторялось одно и то же. Когда я достаточно подрос, чтобы вовремя увернуться от нее и убежать, она орала мне вслед, осыпая бранью. Но что из того, если меня догонит лишь вся эта ругань?

Хотя знаете что?

Слова могут оставлять куда более глубокие, куда более страшные раны, чем какая-то оплеуха. Вне себя оттого, что не может поймать меня, она ругалась и вопила как резаная. Даже когда я плотно закрывал уши, ее слова буквально ввинчивались мне в голову. Эти слова ранили меня, и полученные раны продолжали нагнаиваться изнутри. Меня просто переполняли грязная кровь, гной, зараженные слова и мысли.

Когда я был маленьким, то не мог посмотреть людям в глаза. Сжимался в комок, а сердце колотилось как бешеное, стоило мне заслышать, как кто-то приближается ко мне. Если мои глаза случайно наталкивались на чей-то взгляд, я сразу отводил их и бросался бежать. Думал, что абсолютно все на свете ненавидят меня. Думал, что мать бьет меня каждый день как раз по этой причине — что всем противно само мое присутствие в этом мире. Думал, что страх — это сама моя сущность.

И лишь много позже понял, что ненавидела меня одна лишь моя мать.

Ненавижу ли я ее?

Нет, нет, что вы! Ну как же можно? Это же моя мама.

Я люблю свою маму.

3

Когда в аудитории зажегся свет, студенты облегченно выдохнули, словно очнулись от какого-то кошмарного сна. Те, что сидели возле окна, стали поспешно раздергивать плотные шторы и открывать рамы, впуская солнце. Когда помещение вновь наполнили яркий свет и свежий воздух, все заметно ожили. Преступления, заставившие всех съежиться от ужаса, бесследно растворились в теплых желтых лучах, льющихся с неба.

Выключив проектор, Сонгён вновь повернулась к студентам.

В том, как они негромко переговаривались между собой, по-прежнему проглядывали следы тревоги и страха. Но точно так же, как кошмарный сон, который уже не имеет над вами власти, стоит вам проснуться, так и испытанный ими страх должен был вскоре испариться без следа.

Когда лекция еще только начиналась, глаза студентов сверкали от любопытства и восторга. Их лица были полны нетерпения, словно говорили: наконец-то мы все увидим это собственными глазами! Кто-то обмолвился, что они ждали этого момента с самого начала семестра. Но когда на экране один за другим замелькали слайды, шум моментально утих. На смену восторгам пришла весьма гнетущая атмосфера.

Пока фотографии сменяли друг друга, из аудитории доносились испуганные и растерянные восклицания. Все сосредоточились на размеренно моргающем экране; стало так тихо, что можно было услышать, как кто-то обронил шариковую ручку. Студенты, внимательно прислушивающиеся к словам Сонгён, напряженно замерли.

Никакие ночные кошмары не могут сравниться с реальностью.

И никаким фильмам ужасов не сравниться с реальными местами преступлений, наглядно демонстрирующими, насколько бездушным и жестоким может быть человек. Староста курса, который недавно разглагольствовал, что, мол, все это наверняка не может быть страшней какой-нибудь киношной резни, теперь помалкивал в тряпочку. Пропасть между реальностью и вымыслом оказалась гораздо шире и глубже, чем он и его сокурсники могли себе представить. И, увидев своими собственными глазами то, что извращенное воображение преступников творит с жертвами, они были до глубины души потрясены звериной жестокостью реальных криминальных сцен — настолько потрясены, что и не пытались этого скрыть.

Лекция, которую Сонгён прочитала в прошлом году в качестве

приглашенного специалиста, в итоге привела ее на нынешнюю преподавательскую должность, и теперь ей пришлось немало поломать голову, чему посвятить эту заключительную лекцию семестра. Поскольку вела она криминальную психологию, ей волей-неволей приходилось посвящать немало учебных часов теориям многочисленных психологов с непонятными терминами, но это было не совсем то, о чем ей сейчас хотелось бы рассказывать. И это было не совсем то, про что студенты хотели слушать.

С самого первого дня студенты проявляли к Сонгён все больший интерес и ждали от нее многого. Слухи о той ее самой первой лекции, равно как ее страничка на веб-сайте факультета, лишь подстегивали всеобщий интерес.

Еще в тот первый раз кто-то из студентов дал Сонгён прозвище «Кларисса» — так звали вымышленную курсантку школы ФБР, расследовавшую преступления маньяка при содействии Ганнибала Лектера, гениального серийного убийцы. Тот факт, что и сама Сонгён проходила подготовку в ФБР, причем в подразделении поведенческого анализа, стал среди студентов настоящей сенсацией. Естественно, вопросы лавиной обрушились на нее еще в ходе самого первого ее выступления перед студенческой аудиторией.

Поначалу Сонгён изрядно нервничала. Не понимала, почему студенты задают такие вопросы. И только потом, узнав о публикации на веб-сайте факультета, поняла, в чем тут дело.

«Прошла подготовку в подразделении поведенческого анализа ФБР».

То, о чем она вскользь упомянула в ходе собеседования с деканом, выставили на всеобщее обозрение в ее факультетском интернет-профиле. Прочитав это, студенты вообразили, будто Сонгён прошла подготовку в качестве оперативника вроде Клариссы Старлинг из «Молчания ягнят». Ей хотелось объяснить всем, что это просто недоразумение, но глаза студентов, полные любопытства и восхищения, заставили ее прикусить язык.

Да, подготовку в ФБР она действительно прошла, но совсем не такую, какую воображали себе ее подопечные.

То, что было на самом деле, это всего лишь двухнедельный курс — а точнее, даже десятидневный, в неделю-то пять рабочих дней, — предоставленный наиболее успевающим студентам, изучающим криминальную психологию в одном из университетов на востоке Соединенных Штатов. К тому моменту, как Сонгён стала достаточно ориентироваться в обширном здании Академии ФБР, чтобы не заблудиться

по пути в туалет, все благополучно и закончилось. Если говорить об отделе поведенческого анализа, то Сонгён видела разве что его дверь с соответствующей табличкой, а специальным агентом из этого отдела, мастером психологического портрета, имела честь любоваться лишь издали, слушая его лекцию в огромной аудитории. Похоже, для ФБР этот курс, знакомящий с самыми азами профайлерского ремесла^[6], был не более чем обычным пиаром.

Однако же студенты, даже не предполагавшие ничего подобного, были в полном восторге. Сонгён пыталась избегать разговоров на эту тему, отговариваясь, что все это не заслуживает внимания, но они не отставали. Отделаться от обсасывания этой темы удалось лишь при помощи всяких историй якобы из жизни, бóльшая часть которых была услышана от соседки по комнате в общежитии Академии.

Правда, Сонгён имела неосторожность пообещать своим подопечным, что при случае расскажет о серийных убийцах, о которых узнала тогда в ФБР. Студенты эти слова запомнили и терпеливо ждали целый семестр. Так что деваться было некуда — отсюда и тема заключительной лекции. Сонгён долго готовилась и в конце концов пришла к выводу, что это и впрямь неплохой способ подвести черту под прочитанным курсом.

Чтобы не разочаровать пребывающих в нетерпении студентов, пришлось основательно порыться в «Гугле» и написать письмо по электронке подруге в Штатах. К счастью, большинство необходимых иллюстраций удалось нарыть в Интернете, а Джесси выручила ее с тем, чего не хватало.

Сонгён предположила, что Джесси — той самой соседке по комнате в общежитии, ныне работающей в частной криминалистической лаборатории, — будет достаточно легко прибрать к рукам кое-какие материалы. И впрямь: по просьбе Сонгён Джесси с готовностью предоставила ей все, что требовалось. Ей даже удалось собрать больше, чем ожидала Сонгён, благодаря информационной системе общественных учреждений в США. Когда Сонгён отправила ей имейл с благодарностями и упомянула, что студенты прозвали ее Клариссой, Джесси тут же ответила: «Если когда-нибудь встретишь корейского Ганнибала, привет ему от меня».

Сонгён уже собирала сумку, размышляя над тем, что надо бы сообщить Джесси, какой успех благодаря ей имела лекция, когда услышала, как кто-то зовет ее из зала. Обернувшись, она увидела, как студент возле окна тянет руку вверх.

Сонгён кивнула, студент встал и задал вопрос.

— Мы только что услышали про особенности детства серийных убийц. Значит ли это, что их можно вычислить еще в самом малолетнем возрасте?

Она вполне могла понять, откуда взялся этот вопрос. Дальше идет поле непаханое. Почему серийные убийцы становятся такими, какие они есть? Теперь посыплются десятки подобных вопросов.

— Это как раз то, что чрезвычайно заботит психологию с самого начала двадцатого века. Криминальные психологи давно пытаются выяснить, в чем корни преступного поведения. Ученые, занимающиеся изучением генетики и биологических характеристик, считают, что все дело в наследственности, а те, кто исследует социальное окружение, уверены, что причина как раз в нем. Те же, кто анализирует рентгеновские снимки мозга преступника, уверяют, что любое преступление — это результат каких-то повреждений мозга.

Сонгён сделала паузу и один за другим оглядела своих слушателей.

— А как вы сами-то думаете?

Все уставились на нее, полностью захваченные ее словами и ожидая продолжения.

Похоже, никто не хотел, чтобы лекция закончилась. Явно удовлетворенная этим, Сонгён немного подумала, что бы сказать дальше, и наконец произнесла:

— Слышали когда-нибудь о Треугольнике Макдональда?

— Биг-Мак, Мак-утро и яблочный пирог! — выкрикнул какой-то остряк из задних рядов. Остальные студенты, которых вопрос заставил наострить уши, дружно заухмылялись. Сонгён тоже улыбнулась.

— Я сейчас про другого Макдональда. Был такой американский психолог. Он установил, что три вещи в детстве — ночное недержание мочи, пиромания и жестокое обращение с животными — способны указать на то, вырастет ли ребенок с какими-то душевными отклонениями или нормальным. Вы об этих показателях наверняка уже слышали, так ведь?

— Всё это признаки будущего серийного убийцы, — ответила девушка, сидящая в первом ряду.

— Совершенно верно. Как правило, все серийные убийцы хоть чем-нибудь из этого в детстве да страдали. Есть, конечно, исключения, но большинство серийных убийц отличались в раннем возрасте именно таким поведением. А теперь: мочился ли кто-нибудь из вас в постель, когда был маленьким?

Поглядев на студентов, Сонгён первой подняла руку.

Те принялись переглядываться — кто последует ее примеру. Когда тот студент, который задал вопрос, нерешительно поднял ладонь вверх, под

общий смех поднялось еще несколько рук.

— Кое-кто руку не поднял, но все понятно по лицам, — пошутила Сонгён, вызвав еще один взрыв смеха. — А теперь: кто играл с огнем?

На сей раз рук оказалось больше, и взлетели они охотней.

— И, наконец, кто когда-нибудь жестоко обращался с животными?

На сей раз руку не поднял никто. Внимательно оглядев студентов, Сонгён произнесла:

— Когда я училась в младших классах, среди детишек была популярна одна игра. К школе приходил какой-то мужчина, который продавал маленьких цыплят, мальчишки скидывались, покупали у него всех цыплят и залезали на крышу соседней высотки. А потом... Вы ведь уже поняли, что было дальше?

Девушки, скривившись, прикрыли руками рты. Но парни отреагировали по-другому. Наконец припомнив, начали переглядываться, обмениваясь понимающими кивками.

— Да, как вы правильно догадались, мальчишки сбрасывали этих цыплят вниз, одного за другим, чисто из любопытства. Они не думали, что поступают жестоко — это было больше похоже на эксперимент. Им хотелось выяснить, выживут ли цыплята после падения. Скажем так: это были натурные испытания, ставящие целью оценить способность цыплят к полету.

Настороженное выражение исчезло из глаз парней. Улыбнувшись, Сонгён задала следующий вопрос:

— А кто-нибудь из вас проводил эксперименты на животных, просто чтобы удовлетворить собственное любопытство?

— Препарирование лягушек считается?

— Полагаю, что да, если это не то, что вам велели сделать, а чисто из личного желания увидеть все собственными глазами.

На сей раз руки подняли сразу несколько студентов, в том числе и девушки.

— А теперь: кто из вас готов дать положительный ответ сразу на все три вопроса?

Руки подняли четверо студентов. Правда, еще один, начав было тянуть руку вверх, быстро опустил ее, чем вызвал новый взрыв хохота.

— Выходит, таких у нас в аудитории четверо. Так кто же из вас серийный убийца? — оперев руки в бока, спросила Сонгён.

Один из студентов начал было показывать на себя, пытаясь привлечь к себе внимание, но остановился, когда на него зашикали.

— Теперь понимаете, в чем дело? Да, попытки обобщения нередко

приводят к ошибкам. Пусть даже все это действительно относится к детским признакам серийного убийцы, далеко не каждый, у кого они есть, — серийный убийца. Вообще-то говоря, число таких людей крайне невелико, — резюмировала Сонгён.

— Так к чему вы сами склоняетесь? К врожденному или приобретенному? — спросил кто-то из студентов.

— Это как раз то, с чем приходится иметь дело науке психологии. Однозначного ответа не существует. Как говаривал Эйнштейн, человечество ограничено не размерами вселенной, а возможностями человеческого разума.

Студентам, которые привыкли получать на свои вопросы четкие и ясные ответы, психология могла представиться весьма туманной и разочаровывающей областью знаний. Все углубились в собственные мысли, размышляя над словами преподавательницы. Сонгён бросила взгляд на часы на стене. Время лекции подходило к концу.

— Есть еще вопросы? — спросила она, чтобы наконец подвести черту.

Студенты, уловив намек, стали собирать свои сумки, но одна из девушек, в очках в толстой черной оправе, подняла руку. Все оторвались от своего занятия и посмотрели на нее.

— Почему только небольшая часть людей становится серийными убийцами, хотя остальные тоже занимались в детстве теми же самыми вещами?

Сонгён ожидала подобного вопроса. Она частенько задавала его и самой себе.

Почему? Почему люди становятся преступниками?

Однако вопрос тоже был не из тех, на которые можно ответить четко и однозначно. Человеческое существо — слишком сложная штука, чтобы охарактеризовать его одним-единственным словом. Сонгён и самой надо было еще очень много узнать и очень многому научиться. Будучи и сама практически новичком в криминальной психологии, она пока не знала ответа на этот вопрос. И будет ли вообще хоть когда-нибудь знать?

— Я могу рассказать, как именно серийные убийцы убивают людей, как режут своих жертв, как едят их, но, честно говоря, я не знаю, как они стали серийными убийцами. Само их поведение подвластно анализу, но вот на вопрос «почему?» вряд ли способны ответить даже они сами.

Студентку в очках, судя по всему, подобный ответ не удовлетворил. Посмотрев на нее, Сонгён добавила:

— Правда, я задавала себе вопрос, какого рода опыт, оказавший на вас какое-то влияние в детстве — когда вы отрывали крылышки у бабочек и

стрекоз, пинали щенков, сбрасывали цыплят с крыши, — напроць застреваает в мозгу. Как только вы теряете интерес, то перестаете все это делать из простого любопытства. Или же способны вовремя остановиться, осознав, насколько ужасны и отвратительны такие ваши поступки. Как я уже говорила, в детстве это лишь нечто вроде ритуала посвящения, через который нередко приходится пройти практически каждому.

Сонгён ненадолго примолкла, чтобы собраться с мыслями.

— Хотя у некоторых людей подобное чисто детское любопытство способно прогрессировать, в результате чего они способны перейти от насекомых к небольшим животным вроде птичек и мышек, а потом и к живым существам покрупнее. Такое поведение уже не рассматривается ими как нечто ужасное и отвратительное — скорее как что-то завораживающее и всепоглощающее. А тут уже и до перехода на людей недалеко. Совершенно не укладывающиеся в голове повреждения и отметины на телах жертв показывают, как работает разум таких людей.

— А вы не думаете, что с этим уже рождаются? — спросила все та же студентка.

— Частично — да. Но все зависит от того, в какую сторону направятся какие-либо врожденные качества. Я читала в одной книге, что серийных убийц и хирургов объединяют две общие черты — хладнокровие и невосприимчивость к чужой боли. Но даже притом что и те, и другие некогда начинали с чисто детского любопытства, в итоге две эти категории людей разошлись в диаметрально противоположные стороны, в зависимости от того окружения, в котором они оказались как по воле случая, так и по собственному выбору.

Девушка, задавшая вопрос, кивнула. Сонгён посмотрела на остальных студентов, которые внимательно прислушивались к ее словам. Ее и немного печалило, и радовало, что семестр наконец подошел к концу.

Чтобы резюмировать все сказанное, она вернулась к кафедре.

— Серийных убийц формирует целое множество самых разнообразных факторов, примерно как множество деталек пазла складывается в общую картину. Эти факторы включают в себя генетическую предрасположенность, какие-то личностные особенности, окружение и воспитание, ряд психологических признаков и так далее. Точно так же, как бумага начинает гореть только тогда, когда вы сфокусируете на ней солнечный свет в одной малюсенькой точке, так, на мой взгляд, и с серийными убийцами: ими становятся лишь в том случае, когда сразу несколько факторов наложатся друг на друга, образовав точку возгорания.

Несколько студентов закивали.

— Пол Бриттон^[7], британский психолог, называл себя «собирателем пазлов». И он был совершенно прав. Задача психолога-криминалиста — собирать рассыпанные информационные детальки, чтобы сложить их в общую картину психологического мира преступника, точно так же, как складывают головоломку. И каждую из таких деталек еще надо отыскать среди всего того, что делает человека серийным убийцей. Если даже одной такой детальки не хватит, мы так до конца и не поймем, почему человек стал серийным убийцей.

— А разве нельзя просто спросить? — спросила наивного вида девчонка в первом ряду. Сидящая рядом подруга пихнула ее локтем, словно попрекая за эти слова. — В смысле, разве не могут профайлеры и криминальные психологи просто спросить об этом серийного убийцу, когда с ним беседуют?

— А ты думаешь, им скажут правду? — заметила в ответ Сонгён.

Девушка нерешительно замешкалась с ответом, а потом смущенно склонила голову набок. Похоже, ей и в голову не приходило, что преступники способны врать.

Как было бы замечательно, если б преступники давали честные ответы на любые вопросы, как наивно думает эта девчонка! Но Сонгён никогда о таких преступниках не слышала.

— Они соглашаются на беседы с психологами не для того, чтобы говорить правду. Обычно они просто хотят повыделываться и получить подтверждение собственному могуществу. И с этой целью врут, преувеличивают, хвастают... — объяснила она.

— А как вы можете это понять? В смысле, что они просто врут или хвастаются... — робко спросила все та же девушка в первом ряду.

— Место преступления характеризует их гораздо точнее, чем собственное вранье. Но, к сожалению, обстановка на месте преступления — это целый набор кодов, а правильно интерпретировать их — дело крайне непростое. Чем с большим числом таких мест мы можем ознакомиться, тем лучше понимаем, где находятся недостающие кусочки пазла, и нам остается лишь правильно сложить их в единую картину.

Девушка кивнула — наконец-то до нее дошло.

Сонгён оглядела студентов — нет ли еще вопросов, но большинство уже собирали тетради и застегивали сумки. Похоже, теперь все только ждали, когда им разрешат разойтись.

— Ну что ж, на данный семестр это всё. Все молодцы. Удачи на экзаменах и хороших каникул!

Как только Сонгён закончила свою речь, студенты дружно поднялись и

направились к выходу. Когда, убрав проектор, она обернулась, ряды сидений уже были пусты.

Оглядывая опустевшую аудиторию, Сонгён с облегчением вздохнула — первый ее семестр в роли преподавателя вроде прошел успешно. Было немного грустно, ощущалась усталость — но усталость хорошая. Только тут она осознала, насколько ей нравится преподавать. Довольная собой, Сонгён тоже двинулась к выходу, когда ее сумка вдруг завибрировала. Мобильник.

Она быстро вытащила телефон, глянула на высветившийся номер и ответила.

— Алло, это Ли Сонгён, слушаю.

Звонил Хан Дончхоль, директор ассоциации криминальной психологии.

Сонгён удивленно склонила голову набок. Она уже пару раз встречалась с ним на семинарах, но больше их ничего не связывало. «Интересно, — подумала она, — он хоть помнит, как я выгляжу?»

4

Я вам вроде уже говорил про комнату? Комнату с десятками замков на двери?

Я-то думал, что и впрямь накрепко ее закрыл, но в один прекрасный день все замки вдруг разом открылись. И знаете, почему это вышло?

Из-за песенки.

Если б я не услышал это песенку опять, воспоминания о моей мамаше остались бы где-нибудь в пяти тысячах метров под землей и никогда не вылезли наружу.

Когда мне было одиннадцать или двенадцать, я сбежал от матери, задавшись целью оказаться как можно дальше от дома. Беспомощно брел по автостраде, прорезающей насквозь всю страну, то и дело тайком забираясь в кузов какого-нибудь грузовика, чтобы уехать еще дальше. Но особо продвинуться не удалось, поскольку я попал в аварию.

Копаясь в мусорных баках на рынке, я заметил в самом углу стоянки небольшой фургон. На номерном знаке было написано «Канвон», и я задумался, где же этот Канвон^[8] может быть. Водитель тем временем вылез из кабины. Дверцу за собой не запер. Наверное, собирался сразу вернуться. Подумалось, что самый момент заглянуть в этот фургон — может, удастся раздобыть что-нибудь поесть или даже немного денег, если повезет.

Я быстро метнулся к кабине и открыл дверь. Внутри увидел куртку водителя. Залез во внутренний карман и нашел толстый бумажник. Решив, что теперь наемся от пуза, вытащил его и сунул себе в карман, когда вдруг услышал чьи-то шаги. Заозирался по сторонам, но спрятаться было негде, так что я нырнул в грузовой отсек и притаился там.

Должно быть, вернулся водитель, поскольку сразу же заскрежетал стартер и мотор завелся. Я ждал момента выпрыгнуть, как только фургон хотя бы слегка замедлит ход, но вскоре мы оказались на федеральной автостраде и продолжали неуклонно мчаться вперед, в темноту. Мне ничего не оставалось, кроме как ждать, пока фургон куда-нибудь заедет и остановится. От мерного покачивания машины меня здорово разморило, и я и сам не заметил, как уснул.

Проснулся я только через неделю.

Пока я спал, фургон врезался в легковушку, которая выскочила на встречу, и несколько раз перевернулся через крышу. Водитель погиб на

месте. Меня, должно быть, выбросило из кузова, поскольку нашли меня немного в стороне, с окровавленной головой.

Когда через неделю я очнулся, все стало по-другому.

Я лежал под теплым, чистым больничным одеялом, и ко мне регулярно заглядывала медсестра, которая ласково спрашивала, не болит ли у меня что. Приносила воды, когда мне хотелось пить, и лекарства, когда я морщился от головной боли.

Я не мог ни шевелиться, ни говорить, но мне было на удивление хорошо. Иногда казалось, что я уже умер и попал на небо. Но если б я даже и умер, жалеть мне все равно было не о чем, так что я был рад просто лежать там, крепко зажмурившись.

Лежал я возле окна, через которое струилось солнце, и пусть даже из-за хирургических швов не мог открыть глаза, кто-то приходил и раздергивал занавески. Мое сердце впервые за все время оттаяло. Вот, значит, каково это — когда тебя любят! Как это чудесно, думал я.

Когда я стал понемногу поправляться и начал говорить, ко мне пришел врач и стал разговаривать со мной, но мне не хотелось много болтать языком. Увидев, что ко мне вернулась речь, он мог спросить, кто я такой, выяснить, где я живу, и позвонить моей матери. Было жутко даже просто подумать об этом. Так что я старался держать рот на замке и делал вид, будто обдумываю его вопросы, крепко зажмурившись, — типа, так жутко болит голова. Наконец, врач перестал забрасывать меня вопросами и после нескольких томограмм мозга оставил в покое.

На следующий день врач сказал, что я ничего не помню из-за той аварии. Странное дело: стоило мне услышать эти слова, как кружащиеся в голове воспоминания и впрямь стали довольно туманными. Первый замок на той двери защелкнулся, когда я увидел улыбающееся лицо медсестры, треплющей меня по голове, другой — когда остальные пациенты в палате заплодировали, поскольку мне наконец удалось пошевелить руками и сжать пальцы в кулак.

Так они и закрывались, один за другим, эти замки, запирающие комнату моих страшных воспоминаний, и, как и предположил врач, я почти потерял память. Забыл, кто я, как меня зовут, — все забыл.

Представители власти, наверное, решили, что я сын водителя, поскольку его бумажник обнаружился среди моей одежды. Дорожная полиция, занимавшаяся аварией, и страховая компания связались с родственниками водителя, и те приехали в больницу. Полицейские, естественно, считали, что я из этой семьи, но жена и дети водителя, увидев меня, ничего не сказали.

Жена вроде как спросила у меня, что связывало меня с ее супругом, но когда ей сообщили, что из-за шока я ничего не помню, она не стала продолжать расспросы. Увидела, как я ем, пользуясь левой рукой, и лишь сказала, что муж ее был тоже левша. Не знаю почему, но после похорон ее супруга она стала заглядывать ко мне время от времени, как к своему собственному больному сыну.

А потом, когда я достаточно оправился, чтобы выписаться из больницы, взяла меня к себе домой.

Я отправился с ней, поскольку мне все равно было некуда больше пойти, но про себя решил: если мне там не понравится, можно будет в любой момент сбежать. Но только представьте: все меня ждут, ждут с распростертыми объятиями! Там были три девчонки: одна классе в седьмом, другая в старших классах, и еще одна даже младше меня.

И еще там был яблоневый сад с сотней яблонь.

Девчонки ждали меня в тени дерева прямо у ворот, и когда мы подъехали на такси, все вскочили и бросились открывать перед нами калитку.

Та, что постарше, помогла мне выбраться из машины, поскольку я до сих пор был на костылях, а средняя взяла мою сумку. Самая маленькая бросилась матери в объятия и посмотрела на меня. Глаза ее не были холодными — наоборот, полны тепла и любопытства.

Даже теперь, когда я мысленно возвращаюсь к тому дню, мне кажется, что это было больше похоже на сон.

Женщина сказала, что я могу оставаться у них, пока ко мне не вернется память. Заглянув за ворота, я и впрямь почувствовал себя как дома. Казалось, что я долго шатался по каким-то темным местам и наконец-то нашел дорогу домой.

Знаете, как красив яблоневый сад в июне?

Приятно было просто смотреть на зеленые яблочки, еще совсем маленькие, гроздьями свисающие с веток. Когда я показал на них, женщина улыбнулась и произнесла: «Просто немножко подожди, пока они созреют, — тогда ешь, сколько влезет».

И в этот момент темная комната в моем сердце провалилась куда-то в самые глубины подвала моего подсознания.

Да, я могу жить здесь! Да, я могу обрести новую жизнь! Больше не надо никуда бежать, не надо постоянно озираться по сторонам, трепеща от страха!

Я прожил там пять или шесть лет.

Как и сказала мне женщина, никто не запрещал мне, когда яблоки

созрели, наедаться от пуза — хрустеть ими, пока рот не слипался от сладости. Девчонки по утрам собирали опавшие за ночь яблоки. Все остальные ели помятые или червивые, но я обирал самые крупные, самые зрелые яблоки прямо с веток. И все же женщина ни разу и словом против этого не обмолвилась — лишь смотрела на меня с теплой улыбкой на лице.

Если б не эта песенка — если б я ее тогда случайно не услышал, — то я так и жил бы в том саду, глядя, как наливаются яблоки, подрезая ветки, прореживая кроны и опрыскивая деревья инсектицидами.

* * *

В тот день я вытащил на двор поломанные ящики для яблок, чтобы сколотить их заново. К тому времени у меня тоже появились свои обязанности по дому — даром я свой хлеб не ел. Яблони были еще не в полном цвету, но все яблоки из погреба мы уже продали и теперь наводили в нем порядок.

И тут при звуке песенки из стоящего рядом радиоприемничка моя рука с молотком замерла в воздухе.

Эта песенка буквально вонзилась мне в уши, мое сердце затрепетало, и я ощутил удушье.

Поначалу не понял почему.

Вытер со лба холодный пот, с усилием выдохнул. Но тревога и страх никуда не девались. Рука, держащая молоток, задрожала. Ощувив дурноту, я поспешно выключил радио, но уже понимал, что происходит нечто ужасное.

Бросился на землю и увидел молоток у себя в руке. Песенка продолжала назойливо крутиться в голове. Я ведь вроде рассказывал о самом раннем своем воспоминании? Ну да — про тот день, когда я едва не задохнулся, придавленный подушкой. Так вот: другое воспоминание, столь же глубоко врезавшееся мне в мозг, — это та самая песенка.

По-моему, это было, когда я еще едва умел ходить и самостоятельно передвигаться по комнате. Не знаю почему, но мать била меня смертным боем. Когда я начинал плакать, она могла затащить меня в ванную, засунуть в наполненную ванну и окунуть мою голову под воду. И, наблюдая, как я задыхаюсь и корчусь от муки, негромким равнодушным голосом напевала эту самую песенку. Пусть даже казалось, что мое сердце вот-вот разорвется в клочья, поскольку вода полностью заполняла мне рот и нос, я все равно слышал ее пение. Когда песенка заканчивалась, она отпускала меня и отправлялась приложиться к бутылке. Все это регулярно повторялось достаточно продолжительное время. Через несколько лет я

даже привык к тому, что меня засовывают с головой в наполненную ванну.

Когда, вдоволь натешившись, моя мать отправлялась на поиски спиртного, я вылезал из воды — после этого обычно меня рвало — и, вытирая слезы, машинально гудел под нос мелодию этой песенки, которая продолжала звучать у меня в голове. Она должна была пугать меня до чертиков, но эта мелодия просто навеки поселилась у меня в мозгу. Я очень хотел, чтобы она умолкла, но ничего не выходило.

Не помню, сколько раз был избит до полусмерти, после чего ходил весь в синяках. Знаю, что время от времени попадал в больницу, но все эти воспоминания — лишь фон для песенки, словно видеоряд в музыкальном клипе. То, что впивалось мне в сердце десятками острых иголок, вытягивало из меня все жилы — это тот самый мотивчик.

Стоило ему зазвучать, как я уже знал, что за этим последует. Песенка была сигналом о том, что сейчас будет больно.

И вот эту-то песенку я вдруг услышал опять.

Пока я холодной ранней весной стучал молотком в садовом сарае, она разом пооткрывала все замки той потаенной комнаты, о которой я вроде бы окончательно забыл.

Прошло уже несколько лет, и моей матери было уже до меня никак не добраться, но стоило послышаться знакомым звукам, как я вновь превратился в того трех- или четырехлетнего ребенка и задрожал от страха, припомнив те ужасные случаи, когда захлебывался в ванне, когда в меня тыкали острыми ножницами или отбивали мне мясо от костей.

Если б я узнал песенку с первой строчки, то сразу выключил бы приемник, — но лишь после того, как зазвучал припев, сообразил, что это та самая, которую так любила напевать моя мать. Я не понимал, о чем поют, но сама песенка, льющаяся из радиоприемника, исполняемая чистым и слегка насмешливым голосом, сильно отличалась от той, что частенько напевала моя мать. Я просто не мог поверить, что мелодия, служившая фоном к действиям, оставляющим меня с гноящимися ранами, переломами и шрамами, на самом деле звучит довольно жизнерадостно и беспечно, словно она из какого детского мультлика.

Я швырнул молоток на землю и зашел в дом, где замотал голову одеялом и стал ждать, когда эта песенка уйдет прочь. Но она, вновь ожившая, все громче и громче звенела у меня в голове. И вскоре я поймал себя на том, что подпеваю ей в такт. От этого мороз пробежал по коже.

Одна из девочек постарше, услышав, как я мычу какую-то мелодию, спросила у меня, откуда я знаю эту песню. Поначалу я просто не мог ничего ответить. Потом как-то ухитрился отговориться — мол, она просто

звучит у меня в голове.

Она в восторге воскликнула, что, наверное, у меня в голове пробудились какие-то ранние воспоминания, и сказала мне, как эта песенка называется. По моей просьбе даже потом нашла где-то слова. Сказала, что это было несложно — пусть даже песенка совсем старая, но очень известная.

Слыхали про «Битлз»? Ну да, наверняка слыхали. Четверо парней, которые хвалились, будто они известней Иисуса Христа. Одного из них вроде пристрелили, насколько я помню? Родись я чуть пораньше, или будь у меня шанс с ними повстречаться, я наверняка убил бы их своими собственными руками. А перед этим спросил бы, на черта они вообще такую песенку сочинили.

Текст оказался в точности для моей мамани. Она выбрала для себя просто идеальную песню. Какую песню, говорите?

Называется она «Серебряный молоточек Максвелла».

«Бам-бам, молоточек Максвелла вдруг прямо ей в бошку летит, тут-туду-ду, бам-бам, молоточек Максвелла, ей от смерти уже не уйти...» Как-то так.

Этот Максвелл убивает свою подружку, свою училку, даже судью, когда его ловят и судят. Колотит всех, кто ему не приглянулся, своим серебряным молотком. С треском раскалывает им бошки.

Почему из всех песен на свете моя мать напевала именно эту? Скорее всего, она и сама не сумела бы этого объяснить.

Наверное, этот мотивчик прилип к ее губам, едва она его услышала.

Мне очень хотелось как-то остановить эту кружащуюся в голове песенку. Но как? Я завизжал и заткнул уши, но без толку. Адские врата, стоит их распахнуть, уже не закроешь.

Я окунул голову в речку возле сада и держал там, пока не потерял сознание, но в толще темной воды голос матери, напевающий знакомую мелодию, стал лишь еще четче. В точности как тот голос, который я слышал из-под воды в ванне, когда был маленьким.

В конце концов я принял глупейшее решение. Решил отправиться повидаться с той, из-за которой эта песенка врезалась мне в голову.

Каким же я был дураком! Хотя нет, тогда-то я был горд собой. Думал, что подрос и стал сильнее не только телесно, но и в собственной голове, за шесть-то лет.

Я, мол, уже не такой, как прежде, я теперь не стану просто уворачиваться или прятать лицо, завидев летящий в меня кулак, я теперь могу сам себя защитить, могу заставить ее бояться себя, если захочу — вот

что я тогда думал.

Вот как был сделан первый шаг сквозь врата ада.

Вот что вернуло меня туда, где я перенес столько боли и откуда я вроде бы навсегда сбежал.

5

Когда Сонгён проезжала мимо станции метро «Садан», небо на западе начало темнеть, и вдруг черные тучи заволокли все небо целиком. Внезапно стало темно, как при солнечном затмении, и Сонгён быстро включила фары.

Прогноз погоды обещал проливные дожди по всему региону. Похоже, что скоро и впрямь хлынет ливень.

И впрямь: на капот со стуком посыпались первые капли воды, такие крупные, что больше походили на град, а когда машина поднялась на холм Намтхерён, на нее обрушились мощные потоки воды. Из-за обычных в это время пробок Сонгён и так продвигалась еле-еле, а теперь движение и вовсе почти застопорилось. Поливало так сильно, что едва можно было различить машины прямо у себя перед носом.

Включив дворники, Сонгён глянула на часы. Обычно такая поездка занимала минут двадцать. До условленного времени встречи еще полчаса. Несмотря на неожиданную задержку, она все-таки ухитрилась приехать минута в минуту.

Стук дождя, барабнящего по крыше машины, эхом отдавался у нее в голове.

Опустив стекло, Сонгён невольно поежилась.

Дождевые капли влетели в салон, словно только и ждали удобного момента, и плечо моментально промокло. Почему-то она почувствовала себя освеженной, хотя всю дорогу после выезда из дома голова казалась тяжелой.

Вопрос, поднятый несколько дней назад, пробудил еще больше вопросов, и чем ближе она подъезжала к цели своей поездки — городскому следственному изолятору, — тем все сильнее путались мысли.

Директор Хан позвонил ей прямо в тот день, когда она прочитала свою завершающую курс лекцию.

— С тобой хочет пообщаться Ли Бёндо — как ты на это смотришь? — спросил он тогда.

Сонгён настолько поразились, что Ли Бёндо остановил свой выбор именно на ней, что несколько секунд не могла вымолвить ни слова. Даже не сразу поняла, о чем вообще толкует директор Хан, поскольку ничего подобного раньше в ее жизни не случалось.

— Хочет пообщаться? Со мной? Но почему? — вот был ее первый

ответ.

Она слышала, что Бёндо напрочь отказывается встречаться вообще с кем бы то ни было. А теперь вдруг ни с того ни с сего согласился выступить в качестве объекта научного исследования — но лишь при том условии, если ему разрешат побеседовать с Сонгён. Лично она не была с ним знакома — даже и в глаза его раньше не видела.

— Откуда он вообще про меня знает? — сразу возник следующий вопрос, поскольку, пусть на первый она и получила ответ, это еще больше сбilo ее с толку.

Припомнился какой-то профессор психологической ассоциации, который сам просил о встрече с Ли Бёндо в изоляторе и получил твердый отказ. Хотя как это Бёндо мог что-то от него узнать, если так с ним в итоге и не встретился?

— Почему? — повторила Сонгён.

— В каком это смысле «почему»? — удивился директор.

— Почему именно я, когда он меня и знать не знает?

Директор, естественно, не сумел назвать причину. Хотя посоветовал ей, в чем бы эта причина ни заключалась, все-таки согласиться и поскорей определиться с датой, поскольку такая беседа крайне важна, даже жизненно необходима. Сонгён ответила, что согласна на встречу в любое время.

В голове была полная каша, словно по ней стукнули молотком, но стоило согласовать дату и время встречи, как все стало быстро становиться на свои места.

Семестр окончен, и у нее всего лишь два заказа на статьи. Учитывая внешние условия, время самое что ни на есть подходящее. Если в первый момент Сонгён и одолевала какие-то сомнения, то теперь они провалились куда-то в самую глубь головы.

Директор сказал, что проверит ситуацию и сразу перезвонит, после чего отключился.

Сонгён успела заглянуть в деканат, чтобы переброситься парой слов с коллегами, выйти из здания и уже подойти к автостоянке, когда директор Хан позвонил опять.

Намеченная встреча — ровно через три дня.

Все быстро завертелось. Необходимые материалы было обещано немедленно доставить ей курьерской службой. Весть разлетелась быстро, и еще до появления курьера посыпались звонки от знакомых. Все были искренне поражены. Больше всего всех интересовало, где это они с Бёндо успели познакомиться. На все эти вопросы приходилось отвечать: «Почему

именно я? Понятия не имею, я даже с ним никогда не встречалась».

Впрочем, никто ей не верил. Ну как это такой тип, как Бёндо, мог выбрать для беседы совершенно незнакомого человека? А потом, когда ее собеседники понимали, что она говорит правду, принимались гадать на кофейной гуще. Звучали в том числе и якобы шутливые предположения, что Ли Бёндо, где-то раздобыв список членов ассоциации, просто ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию, а на беседу с психологом пошел чисто от скуки — ведь содержат его в одиночке, поболтать там не с кем... Но такой список никак не мог попасть ему в руки в тюрьме; а потом, Сонгён в него пока еще даже не включили.

После возвращения домой звонки наконец прекратились. Едва она успела разобрать сумку и принять душ, как появился взмыленный курьер. Материалов набралось на три тома энциклопедии. И едва Сонгён стала их разбирать, как лицо, одно время частенько мелькающее в газетах и теленовостях, припомнилось само собой.

Ли Бёндо.

Серийный убийца, который за последние три года похитил и убил тринадцать женщин как в самом Сеуле, так и в провинции Кёнги^[9], арестованный в прошлом году. Его появление опять вывернуло мир наизнанку после Ю Ёнчхоля^[10] и Кан Хосуна^[11], тоже серийных убийц. Однако с этими персонажами у него не было практически ничего общего.

Перед камерами телевизионщиков и объективами фоторепортеров, столпившихся перед входом в отдел полиции, задержанный держался очень уверенно. Оперативники пытались прикрыть ему лицо куртками и полотенцами, но он отбросил все это в сторону. Ничуть не скрываясь, смотрел прямо в объективы, улыбаясь с таким видом, будто и не испытывал никакой вины за содеянное.

Телезрители, смотревшие в тот день прямую трансляцию, были искренне поражены.

Все это произошло буквально через несколько часов после напряженной дискуссии на тему, имеют ли право обычные граждане знать, как выглядит тот, кто пока находится в статусе подозреваемого, или же его право на сохранение тайны личной жизни должно оставаться неприкосновенным. Однако Ли Бёндо взял решение этого вопроса в собственные руки, отчего все споры вмиг потеряли актуальность.

Но шокировала телезрителей не только бесшабашность, с которой он демонстрировал собственную персону.

В полном противоречии с ожиданиями тех, кто считал, что физиономия

убийцы должна полностью соответствовать его гнусным деяниям, мягкие выющиеся волосы, гладкая нежная кожа и правильные черты лица Ли Бёндю производили весьма благоприятное впечатление. Трогательно опущенные уголки глаз пробуждали у зрительниц материнские инстинкты. Люди, которые всегда верили, что лицо — это зеркало души, и воображали себе дьявола в человеческом обличье, искренне недоумевали. И это недоумение сразу породило целый ряд гипотез в социальных сетях.

Одни высказывали предположение, что полиция просто взяла не того человека, другие — что полученные в детстве травмы вызвали у Бёндю множественные расстройства личности, из-за которых он совершал преступления, не ведая, что творит... Подобные необдуманные теории, почерпнутые из фильмов, расплозились по всему Интернету. Люди постили невесть откуда взятые личные фото Ли Бёндю, а в одной из соцсетей даже основали фан-клуб под названием «Давид» — из-за его некоторого сходства с известной скульптурой Микеланджело. В группу немедленно вступили тысячи последователей, но клуб быстренько прикрыли, как только это известие просочилось в прессу.

Через год после ареста Ли Бёндю приговорили к смертной казни, и теперь он ждал исполнения приговора в камере сеульского следственного изолятора, известного в народе как просто городская тюрьма.

Просмотрев полученные материалы, на следующий день Сонгён запланировала пообщаться с оперативниками и следователями, которые вели его дело.

Согласно приложенному отчету, расследование проводилось как Столичной полицией Сеула, так и отделом полиции района Канбук, тесно взаимодействовавшими между собой, но именно «районщики» открыли дело и вели его до самого конца — вплоть до задержания подозреваемого и реконструкции совершенных им преступлений.

Отдел полиции района Канбук находился всего в пяти минутах ходьбы от станции метро «Сую».

Сонгён договорилась о встрече заранее, так что большинство работавших над делом Бёндю оперативников и следователей из отдела тяжких преступлений должны были оказаться на месте. Тех тоже немало удивило, что Сонгён собирается пообщаться с их недавним подопечным.

Когда Сонгён стала расспрашивать их о серии происшествий, последовавших за арестом, а также выдвигаемых в Интернете гипотезах, все дружно рассмеялись и заверили ее, что все это полный абсурд.

— Просто проведите с ним хотя бы денек — хотя нет, даже всего полдня, — посоветовал кто-то из оперативников.

— Это дьявол, косящий под ангела, — заявил другой.

Как шокирующе это ни выглядит, но ангельское личико Бёндо сыграло едва ли не решающую роль в его преступлениях.

Как и в случае с Тедом Банди^[12], известным американским убийцей, жертвы сразу покупались на его располагающую внешность, полностью теряя бдительность. В этом смысле члены оперативной группы описали его довольно точно — ангельское личико может быть весьма полезным инструментом для дьявола.

Но привлекало жертв не только личное обаяние Ли Бёндо. Наверняка было что-то еще, что трогало сердца обычных людей. Примерно как у Теда Банди, который бинтовал себе руку или ногу и слезно молил проходящих мимо женщин о помощи, притворяясь инвалидом, Ли Бёндо, скорее всего, тоже устраивал какую-то ловушку, мимо которой сердобольные женщины просто не могли пройти.

Большинство из того, что Сонгён удалось выяснить у полицейских, уже имелось в письменных отчетах — даты совершения преступлений, имена и фамилии жертв, равно как и длинный перечень его прошлых занятий. Но Сонгён требовалось не это.

Для начала это было связано с разницей в подходах — полицейские следователи и криминальный психолог смотрели на преступления Бёндо с несколько разных углов. Для полиции было вполне достаточно технических улик и личного признания преступника. Им было совершенно неважно, какого типа жертв он предпочитал, какими способами втирался к ним в доверие, что чувствовал в момент совершения преступления, как совершенствовался по мере повторения своих криминальных деяний...

В общем, каждый смотрел на дело с собственной колокольни.

Сонгён попыталась разузнать побольше о месте преступления — или, вернее, целой серии преступлений, — но не выяснила ничего из ряда вон выходящего про тот холм, на котором стоял дом Ли Бёндо и где были обнаружены тела его жертв. Пробовала задавать вопросы и так, и сяк, но получала практически стереотипные ответы. Она пришла к арестовавшим убийцу полицейским в надежде узнать хоть что-то новое, но через некоторое время утомилась от их бессвязных разговоров и решила, что услышала достаточно.

И тут кто-то вскользь упомянул о некоем происшествии в ходе следственного эксперимента, о котором оперативники до сих пор предпочитали помалкивать.

Случившееся, должно быть, их немало шокировало, и теперь все вдруг заговорили разом. Наконец, Сонгён стала понемногу улавливать суть.

Дело было такое громкое, что возле того места, где работала группа по осмотру места преступления, скопились десятки журналистов, простых граждан и разгневанных родственников жертв. Еще немного, и ситуация вышла бы из-под контроля. По словам оперативников, собралось вдвое больше народу, чем на эксгумации останков жертв Ю Ёнчхоля.

Как только туда в полицейской машине привезли Ли Бёндю, журналисты нацелили свои камеры прямо на него, а родственники жертв рванулись к нему, несмотря на все усилия полиции их остановить. Трое или четверо полицейских, окружив Бёндю, пытались пробиться сквозь толпу, но тщетно.

— Все орали на него как сумасшедшие, а он и глазом не моргнул, — поведал один из оперативников.

Неважно, насколько жесток серийный убийца, — перед лицом разъяренной толпы он наверняка должен ступешаться. Но Ли Бёндю был слишком уж спокоен. Полицейские считали, что у него просто стальные нервы.

— Он их всех моментально заткнул, — сказал один из оперативников и ненадолго погрузился в размышления, наверняка вспоминая то, что произошло в тот день. — Посмотрел на людей, которые осыпали его ругательствами, и улыбнулся им. Это их еще больше разозлило. А он этим просто наслаждался. Был абсолютно спокоен. Но потом вдруг показал на кого-то в толпе и чиркнул себя пальцем по горлу. Люди, которые все это видели, были в полном шоке и не знали, что сказать, просто таращились на него.

Вмешался его коллега, сидящий рядом с ним.

— Ну да, помню. Видел, какая у него была физиономия, когда он это сделал? Блин, у меня по всему телу мурашки пошли! Если б мы не держали его как следует, он наверняка бросился бы на кого-нибудь и наделал бы дел.

Опытный оперативник, проработавший в отделе тяжких преступлений больше пятнадцати лет, покачал головой. Он наверняка уже имел дело с десятками дерзких и наглых преступников, но, похоже, Ли Бёндю сумел произвести неизгладимое впечатление даже на него.

— А почему он вдруг так отреагировал, хотя секунду назад был на редкость спокоен? — поинтересовалась Сонгён.

— Ну, с ходу не скажу... Кто-нибудь помнит?

Все переглянулись и помотали головами.

— Все к нему бросились, орали и крыли почем зря, так что кто его знает, почему он это сделал, в такой-то свистопляске...

Оперативника вполне можно было понять, но Сонгён пожалела, что они упустили важный ключ к тому, что могло бы помочь им докопаться до сути Ли Бёндю. Жаль, что нельзя было сейчас затащить их куда-нибудь выпить, чтобы они как следует припомнили все, что видели и слышали в тот день.

Так что же все-таки заставило Ли Бёндю, сохранявшего поначалу олимпийское спокойствие, вдруг неожиданно сорваться?

Должно быть, брошенное кем-то слово спровоцировало его. Кто-то попал ему в больное место. Если б она только могла выяснить, что это было за слово или действие, было бы гораздо проще разговаривать с ним... Но, похоже, теперь уже этого не узнать.

Правда, к счастью, этот припомнившийся кому-то эпизод, похоже, подстегнул память остальных. Пока оперативники продолжали перебрасываться словами, что-то в их разговоре вдруг заставило Сонгён наострить уши.

— Вот что меня реально зацепило на следственном эксперименте... Нет, это был даже не эксперимент. Он как будто опять полностью вернулся в то время. Словно не просто механически повторял то, что делал тогда, а будто впал в транс, будто не видел ничего остального, несмотря на полицию и граждан вокруг. Это было так реально... настолько реально, что инспектор Цой даже попытался схватить его за шею, чтобы он не испортил манекен. Выражение лица у него в тот момент... Гм, даже сейчас передергивает.

Сонгён заметила, как в глазах говорившего промелькнула искорка страха.

Что же это было, если даже оперативник из отдела тяжких преступлений скривился от отвращения? Сонгён очень хотелось знать, что за выражение было на лице Ли Бёндю в тот момент. Она никогда этого не узнает, если только не увидит собственными глазами. Видно, его даже не описать словами, хоть сотню слов перепробуй в попытках это сделать — останется лишь ощущение, будто блуждаешь в тумане. Сонгён могла только предположить, что это было за выражение, глядя на лицо инспектора.

— Да, мы его все-таки взяли, но я не уверен, что это действительно произошло. Кажется, что хотя его тело физически в тюрьме, его разум все равно продолжает убивать в каком-то его собственном мире.

Оперативник все правильно понял. Темная душа Ли Бёндю полностью сохранила свою жестокую силу, и он постоянно рисовал у себя в голове последние минуты жертв, которых убивал, вновь и вновь смакуя

испытанное.

Сонгён попыталась представить ту тьму, что завладела его сердцем. Он не сознает ни своего тела, скованного кандалами, ни насмешек и оскорблений, сыплющихся на него из толпы... Ли Бёндо опять там, где существуют только он и его жертва, — наслаждается моментом, когда забирает человеческую жизнь. Он все еще весь в этом моменте, все с тем же чувством в руках, и смотрит в женские глаза, полные страха, ощущает на себе дыхание, прерывающееся от страха...

Распрощавшись с оперативниками и направляясь к выходу, Сонгён почувствовала, что стала ненамного ближе к живому, дышащему Ли Бёндо — не к тому Ли Бёндо, что заперт в папках уголовного дела.

Едва она вышла на улицу, как ее остановил начальник отдела тяжких преступлений.

— Вот пытаюсь решить, сказать вам или нет... Но, если вас не затруднит, хотелось бы попросить о помощи.

— Да, конечно, чем смогу. Какой именно помощи?

— Честно говоря... Есть еще несколько эпизодов, которые до сих пор не раскрыты. В его доме оставались кое-какие улики, указывающие на неопознанных жертв, но мы так и не смогли к кому-либо их привязать.

— Выходит... вы хотите сказать, что были еще жертвы? Но в полицейском отчете говорится...

— Он молчит, как рыба, и мы ничего не можем от него добиться.

Получается, что миру известны лишь те эпизоды, которые подтверждены его собственным признанием.

— Не знаю, станет ли он говорить, но, может, у вас получится набрести на какие-то зацепки, когда будете с ним общаться. Буду очень благодарен, если поделитесь услышанным.

Сонгён поняла, к чему он ведет. «Висяки» никогда не хоронят наглухо. Как знать — вдруг кто-нибудь из тех, кто погиб от рук Ли Бёндо, до сих пор лежит брошенным где-то на том холме? Это вполне может быть один из тех людей, чьи лица сейчас смотрят на них с доски «Пропал человек» у входа в отдел, перед которым они сейчас стоят.

— Хорошо. Я позвоню, если получится что-то выяснить, — пообещала она.

— Спасибо.

* * *

Когда Сонгён съезжала с развязки возле станции метро «Индонвон», ливень вдруг прекратился, как отрезало. А может, туча зависла только

лишь где-то между районами Садан и Индонвон. Нигде не было и следа сильного дождя, словно Сонгён оказалась в совершенно ином мире. С неба вновь ослепительно сияло солнце.

Ведущая к следственному изолятору дорога была такой сухой, что повсюду висела пыль.

Подъехав к главному входу тюрьмы, обсаженному покачивающимися на ветру деревьями гинкго, Сонгён припомнила недавний разговор с директором Ханом в офисе ассоциации. Тот попросил ее обязательно заскочить к нему перед встречей с Ли Бёндю.

— Ну как, помогли материалы? — поинтересовался он.

— Да, спасибо. Наверное, было непросто собрать всё так с ходу...

— Аналитический комитет провел кое-какую предварительную работу перед беседой с ним, когда его направили в изолятор после суда. Так что все было готово.

Сонгён уже приходилось слышать про аналитический комитет, в состав которого входили психологи, криминологи и специалисты по психоанализу из различных университетов, сформированный научным отделом Национального полицейского управления десять лет назад. Входили в него и ряд членов психологической ассоциации, в том числе и директор Хан. Обычно этот комитет организовывал беседы с осужденными преступниками для глубоких исследований в области особо тяжких преступлений, включая серийные убийства.

— Учитывая то, что происходило во время ареста и позже, по-моему, у него есть много чего рассказать про свои преступления, — заметил директор.

Но, в полную противоположность его ожиданиям, Ли Бёндю тогда так и не дал согласия не только на серьезное исследование, но и даже на простую беседу. А вот теперь почему-то выделил Сонгён и сам вызвался пообщаться с ней.

— Касательно всего этого в аналитическом комитете был целый диспут, — сказал Хан.

— Да ну?

— Мне хотелось бы еще раз у вас спросить: вы точно никаким боком не пересекались с Ли Бёндю?

— Как я уже говорила по телефону, все, что мне о нем известно, — исключительно из прессы. Я никогда не встречалась с ним лично.

Директор Хан секунду смотрел на Сонгён, потом кивнул.

— Я тоже так думал. Это как раз то, чего опасаются в комитете.

В ответ Сонгён бесстрастно посмотрела на него, не совсем понимая, что

он имеет в виду.

— Вы с ним незнакомы, но он-то отлично знает, кто вы такая. И тот факт, что он выбрал именно вас, означает, что в голове у него не одна только беседа на психологические темы, — объяснил Хан.

Подозрение и тревога, которые после его звонка она сознательно затолкала поглубже, опять вылезли наружу.

— И что же еще, по-вашему, у него может быть на уме? — поинтересовалась Сонгён.

— Ну... То, чего мы не узнаем, пока вы с ним не встретитесь, так ведь? Я позвонил вам, несмотря ни на что, поскольку это может быть единственным шансом услышать про его преступления непосредственно от него, и... — Директор задумчиво почесал лоб, после чего продолжил: — Если мы выясним, почему он выбрал и даже потребовал именно вас, то, может, лучше его пойдем.

Сонгён поняла, что он пытается сказать.

Да, сама она не знает Ли Бёндю, но он откуда-то знает ее.

Было неясно, что в ней привлекло его внимание, но он настолько хотел встретиться с ней, что решил наконец открыться. Уже только одного этого было достаточно, чтобы понять: на Сонгён у него явно есть какие-то планы.

— Мы не знаем, что может произойти при данных обстоятельствах, но я уверен, что вы со всем отлично справитесь. Неважно, какие у него намерения, — просто постарайтесь, чтобы он не добился своего.

Директор Хан посмотрел на Сонгён, как на маленькую девочку, стоящую на берегу реки. Совершенно непонятно, что там, в этой реке. Насколько она глубока, какая опасность таится под ее гладкой поверхностью... Он мог лишь надеяться, что Сонгён в полной безопасности доплывет до намеченной точки и благополучно вернется назад.

Сонгён вдруг испугалась, что не справится с этой задачей. Но она едва ли не лучше всех остальных понимала, что обратного хода нет. Возможность побеседовать с таким типом, как Ли Бёндю, — редкостная удача. Да, определенный риск есть, но если она будет вести себя осмотрительно, то не угодит ни в какую ловушку. «Все у меня получится», — повторяла Сонгён про себя.

Однако, вернувшись после встречи с директором домой, она долго не могла уснуть — мозг продолжал лихорадочно работать, размышлять и прикидывать.

Так и проворочалась до рассвета, когда мужа разбудил телефонный

звонок и тот с утра пораньше умчался к себе в клинику. После этого Сонгён тоже выбралась из постели, прошла в кабинет и уселась за письменный стол.

Материалы по делу Ли Бёндо были разложены там же, где она оставила их вчера. Чтение еще не закончено, но не хотелось листать все эти бумаги в такую рань.

Сонгён принялась раскладывать их по папкам, когда вдруг на пол упала какая-то фотография. Подобрав ее, она увидела, что это снимок Ли Бёндо, вырезанный из газеты. На нем его заталкивали в полицейскую машину — очевидно, после того самого следственного эксперимента.

Он смотрел назад через плечо прямо в объектив, и на лице у него не было написано никаких эмоций. Глаза его словно нацелились куда-то далеко в пространство.

На что это он мог так смотреть?

* * *

Стоило Сонгён мысленно представить себе лицо, увиденное на фотографии, как перед ее собственным взглядом предстали ворота тюрьмы.

Сонгён остановила машину, резко выдохнула и опустила стекло.

Охранник на контрольно-пропускном пункте отдал ей честь и подошел к машине. Протянув свое удостоверение, Сонгён объяснила ему цель визита.

Пока она дожидалась, когда охранник вернет ей документы, салон машины успел наполниться зноем.

6

Странная вещь, правда? Я-то думал, что уже все окончательно забыл, но, оказывается, отлично знал, как попасть домой. По соседству открылось несколько новых магазинов, а некоторые из заборов бесследно исчезли, и вообще в переулке за шесть лет много чего изменилось, но все-таки не настолько, чтобы не найти путь к родному дому.

Дом, из которого я убежал, стоял на том же самом месте.

Едва я его увидел, как осознал, что шесть лет — это ничто. Маленький мальчишка, который сбежал отсюда, ничуть не вырос. «Беги!» — выкрикнул голос у меня в голове, но я словно застыл на месте, не сводя глаз с дома. Прошлое словно обхватило меня за лодыжки, не давая даже

пошевелиться.

Впервые за все время я пожалел о своем побеге.

Если б я остался в этом самом доме, ощущая, как мало-помалу растет сила в моих руках и ногах, и противостоял бы своей матери этой силой, разве не сумел бы я заставить умолкнуть и эту чертову песенку? Но это была слишком поспешная мысль.

Знаете что? Люди так легко не меняются. Трудно сломать давно установившиеся взаимоотношения. И неважно, насколько чудовищны жизненные обстоятельства — люди приспособляются и привыкают ко всему.

Если вы вынуждены жить в Сибири, где мороз в сорок градусов ниже нуля, то вы просто пьете водку и терпите холод. Если вас постоянно бьют до крови, с самого рождения, и все ваше тело в струпьях от ран, вы продолжаете жить, как жили. Бывают дни, когда ничего такого не случается, и вы облегченно выдыхаете, а в другие дни вас избивают до полусмерти, и вы просто отключаетесь. Если при этом ломают руку или ногу — то лежите в лежку и стонете несколько дней, а если повезет, то потом снова встаете и ходите, как ходили.

Меньше одного дня понадобилось, чтобы напрочь стереть шесть лет моей жизни в яблоневом саду. А были ли вообще эти годы? Теперь все это казалось не более чем сном. Иногда я думаю, что это и впрямь был всего лишь сон.

Моя мама? Да, поначалу она удивилась, увидев меня. Но потом одна из ее бровей взлетела вверх, и она стала все тем же скрипучим голосом осыпать меня ругательствами. За эти шесть лет она нисколько не изменилась. Буквально через час после возвращения домой опять пришлось иметь дело с ее тяжелой рукой, шлепающей меня по щеке, с палкой и пинками.

Мне была невыносима мысль о том, что все то же самое произойдет и на следующий день, и еще через день... Я искренне не понимал, почему она продолжает мучить меня, почему просто не убьет? Да, все это противостояние не закончится до тех пор, пока кто-нибудь из нас не отдаст концы. У вас тоже бывают такие сны, когда пытаешься убежать от кого-то, но никак не можешь оторваться от того, что преследует тебя по пятам? Бежишь из последних сил, но потом хочется просто рухнуть на землю и дать себя догнать, поскольку наконец-то все кончится, и уже неважно, останешься ли ты в живых.

Если б не та кошка, которая вдруг забрела к нам во двор, этого никогда не произошло бы. Хотя нет, это просто оправдание. Я, должно быть, давно

ждал подходящего момента. Я все равно сделал бы то же самое, воспользовавшись любым удобным предложением.

В тот день с неба сыпал противный мелкий дождичек.

Кошка укрылась от дождя возле самой стены, под свесом карниза. Мало того что у нее была течка и она орала как резаная, так теперь уже и пролезла чуть ли не в дом, и я принялся швырять в нее всем, что подвернулось под руку. Но каждый раз кошка ловко уворачивалась, словно издеваясь надо мной, и громко вякала.

Я разозлился. Казалось, будто эта чертова кошка надменно смотрит на меня сверху вниз, так что я огляделся по сторонам, выискивая, чем бы еще в нее бросить, и на глаза мне попала лопата. «Ага, сейчас ты у меня получишь!» — подумал я. Быстро метнулся к лопате, подхватил ее и швырнул. На сей раз попал. Кошка с переломанным хвостом принялась с визгом носиться кругами по двору.

И в этот самый момент из глаз у меня посыпались искры.

Моя мать держала в руке кирпич. Не в силах даже пошевелиться, я лишь перевел взгляд с ее лица на этот самый кирпич. И только тут почувствовал страшную боль в затылке. Провел пальцами по волосам, ощутив под ними что-то теплое, мокрое и липкое. Посмотрел на свою руку, перемазанную кровью.

А мама тем временем подзывала кошку, с громким мяуканьем носившуюся по двору. До меня матери будто бы и не было никакого дела. В руке у нее была открытая консервная банка с тунцом.

Голос ее звучал ласково, такого тона я от нее никогда не слышал. Надо мной она никогда так не хлопотала, собираясь накормить. Я значил для нее гораздо меньше, чем какая-то приبلудная кошка.

Я плохо понимал, что происходит; в глазах все плыло, с затылка на спину струилась кровь. Я даже не слышал шума дождя. Был в каком-то полуобмороке. Вдруг показалось, будто меня кто-то ведет...

И, как ни странно, с моих губ внезапно слетел тот самый мотивчик. Лопата, которую я бросил в кошку, почему-то опять оказалась у меня в руке. Когда я замычал эту песенку, мать вздрогнула. А потом увидела лопату.

Моя мать, которая всегда была столь уверена в себе, впервые словно съежилась, зачастила дрожащим голосом:

— Т-ты чё творишь? Положи на место немедленно!

Я на самом-то деле и не собирался ничего делать, но когда услышал ее приказы, до меня дошло, что я гораздо выше ее ростом. И что теперь я гораздо сильнее. И что я больше не хочу... не хочу никуда убежать. Устал я

уже бегать. Казалось, будто я всю свою жизнь пятился и наконец уперся спиной в глухую стену тупикового переулка.

Я покрепче стиснул рукоятку лопаты. Никогда не забуду, какое лицо было у моей матери, когда она перевела взгляд с моих глаз на лопату.

— Мам, помнишь эту песенку? «Бам-бам, молоточек Максвелла...»

* * *

— Да, я научился этой песенке от тебя, мама! Ты мне всегда ее напевала. Помнишь? Ведь помнишь? На сей раз это я напеваю ее тебе! Ты меня вырастила, и я должен тебе как-то за это отплатить, верно? Не волнуйся. Эта песенка звучала у меня в голове целых шесть лет, так что я нигде не ошибусь.

Не знаю, как долго еще я мычал этот мотивчик.

А когда пришел в себя, то уже молчал.

Я стоял посреди двора, глядя, как дождь барабанит ей по лицу. Глаза, которые всегда обжигали меня таким холодом и злобой, были широко раскрыты, несмотря на бьющие в них дождевые капли. Рот, из которого на меня всегда сыпались брань и оскорбления, молчал. И только тут я понял, зачем вообще вернулся в этот дом.

Да, я ждал. Ждал того дня, когда сам смогу спеть эту песенку. Мне очень хотелось, чтобы мама ее услышала. Еще разок промычав припев, я подумал: теперь ведь эта чертова песенка больше не будет безостановочно проигрываться у меня в голове, а?

Когда Сонгён проехала в ворота, поставила машину на стоянку и вошла в приемную для посетителей, к ней сразу подошел дежурный охранник. После ответа на несколько его вопросов и очередной быстрой проверки документов получила пропуск, на котором крупными буквами было напечатано «Посетитель».

Повесив его на шею, Сонгён вслед за охранником двинулась к зданию, в котором располагались тюремные камеры.

Посетители обычно встречались с заключенными в том же административном корпусе, в котором располагалась приемная. Однако для встречи с Ли Бёндю по приказу начальника тюрьмы выделили отдельное помещение в каком-то другом здании.

За основным тюремным блоком открылась пустая площадка, предназначенная для занятий спортом и прогулок, но отведенные для этих целей часы давно закончились, и никого из заключенных здесь уже не было. Вдоль одной стороны площадки протянулась высоченная стена, почти полностью загораживая небо. Тюрьмы предназначены для того, чтобы держать людей взаперти, но эта больше напоминала неприступную крепость, рассчитанную на то, чтобы никто не пробрался в нее с воли.

Сонгён уже приходилось несколько раз бывать здесь, и месяц назад она даже приводила сюда студентов на ознакомительную экскурсию, но так далеко вглубь еще не забиралась. Поглядев на высоченную стену, она спросила у охранника:

— А что там за ней?

— Блок для осужденных на смертную казнь, — последовал ответ.

Здание стояло практически в самом центре тюремной территории. Сонгён еще раз медленно обвела взглядом сплошную неприступную стену.

Тюрьма была построена в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. С тех пор прошло уже больше двадцати лет, так что, естественно, здание было довольно обшарпанным. Но вид его вызывал и еще какое-то странное чувство, которое не объяснишь одним лишь годом постройки. У Сонгён возникло ощущение, будто перед ней какая-то выцветшая от времени фотография — уже и не разберешь, цветная или черно-белая.

Мир за прочными высокими стенами совершенно отличался от мира снаружи — мир, в котором даже сами время и воздух были надежно заперты на замок.

Поверх старой серой стены тянулась ограда из колючей проволоки как минимум двухметровой вышины, с торчащими над ней караульными вышками. Совершенно замороженная ее видом, Сонгён не могла вымолвить ни слова.

В тяжко нависающей над головой стене маячила железная дверь, в которую едва можно было протиснуться вдвоем. После того, как сопровождающий подтвердил ее полномочия, второй охранник провел ее внутрь, и Сонгён показалось, что она только что миновала врата ада, откуда нет возврата.

Железная дверь проходной с громким скрипом закрылась у нее за спиной.

По затылку пробежал неприятный холодок. Звук был такой же мерзкий, как скрип ногтей по классной доске. Сонгён почувствовала, как нарастает напряжение, словно туго натянутые нервы были готовы в любой момент лопнуть.

Какое-то не поддающееся описанию чувство полностью завладело ею, сковало по рукам и ногам. Казалось, будто здоровенный камень навалился на грудь. Она попробовала глубоко вдохнуть, но чувство тяжести никак не отпускало.

Вдруг захотелось немедленно развернуться и без оглядки броситься к выходу.

«Успокойся, нет никаких причин нервничать», — приказала она себе, хотя и без особого толку. Припомнилось прозвище, которое дали ей студенты.

Кларисса Старлинг. Салага, делающая еще только первые робкие шаги в ФБР.

Сонгён представила себе Джоди Фостер в фильме «Молчание ягнят». Только сейчас ей пришло в голову, что в этот момент она и впрямь похожа на Клариссу Старлинг, шаг за шагом пробирающуюся по темнице в сопровождении строгой охраны, вздрагивая и напрягаясь при малейшем звуке. Бёндо, конечно, не Ганнибал Лектер, но она признавала, что он уже психологически довлеет над ней.

Журнал, фиксирующий ход следствия, прочие материалы по делу, истории, рассказанные оперативниками, и три дня зазубривания всего этого, похоже, основательно перегрузили ей мозг. Не было времени как следует подумать и спокойно подготовиться. Сонгён решила, что лучше забыть все, что попыталась запомнить перед встречей.

Ли Бёндо из материалов уголовного дела и рассказов полицейских, общавшихся с ним, — это лишь один из кусочков пазла. Надо найти и

другие кусочки, другую его сторону. Эта мысль помогла ей немного расслабиться. Неопределенный, едва ли не детский страх немного отпустил. Чтобы скрыть остатки волнения, она напрягла живот и наконец ощутила достаточное спокойствие, чтобы оглядеться.

Следуя за шагающим впереди охранником, Сонгён посмотрела по сторонам. Ничего особенного: просто грубое строение без каких-либо заметных черт. На миг замедлив шаг, она бросила взгляд на небо.

Был еще только июнь, но жаркое солнце всюду правило миром. Туч, недавно оросивших дождем Индонвон, не было и в помине. Сонгён еще раз глубоко вдохнула. Даже от самой земли поднимался жар. Лицо покрылось потом под безжалостным солнцем, но, как ни странно, по спине продолжал пробегать озноб. Повертев головой, она посмотрела по сторонам, но больше никого не увидела.

— Так вы идете? — поторопил охранник.

Он уже стоял перед входом в здание и смотрел на нее. Осознав, что заставляет его ждать, Сонгён прибавила шагу. Она жалела, что нельзя выждать, пока холодок в спине не рассеется, но вскоре взяла себя в руки. Ощутила лишь, как вспотели ладони.

Блок одиночных камер, расположенный в самом центре тюремного комплекса, предназначался только для преступников, приговоренных к смертной казни. Сонгён подошла к его двери, холодной даже в середине лета.

— Что, жутковато? — деликатно спросил охранник в попытке помочь ей расслабиться.

— Я и не знала, что мы зайдем так далеко.

— А обычно никто из посетителей досюда и не доходит. Допросы и консультации с адвокатами для обычных заключенных проводятся в административном корпусе, через который вы входили.

Его слова на самом деле ничего ей не объяснили. Он должен был знать, зачем пришлось завести Сонгён так далеко, но, похоже, не имел намерения объяснять ей причину. Охранник открыл вход пластиковой карточкой. Произнес:

— С прошлого года здесь сидели более тридцати заключенных, приговоренных к «вышке».

Под «вышкой» понималась высшая мера наказания — максимум, который только может назначить суд.

— Сейчас осталось человек десять — остальных раскидали по тюрьмам и колониям в различных регионах страны.

Она уже слышала про это в новостях. В случае со «смертниками»

исполнение приговора — это собственно казнь^[13], а не тюремный срок. В результате одно время таких заключенных рассматривали как подследственных. И лишь в прошлом году закон потребовал применять к ним такой же режим, как к приговоренным к тюремным срокам. В результате значительную часть «смертников» перевели в тюрьмы и колонии различных провинций, и значительная часть одиночных камер в здании сразу опустела.

Когда они вошли в дежурку охраны, примыкающую ко входу в здание, Сонгён сразу увидела на стене блок мониторов видеонаблюдения. Больше десятка экранов светились, показывая внутренность различных тюремных камер.

В каждой была установлена видеокамера наблюдения, так что было сразу видно, чем занимаются запертые в них «смертники».

Одни спали, завернувшись в одеяла, другие неустанно расхаживали взад-вперед, словно страдая расстройством поведения. Все, похоже, знали, что на них смотрят, поскольку то и дело злобно поглядывали в объектив, а то и подходили вплотную к камере и осыпали ее ругательствами, вытягивая к ней средний палец.

Сонгён машинально поискала взглядом Ли Бёндо.

— После того недавнего инцидента все камеры в блоке смертников поставлены под круглосуточное видеонаблюдение.

Заслышав незнакомый голос, Сонгён обернулась и увидела стоящего у себя за спиной крепкого мужчину лет сорока пяти. Тот представился как начальник охраны городского следственного изолятора. Сонгён сразу поняла, что имеется в виду под «недавним инцидентом» — самоубийство Сона Кичхоля, одного из «смертников».

Сонгён, которая как-то написала статью для полицейского журнала на тему душевного состояния заключенных, была довольно неплохо информирована об этом происшествии.

— Да, шуму было много, — ответила она начальнику, продолжая разглядывать лица на мониторах.

Естественно, станешь дерганым, когда за тобой наблюдают круглые сутки! И хотя все это лишь ради того, чтобы попробовать предотвратить еще одну попытку наложить на себя руки, решение все-таки не из лучших. Кто-нибудь всегда может заявить, что это нарушение прав человека, а осужденные к высшей мере наказания, и без того люди психически неуравновешенные и не знающие, когда их приговор будет приведен в исполнение, подвергаются еще большим моральным страданиям.

Начальник охраны равнодушно глянул на мониторы, словно показывая,

что подобные опасения ему давно известны.

— Когда они знают, что за ними присматривают и днем, и ночью, они, по крайней мере, не станут пытаться, — произнес он.

Сонгён собралась было что-то сказать, но вовремя прикусила язык. Не стоило сейчас лезть в подобные материи. А потом, она здесь не для этого. Самое главное — встреча с Ли Бёндо.

— Весь этот шум был только из-за того, что это был Сон Кичхоль — газеты не стали бы поднимать бучу, будь это кто-то другой, — пробурчал начальник, покачивая головой. Ему, видно, и впрямь изрядно досталось от средств массовой информации. — Да и вообще: волновало бы хоть кого-нибудь, что происходит за этими стенами, если б не произошло что-нибудь в этом духе?

Сон Кичхоль совершил самоубийство, воспользовавшись пластиковым мешком для мусора, которые выдают всем заключенным.

Те, кто твердо решил покончить с собой, все равно найдут способ, как это сделать, сколь бы внимательно за ними ни наблюдали. Разорвут на ленты одежду или одеяло, чтобы сделать веревку, или во время положенной им тридцатиминутной прогулки ухитрятся найти и пронести в камеру острый обломок камня...

При нынешнем численном составе персонала тюрьмы не так-то просто круглосуточно наблюдать за всеми заключенными. Пока ничего не случается, у пенитенциарной системы нет проблем, но стоит чему-то произойти, как вся ее деятельность становится объектом пристального изучения.

Похоже, что начальник охраны, основательно пострадавший от внимания руководства и общественности, решил, что лучше уж обвинения в нарушении прав человека, чем выговор за ненадлежащий надзор за заключенными.

Произнося свои слова, начальник не сводил глаз с одного из экранов. Проследив направление его взгляда, Сонгён увидела Ли Бёндо — тот стоял в своей камере, прислонившись к стене. Получше приглядевшись, она заметила, что он слегка покачивает головой.

— Вы и вправду хотите с ним встретиться? — спросил начальник охраны.

— Что? — удивленно отозвалась Сонгён.

Начальник отвел взгляд от монитора и посмотрел на нее с озабоченным выражением на лице.

— Честно говоря, не по вкусу мне эта затея, — произнес он.

— Если дело в безопасности...

— Нет, не в этом. Все, что здесь происходит, полностью у нас под контролем.

— Тогда что...

— Что-то мне во всем этом не нравится... Меня сразу удивило, что он выбрал именно вас, так что я спросил у него, откуда он вас знает.

— И что он ответил?

Сонгён и саму крайне интересовал этот вопрос.

— Ничего он не ответил — просто посмотрел на меня с такой улыбочкой, что меня мороз по коже продрал. У него явно есть какой-то скрытый мотив, — сказал начальник, полностью растерявший всю свою равнодушную ленцу и теперь настроенный абсолютно серьезно. — Может, все-таки отмените встречу? Если вы откажетесь от беседы с ним, ничем это вам не грозит, — добавил он.

Похоже, его искренне заботило, чтобы с Сонгён ничего не случилось. Она посмотрела ему прямо в озабоченно сужившиеся глаза и слегка улыбнулась.

— Пока вы за мной постоянно присматриваете, все должно быть нормально, так ведь? — произнесла она.

Брови начальника, услышавшего этот завуалированный отказ, взлетели вверх, после чего он с покорным выражением на лице кивнул охраннику, оставив попытки отговорить ее.

Охранник распахнул дверь дежурки, приглашая ее двинуться дальше.

Выходя, Сонгён представляла, как начальник качает головой.

Она прекрасно понимала его опасения. Тюремный режим и без того недавно подвергся серьезным нападкам, и если эта проблема встанет опять, начальник тюрьмы окажется в очень сложном положении. Лучше сразу исключить подобную возможность, чем вновь проходить через все эти мытарства. Его совершенно не интересует, что представляет собой Ли Бёндо как личность или что у него есть сказать. Он лишь хочет, чтобы все происходящее в тюрьме оставалось под контролем.

Подобная чуткость со стороны начальника вызвала у Сонгён некоторое облегчение. Все эти хлопоты были гарантией того, что охранники будут не сводить с нее глаз. Пока вопрос в его руках, вероятность каких-либо неприятных происшествий практически исключается.

Теперь почти не переживая на этот счет, Сонгён уже не терпелось наконец увидеть перед собой лицо Ли Бёндо. Она прибавила шагу, пытаясь поспеть за шагающим впереди охранником.

Помещение, в котором ей предстояло общаться с преступником, было, судя по всему, наскоро приспособлено для этих целей. Сонгён не взялась

бы сказать, для чего эта комната изначально предназначалась, но, похоже, до этого она просто пустовала. Прямоугольный стол и стулья были новенькими и совершенно не гармонировали с остальной обстановкой. Дождевые потеки на бетонных стенах, с которых давно облупилась краска, черные следы плесени там и сям подсказывали, что сюда очень давно не заходили. В нос ударил влажный затхлый запах. Ощутить исходящий от стен холод можно было, даже не прикасаясь к ним.

— Пожалуйста, обождите немного, — попросил охранник.

Сонгён кивнула и огляделась по сторонам.

Окон не было — лишь на двери имелась стеклянная панель размером с голову, через которую можно было заглянуть внутрь. Подняв взгляд к потолку, Сонгён увидела длинную люминесцентную трубку, наполнявшую помещение холодным светом.

Комната была так плотно закупорена, что казалось, даже сам воздух тоже заперт внутри, и человек, страдающий клаустрофобией, сразу весь сжался бы, едва войдя сюда. Сонгён почувствовала, как ее дыхание стало частым и поверхностным.

Охранник, ушедший, чтобы привести Ли Бёндю, видимо, не отличался особой расторопностью. Пять минут постепенно превратились в десять.

Сонгён встревоженно глянула на часы, еще раз оглядела комнату и наконец уселась на стул лицом к двери. Посмотрев на пустой стул на противоположной стороне стола, представила себе сидящего на нем Ли Бёндю. И только тут осознала, что устроилась в самой глубине комнаты. Если он встанет и загородит дверь, единственный путь отсюда будет ей перекрыт. Она понимала, что мысль совершенно абсурдная, но все же поднялась и пересела на стул возле двери.

Открыла сумку, достала блокнот и ручку, готовясь к беседе. Вынула цифровой диктофон, нажала на «запись», чтобы проверить, все ли работает, когда за спиной у нее открылась дверь.

Сонгён невольно вскочила и обернулась.

Он уже стоял на пороге.

8

Выйдя из операционной, Джесон поспешно переоделся и направился напрямиком в свой кабинет.

Осторожно приоткрыл дверь, чтобы не разбудить Хаён, но внутри никого не оказалось. Перед тем как отправиться оперировать, он на всякий случай еще раз проверил — его дочь была там, спала на диване. Но теперь диван был пуст. Лишь картонка из-под молока подтверждала, что Хаён вообще была здесь.

Еще раз оглядев кабинет, Джесон вышел в коридор.

Перед тем как уйти в операционную, он заранее предупредил старшую медсестру — если Хаён проснулась и вышла в коридор, кто-то из сестер за дежурной стойкой должен был обязательно это заметить.

За стойкой сидела лишь сестра Ким.

Заслышав звук шагов, она подняла голову и, узнав Джесона, быстро показала в сторону ординаторской. Вход в нее располагался прямо за стойкой, сразу за пространством, уставленным всяким медицинским оборудованием.

Посмотрев туда, он увидел Хаён в компании старшей медсестры, протягивавшей девочке шоколадный батончик. Хаён, которая в ответ лишь мотала головой, при виде Джесона вскочила и бросилась к нему. Он понял, что она места себе не находила, не зная, куда он пропал.

Заклучив ее в объятия, опять ощутил запах гари. Подумалось, что нужно немедленно ехать домой и отправить ее в ванну.

Отправляясь к месту пожара, Джесон так и собирался поступить, но уже за рулем передумал. Возникло ощущение, что так вот с бухты-барухты к жене заявляться с ребенком не стоит, когда она и понятия не имеет, что произошло. Требовалось время все хорошенько обдумать.

Изрядно поломав голову, он все-таки решил взять Хаён к себе в больницу. Провел ее в приемный покой, сделал укол успокоительного, осмотрел, нет ли ожогов или еще каких-нибудь повреждений. Почти сразу же Хаён начал морить сон, с нее стало спадать напряжение. Показалось, что лучше дать ей поспать, но стоило дочери слышать его удаляющиеся шаги, как она немедленно открывала глаза и смотрела на него, словно боялась, что он вдруг бесследно исчезнет. В конце концов Джесон остался сидеть с ней, держа ее за руку, пока она лежала под капельницей. Отправился к себе в кабинет, только когда наступило время утреннего

обхода, прихватив с собой Хаён.

Усевшись на диван, девочка нацелила на него глаза, полные страха. Похоже, до сих пор нервничала, не могла встретиться с ним взглядом, когда он молча посмотрел на нее. Пауза затянулась. Хаён едва скрывала тревогу, крепко прижимая к себе своего плюшевого медведя.

Глядя на ребенка, Джесон абсолютно не представлял, что делать. Он уже не раз думал, что надо как-нибудь сказать жене и привести девочку домой. Но неожиданный поворот событий оставил у него чувство растерянности и беспомощности. Утреннее известие оказалось серьезным ударом, но он еще и волновался, как все это воспримет жена.

— Папа... ты сердиться? — тихонько спросила Хаён, опасливо поглядывая на него.

Наконец выйдя из задумчивости, Джесон помотал головой. Хаён, похоже, неверно истолковала его молчание.

— Да нет же, с чего мне сердиться? — ответил он.

— Ты... ты сказал тебя не звать.

— Ну... это потому, что у меня тут полно работы.

Произнеся эти слова, Джесон секунду внимательно смотрел на нее, а потом распахнул объятия. Хаён, однако, не стала с готовностью в них падать. Все медлила. Ему стало грустно — как же все-таки они отдалились друг от друга! Он опять раскинул руки, и Хаён, которая просто смотрела на него, наконец отложила своего плюшевого медведя и бросилась к нему.

Она вся дрожала. Наверное, до сих пор сказывался шок — досталось ей почище, чем всем остальным. Ей пришлось пройти через то, с чем и взрослым-то нелегко справиться. Ничто не указывало на то, какая буря бушует у нее в сердце. Джесона переполняло сожаление, что он никогда должным образом не реагировал на нужды своего ребенка, слишком уж занятый своими собственными заботами.

— Тебе страшно? — спросил он.

В ответ послышались лишь судорожные всхлипывания.

— Все нормально. Я здесь. Теперь тебе не о чем волноваться.

Услышав эти слова, Хаён стала горько подвывать. Как сильно, видать, она испугалась, оказавшись среди языков пламени, среди стольких незнакомых людей! Все эмоции, до поры запертые шоком и растерянностью, словно взорвались в ней при этих его словах. Он еще ближе прижал к себе ее хрупкое тельце, похлопал ее по спинке. Ему хотелось стереть всю горечь, завладевшую ее сердцем.

Оторвалась она от Джесона только тогда, когда от плача ее прошиб холодный пот.

— Разве нельзя мне жить с тобой? — спросила она.

Он не мог ответить ей прямо сейчас. Решение было не только за ним.

Заметив его секундное замешательство, Хаён вытерла кулачком оставшиеся на щеках слезы и, словно вообще не плакала, вернулась к дивану и села. Джесон смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Хаён, с опущенной головой немного подождав его ответа, опять улеглась на бок и объявила, что ей хочется спать.

Джесон быстро вытащил из ящика письменного стола маленькое одеяльце и укутал ее. Посмотрел на нее, лежащую там с плотно зажмуренными глазами, прижимающую к себе плюшевого медведя, и откинул прядки волос, упавшие ей на шею. Насмерть перепуганного ребенка, который какие-то секунды назад всхлипывал и цеплялся за него, теперь не было и в помине — Хаён бесшумно спала, повернувшись к нему спиной.

Послышался стук в дверь. Наступало время утренней суеты.

Джесон еще некоторое время смотрел на нее, лежащую спиной к нему, а потом поднялся.

— Мне нужно в операционную. Это ненадолго, так что попробуй поспать еще немножко, хорошо? — произнес он.

Девочка даже не пошевелилась. Его сердце налилось тяжестью, но Джесон решил, что обдумает свои дальнейшие действия, когда справится с утренней текучкой.

Все эти два часа в операционной он представлял себе Хаён, обиженно отвернувшуюся от него.

«Разве нельзя мне жить с тобой?»

Ее голос так и продолжал звучать у него в голове. Но этот вопрос повис в воздухе, словно эхо в пустом кувшине. Не ему одному давать на него ответ...

Джесона не было рядом каких-то два часа, но теперь Хаён обхватывала его со всей силы, словно желая сказать, что больше не расстанется с ним ни на секунду. Старшая медсестра жалостливо посмотрела на нее.

— Я слышала, что в вашем доме был пожар, — сказала она. — Представляю, как бедняжке досталось!

Из приемного покоя слухи о пожаре успели расползтись по всей больнице. Даже интерны в ординаторской успели выразить свои соболезнования. Поскольку Хаён находилась в кабинете Джесона, они просто не могли не знать. Но ему не хотелось еще хоть сколько-нибудь больше приоткрывать завесу над своей личной жизнью.

— Спасибо, — поблагодарил он старшую медсестру, чтобы избежать

дальнейшего обсуждения этой темы. Схватил Хаён за руку и поспешно вышел в коридор. По палатам уже развозили еду на тележках. Сам он еще не завтракал, и это только сейчас пришло ему в голову.

— Не стоит ли нам что-нибудь съесть? — предложил Джесон, и Хаён молча кивнула. — Чего больше хочется? Лапшу? Свиную котлетку?

Девочка ничего не ответила.

— Хаён?

— Да все равно... Что хочешь... — мрачно пробубнила она, избегая встречаться с ним взглядом и наверняка все еще дуюсь на то, что он сразу не ответил на ее вопрос. Хорошо еще, хоть руку у него из пальцев не выдернула.

Выйдя из больницы, Джесон повел Хаён к итальянскому ресторану через дорогу.

Там оба устроились на белых деревянных стульях с облупившейся краской, накрытых цветастыми подушками. Усевшись напротив него, Хаён по-прежнему старательно избегала его взгляда, обводя пальчиком цветочки на скатерти. Наблюдая за ней, сидящей на фоне розовых занавесок, Джесон только сейчас осознал, сколько ей уже лет — до сих пор он об этом как-то не задумывался. В этом году Хаён исполнилось одиннадцать. Они жили по отдельности уже три года. За те несколько месяцев, что он не видел ее, дочка заметно подросла.

— Со сметанным соусом, так? Любишь сметанный соус? — спросил он. Хаён опять не ответила.

Джесон подозвал официанта, сделал заказ и налил Хаён воды в чашку.

— Ну что, так и не будешь со мной разговаривать? — спросил он.

Дочка упорно хранила молчание.

— Тогда и я ничего не буду говорить.

Хаён, которая только что тарасилась в стол, подняла глаза. В ее глазах опять промелькнула тревога. Джесон пожалел о своих словах. Попытался утешить ее, говоря мягко и ласково:

— Не стоит ведь дуться, когда мы так долго не виделись?

Хаён помотала головой, но было ясно, что она делает это через силу. Даже когда они приступили к еде, отделялась односложными ответами.

Джесон чувствовал себя паршиво, хотя, сказать по правде, дочь отнюдь не занимала все его мысли эти последние месяцы. И все не слишком-то отличалось от того, как было, когда они жили вместе. Не то чтобы он не любил ее... Джесон просто так уработывался в госпитале, что, приходя домой, чаще всего валялся в постель, даже не заглянув к ней. И хотя они жили в одном доме, он видел ее от силы раз в пару дней, а играл с ней и

того реже — может, всего раз в пару недель.

Когда он последний раз мог как следует рассмотреть ее лицо? Пока она заталкивала в рот спагетти, сидя напротив него, Джесон сидел, не сводя с нее глаз.

Ее большие чистые глаза и густые брови — в точности как у ее матери. Личико все еще по-детски пухлое, но когда она чуть подрастет и черты ее лица станут более ярко выраженными, Хаён будет еще больше похожа на мать. Джесон осознал, что похолодел, усмотрев в лице дочери даже какие-то намеки на нее.

Ему не хотелось признаваться даже самому себе, что в душе до сих пор оставались раны и чувства, имеющие отношение к его покойной жене. Он поспешно отвел глаза от ребенка и быстро прикончил еду на своей тарелке.

— Это... это из-за той женщины? — спросила вдруг Хаён.

— А?

Дочка, которая до сих пор тихо ела, отложила вилку и произнесла:

— В смысле, из-за той женщины, которая теперь живет с тобой... — Она не договорила, особо не зная, что сказать.

Хаён всегда была сообразительной и восприимчивой. И прекрасно знала, почему он не может взять ее к себе.

— Ну ладно... Я могу поехать к дедушке, в Америку.

Судя по всему, она уже смирилась с реальностью ситуации и решила, что ей лучше уехать. Но план, сложившийся в ее маленькой головешке, тоже был не особо легковывполним.

Отец Джесона перебрался на постоянное место жительства в Сиэтл, где жили два брата Джесона, когда Хаён было всего два годика; но в прошлом году у него началась болезнь Альцгеймера, и старик находился на полном попечении матери Джесона. Тот просто не мог обременить ее дополнительными хлопотами, поскольку уход за отцом занимал практически все ее свободное время, — равно как не мог попросить приютить Хаён и кого-то из братьев, связанных по рукам и ногами работой в собственном ресторане. Да и просить было бы как-то не с руки. Родственники, с которыми не видишься даже раз в год, с которыми и созваниваешься-то раз в несколько месяцев, — это, считай, и не родственники вообще.

А потом, Джесону была невыносима сама мысль отправить маленькую девочку в такую даль, при живом-то отце.

Ответ был ясен, и неважно, как он сам на все это смотрел. Оставалось лишь придумать, как все это осуществить.

— Что я тебе уже раньше говорил? — спросил он у Хаён.

Та лишь посмотрела на него, не произнеся ни слова.

— Я говорил тебе не волноваться. Я все устрою, — заверил он ее.

— Выходит... выходит, мне можно будет жить с тобой?

Джесон кивнул, и девочка наконец улыбнулась с явным облегчением.

При виде улыбки у нее на лице Джесон дал себе зарок решить проблему прямо сейчас, ни секунды не откладывая.

Прошел уже год, как они стали жить с Сонгён — он уже хорошо знал, что она за человек. Она не из тех, кто холодно отвергнет маленького ребенка в такой ситуации. Может еще немного поколебаться, но в конце концов обязательно примет Хаён. Но даже если и так, имелась и еще одна причина, по которой он пребывал в нерешительности — почему не мог прямо сейчас взять дочь за руку и отвести к себе домой.

Ему крайне не хотелось рассказывать Сонгён о том, что произошло между ним и его бывшей женой. Сонгён не из тех, кто любит ворошить прошлое, так что он никогда и не упоминал перед ней об этом.

Если Хаён будет жить с ними в одном доме, ему придется рассказать Сонгён много чего из прошлого, чего совсем не хочется рассказывать и чего ей явно не стоит знать. В последующие дни Хаён будет проводить гораздо больше времени с ней, чем с ним. И совершенно непонятно, к чему это может привести и о чем Хаён может обмолвиться, когда обе будут оставаться наедине. Это беспокоило его больше всего.

Но в данный момент другой альтернативы не имелось. Может, в итоге придется внимательно наблюдать за ними, каждый божий день ходить словно по минному полю. Но наконец он твердо решил: ребенка нужно забрать к себе домой.

Интересно, подумал Джесон, сколько Хаён вообще знает из того, что произошло той ночью. Но это было не то, о чем легко говорить или о чем можно просто спросить. Он немного понаблюдал за ней, полностью сосредоточившейся на еде и опустившей голову к тарелке, а потом подхватил свою чашку и залпом допил остатки воды.

Показалось, будто что-то холодное и твердое вонзилось ему прямо в горло.

9

Он был в синей арестантской робе и в наручниках, но вид у него был самый что ни на есть благодушный.

Знакомое по фотографии правильное лицо было таким бледным, достаточно долго не видя солнца, что из-под кожи просвечивали голубоватые капилляры — довольно симпатичное лицо с четко очерченными бровями и мягкими губами. Глаза с опущенными вниз уголками придавали ему еще более умильный вид. Прозвище «Давид» вполне ему подходило. Из-за короткой тюремной стрижки все эти особенности лица вошедшего еще более бросались в глаза.

Вряд ли бы кто подумал, что это лицо хладнокровного убийцы, совершившего множество гнусных преступлений.

Стоя на пороге, Ли Бёндю медленно оглядел Сонгён с ног до головы. Когда его взгляд скользнул с лица ей на грудь, Сонгён почувствовала, как сердце забилося чаще. Его взгляд немного побродил по воздуху, а потом опять вернулся на ее лицо. Когда его глаза встретились с ее взглядом, вокруг них собрались морщинки, и он едва заметно улыбнулся. Если б они случайно встретились в каком-то другом месте, ее сердце затрепетало бы от этой улыбки.

Когда тюремный охранник подтолкнул его под локоть, Ли Бёндю словно очнулся и шагнул вперед.

Усевшись напротив Сонгён, он некоторое время просто смотрел на нее, пока охранник прикреплял его руки наружниками к стулу. В глазах приговоренного к смерти преступника определенно плескалась радость, словно он встретил давно знакомого человека.

Закончив возиться с наружниками, охранник встал рядом с ним. Ли Бёндю перевел взгляд на него и спросил:

— А вы... вы так и будете стоять здесь?

— Таковы правила, — последовал ответ.

— Но я хочу поговорить только с ней, с глазу на глаз!

Ходили слухи, что он чувствовал себя хозяином и делал что хотел даже в тюремном изоляторе, — и, похоже, эти слухи вполне соответствовали действительности.

— При таком положении дел я не могу сказать вам то, что мне нужно сказать, вы согласны, госпожа Ли? — произнес Бёндю, поворачиваясь к Сонгён. И хотя техника безопасности есть техника безопасности, она тоже

предпочла бы общаться в той обстановке, в которой он смог бы говорить прямо и искренне.

— Вам нельзя общаться с ним без присутствия кого-то из охраны, — твердо объявил ей охранник, прежде чем Сонгён успела открыть рот.

Она ясно ощущала, что и начальник охраны, с которым она только что познакомилась, и этот надзиратель одинаково недовольны ее визитом, какие бы цели тот ни преследовал. Охранник явно не мог нарушить правила из-за каприза заключенного. В конце концов Сонгён предложила компромисс:

— Ну что ж, правила есть правила. Если вы не против, может, присядете вон там, у двери? Все это займет какое-то время.

Переведя взгляд с Ли Бёндо на Сонгён, охранник неохотно сдался. Поскольку он остается в комнате, то может слышать их разговор, но при этом не будет раздражать Ли Бёндо, дыша ему прямо в затылок. Расстояние позволит тому расслабиться, что тоже было на руку Сонгён. Все довольны, никакие правила не нарушены. Если все проявят нужную гибкость, им можно оставаться на своих местах.

Ли Бёндо убедился, что охранник уселся у двери, а потом направил свой взгляд на Сонгён. Похоже, что достигнутое соглашение заметно прибавило ему настроения. Мягко улыбнувшись, он посмотрел на нее и не спеша заговорил:

— Вы ведь сгораете от любопытства, не так ли?

Сонгён лишь просто посмотрела на него, недоумевая, о чем это он.

— Мол, откуда этот тип про меня знает? Почему именно я? Вы ведь задавали себе эти вопросы, я прав?

Его глаза, направленные прямо на Сонгён, откровенно смеялись. Она немного сконфузилась, чувствуя себя так, будто он видит ее насквозь. Но и не стала делать вид, будто он неправ. Она чувствовала, что надо быть открытой с ним, чтобы беседа прошла гладко. Тоже посмотрев ему прямо в лицо, увидела странный холодок в его на первый взгляд добродушных глазах. Даже его улыбка не могла скрыть этот холодок.

— Да, было дело. Несколько дней голову ломала. Так может, дадите мне ответ?

Однако вместо того чтобы ответить, он уставился на нее, а потом расслабленно откинулся на спинку стула. Похоже, был доволен тем, что контролирует ситуацию. Задал следующий вопрос:

— Какое самое старое воспоминание сохранилось у вас в памяти?

— Что?

Вопрос застал ее врасплох. «Самое старое воспоминание? В смысле,

самое раннее? Он намекает, что знает какие-то факты из моего детства, или просто хочет разузнать обо мне побольше?» — подумала Сонгён, ощутив полное замешательство, словно всю ночь готовилась к экзамену, только чтобы обнаружить, что придется отвечать не на тот билет, вопросы по которому выучила.

Правый уголок его рта слегка приподнялся. Наблюдая, как с блеском в глазах он ждет ответа, Сонгён решила, что больше не даст ему тут командовать.

Хохотнула и безмятежно открыла свой блокнот со словами:

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

На ее первый вопрос Ли Бёндо не ответил. Так что нет причин и ей ему отвечать. Как он отреагирует на этот раз?

— Почему вы так избегаете этой темы? Плохих воспоминаний? — спросил он.

— Я здесь не для того, чтобы что-то рассказывать. Я здесь, чтобы слушать.

— И только в этом дело? Почему-то мне кажется, что есть что-то, о чем вам очень не хотелось бы вспоминать.

У Сонгён ничего не нашлось сказать в ответ.

— Точно так же, как вы хотите услышать мою историю, я тоже хочу услышать вашу. Тут так скучно, тут такая тоска!

Чистое дежавю... Вроде как она уже это где-то слышала. Ах да. Чертова Кларисса Старлинг. Ганнибал Лектер говорил примерно то же самое в «Молчании ягнят».

— В общем, если хотите услышать мою историю, то должны рассказать свою, — заключил Ли Бёндо.

— Хотите разыграть сценку из фильма?

Фыркнув, он произнес:

— Не пойму, о чем вы говорите, но это обычная сделка, о которой даже малым детям известно. Ты мне, я тебе. Все по-честному.

И этот тип, убивший как минимум тринадцать женщин, еще толкует о честности! Сонгён очень захотелось спросить, что он каждый раз давал, забирая чью-то жизнь.

— Ну не знаю, никогда об этом не задумывалась, — ответила она.

— А вы подумайте. Мы никуда не спешим.

Сонгён отложила ручку и посмотрела на него. Как и ожидалось, Ли Бёндо не хотел оказаться в роли проигравшего. Она решила кинуть ему какую-то кость, только чтобы он открылся. Ненадолго опустила взгляд и погрузилась в размышления, после чего произнесла:

— Красные туфельки. Красные туфельки, которые купила мне мама. Вот мое самое раннее воспоминание.

Прищурившись, Ли Бёндо посмотрел на Сонгён. Наверняка пытался определить, насколько она правдива в ответе. Через секунду сокрушенно покачал головой.

— Я очень разочарован. Я-то думал, что услышу что-нибудь пооригинальней, — промолвил он с явной подковыркой.

Сонгён пожала плечами и опять подхватила ручку.

— А какое у вас самое раннее воспоминание?

— У меня-то? Самое раннее? Как я плаваю в околоплодной жидкости в животе у своей мамочки, — произнес он с совершенно бесстрастным лицом. Глаза его, однако, поблескивали, ожидая ее реакции. Сонгён, которая уже собиралась записать ответ, перехватила его взгляд и поняла, что он просто издевается над ней.

— Ну и каково там было? — столь же невозмутимо спросила она.

— Как будто я вот-вот захлебнусь. И вода была грязная.

Судя по всему, ничего хорошего о своей матери он не помнит. Ей показалось, или на лице у него и впрямь промелькнула ненависть?

Сонгён пришло в голову, что у большинства людей самые ранние воспоминания наверняка каким-то образом связаны с матерью. Она, конечно, не верила, будто кто-то способен помнить собственное пребывание в материнской утробе, но с матерью у Ли Бёндо явно не все так просто. Есть какие-то сильные чувства. Сонгён попыталась припомнить, что читала прошлой ночью у себя в кабинете про его семью. Там было написано, что Бёндо, который в детстве жил только лишь с матерью, в семнадцатилетнем возрасте остался в полном одиночестве, когда она ушла из дому.

— А давайте поговорим о вашей маме, хорошо? — предложила Сонгён.

При этих словах Ли Бёндо откинулся назад на стуле, глядя на нее вприщур, словно пытаясь понять, с какой целью задан этот вопрос.

И тут вдруг негромко загудел себе под нос: «Бам-бам, молоточек Максвелла...»

Столь странное поведение вынудило Сонгён оторваться от блокнота и поднять голову.

Он совершенно искренне улыбался. Глаза лукаво горели. Ли Бёндо словно бросил камешек, чтобы пробудить ее любопытство. Вопрос только в том, значит ли этот камешек хоть что-нибудь?

Так, песенка — это «Серебряный молоточек Максвелла»...

Насколько Сонгён помнила, впервые прозвучала она еще где-то в

далеких шестидесятых. Если б не профессор Клен, ее научный руководитель по психологии, она бы про эту песенку и знать не знала.

Профессор Клен, большой фанат «Битлз», частенько устраивал барбекю для студентов у себя на заднем дворе. И фоном на таких вечеринках всегда звучала музыка «Битлз». На того, кто имел неосторожность спросить, что за песня сейчас играет, моментально обрушивался шквал всякой нужной и ненужной информации — профессор, фанатично сверкая глазами, в мельчайших подробностях припоминал тот день, когда купил свой первый в жизни альбом «Битлз», рассказывал истории создания каждой из песен, включая малоизвестные закулисные подробности... Все эти истории всегда заканчивались торжественным объявлением о том, что «Битлз» умерли у него в сердце аккурат в тот день, когда он сподобился посетить могилу Джона Леннона.

Сонгён несколько удивило, что Ли Бёндо знает эту композицию. Ни он, ни сама Сонгён не относились к тому поколению, которое могло слышать ее из каждого утюга. Может, в его окружении тоже имелся фанат «битлов» вроде профессора Клена?

— Насколько я помню, это песня «Битлз», — произнесла она. — Это и есть ваше самое раннее воспоминание?

Его глаза вдруг широко раскрылись. Он уставился на Сонгён, после чего расхохотался.

— Вау, классно встретить человека, который знает эту песню! — воскликнул он, повысив голос. Похоже, это подняло ему настроение. Обрадовало, что Сонгён знает его любимое произведение. Ага, общая тема для разговора, пусть даже совсем незначительная, может заметно облегчить общение. Сонгён в душе от всего сердца поблагодарила профессора Клена и посмотрела на Ли Бёндо.

— Эта песня имеет для вас какое-то особое значение? — поинтересовалась она.

Этот небрежно брошенный вопрос заставил его еще ближе податься вперед. Неотрывно уставившись Сонгён прямо в глаза, он практически зашептал — так, что даже наострив уши, она едва могла его разобрать.

— Все женщины, которым я пел эту песенку... погибли от моих рук.

Сонгён показалось, что по спине у нее съехал кусок льда. И вновь этот странный холодок в глазах... Его лицо, вроде бы мягкое, добродушное и полное озорства, словно спряталось за этими холодными и пустыми глазами. Какая из этих ипостасей Ли Бёндо истинная?

Сонгён никак не удавалось избежать его взгляда, нацеленного прямо на нее. Судя по выражению его лица, он говорил правду.

Гудел он этот мотивчик вовсе не потому, что некогда услышал и просто полюбил. Если каждый раз им сопровождалось убийство женщины, это наверняка некий символ. Песенка что-то значит для него, и только для него. Сонгён осознала, что «камешки», которые он в нее бросал, — это те самые детальки пазла, которые приведут к пониманию того, что он из себя представляет.

Ли Бёндо с довольным видом наблюдал за шоком в глазах у Сонгён, и лоб у него даже собрался в морщинки, словно он не хотел упустить ни единого из тех эффектов, которые его слова произвели на нее. Будто швырнул камень в озеро и теперь смотрел, как по воде расходятся круги.

Все еще не сводя глаз с Сонгён, убийца облизнул губы, которые влажно блеснули. Сонгён следила за его движениями, как за гипнотизированная. Удовлетворенно улыбнувшись, Ли Бёндо наконец отвел от нее взгляд. И громким голосом, совершенно не таким, какой она слышала буквально минуту назад, крикнул охраннику:

— Беседа закончена!

Не прошло и десяти минут! Совершенно озадаченная столь неожиданной сменой настроения, Сонгён неловко выбралась из-за стола.

Охранник, похоже, уже привык к подобным заскокам Бёндо. Все это время спокойно сидел у двери, но сейчас быстро вскочил, отстегнул наручники, удерживающие того на стуле. Потом свел руки Бёндо вместе, опять сковал их и поднял его на ноги.

Ли Бёндо не спеша двинулся к двери, даже ни разу не обернувшись. Сонгён быстро заступила ему дорогу.

— Эй, погодите... Мы вообще-то даже толком и не начали! — возмутилась она.

— А по-моему, для первой встречи не так уж и плохо, как думаете? — последовал ответ.

Сонгён просто потеряла дар речи.

Этот гад как хамелеон — постоянно меняет окраску.

Совсем недавно Бёндо был буквально счастлив увидеть ее, но теперь сменил цвет — полностью охладел, словно больше вообще не желал иметь с ней дела. Обошел ее и остановился у порога. Охранник обернулся и бросил взгляд на Сонгён, а потом открыл дверь и вывел Ли Бёндо из комнаты.

Пораженная Сонгён постояла пару секунд, а потом опомнилась и бросилась за ним.

Она ехала сюда из Сеула не меньше часа! Что, теперь так вот все бросить и уйти, несолоно хлебавши?

— Так вы что, больше не хотите общаться? — крикнула Сонгён в спину Ли Бёндю, который успел удалиться на порядочное расстояние.

При этих ее словах он замедлил шаг и остановился. Постоял пару секунд, а потом повернул голову и посмотрел на нее.

— На сегодня хватит. Давайте встретимся опять через два дня. В это же время. Ах да — теперь всякий раз, когда будете приходить сюда, приносите мне яблоко. Большое, свеженькое и такое, чтобы сразу запустить зубы хотелось.

На этих словах он отвернулся, оставив Сонгён кусать губы от злости. В свою камеру Бёндю вступил с величием владыки, сопровождаемого почтительным слугой.

Сонгён пребывала в полном ошеломлении. Чувствовала себя униженной. Злобно топнула ногой, когда в глубине коридора показался начальник охраны.

— Ну, разве я вам не говорил? Что лучше вообще с ним не встречаться? — обратился он к ней.

Ну да, здесь же везде камеры видеонаблюдения...

— Он тут уже как-то раз дал согласие пообщаться с продюсером одной телекомпании. Тот решил, что ему жутко повезло, и весь такой радостный явился в назначенный день с видеокамерой. И знаете, чем дело кончилось?

Сонгён уже могла себе представить.

— Бёндю заставил его прождать три часа, а под конец категорически отказался с ним встречаться. Тот продюсер, видно, потом крыл его всеми словами, какие только знал.

Следовало ли Сонгён радоваться, что, по крайней мере, с ней обошлись чуток получше, чем с кем-то еще? Она невольно рассмеялась. Ведь предчувствовала, что это будет непросто... Но и помыслить не могла, что не получит даже минимум времени, необходимого для нормальной беседы. Ей так и не выпал шанс задать заранее заготовленные вопросы.

— Все равно толку никакого не было бы... Только представьте, как ему тут скучно — сидеть день за днем в одиночке, когда никто его не навещает. Так что иногда ему хочется, чтобы кто-нибудь с ним немного поиграл. На вашем месте я на этом и остановился бы. Это пустая трата времени. Вам так уж хочется быть его игрушкой?

Вообще-то саркастическая ремарка начальника даже прибавила ей настроения.

Вполуха прислушиваясь к его словам, Сонгён опять проиграла в голове свою короткую встречу с Ли Бёндю и осознала, что та оказалась не совсем уж бесплодной.

Его поведение, его жесты, его взгляд, когда он смотрел на нее, его реакции, его вопросы, и даже эта дурацкая песенка «Битлз» — все это было информацией, которую никак не добудешь из трех энциклопедически увесистых томов уголовного дела. Получив даже такие крохи, не стоит вешать нос. Ее охватило возбуждение. Сонгён постаралась одарить начальника улыбкой пообаятельней.

— Через два дня увидимся! — бросила она на прощание.

Заметив, что лицо начальника начинает кривиться, Сонгён направилась в импровизированную переговорную, чтобы забрать оставленную там сумку. Опять услышала за спиной голос начальника охраны. Тот что-то бормотал как бы про себя, но ей было все прекрасно слышно.

— Какой смысл вообще связываться с этой сволочью? Вы еще об этом горько пожалеете...

10

Остановив машину перед домом, Сонгён заглушила мотор.

Все тело казалось тяжелым, как промокшая вата. Она резко выдохнула. Вдруг навалилась жуткая усталость — хотелось лишь поскорей зайти в дом и погрузиться в горячую ванну. Хотелось дать отдых нервам, издерганным в ходе встречи с Ли Бёндю. Хотелось расслабить тело и разум, а потом принять прохладный душ и на свежую голову еще раз взвесить и оценить все, с чем сегодня пришлось иметь дело. Но каковы бы ни были ее желания, в доме ее поджидало нечто незапланированное.

Едва открыв дверь и войдя в дом, она заметила рядом с ботинками Джесона пару детских кроссовок.

Зашла в гостиную, гадая, чья это может быть обувь, и увидела какую-то девочку, которая с отсутствующим видом сидела на диване и даже не заметила ее.

Сонгён опасливо огляделась по сторонам. Увидела открытую дверь спальни и припомнила, что видела у входа и ботинки Джесона.

Наверное, это он и привел девочку, подумала она.

Сонгён знала, что у Джесона с его бывшей женой был ребенок, но и помыслить не могла, что в итоге они познакомятся с ней таким вот образом. Он вроде говорил, что бывшая не разрешает ему видеться с дочкой. И что после развода он ее ни разу не видел.

Так что же та сейчас делает у нее на диване?

Сонгён медленно подошла к ребенку.

Девочка, которая в каком-то оцепенении глядела прямо перед собой, наконец почувствовала, что кто-то за ней наблюдает, повернула голову и посмотрела на Сонгён.

При виде незнакомки она вроде как ничуть не удивилась. На лице ее не отобразилось никаких эмоций.

Даже на самый первый взгляд тонкая кожа и огромные глаза девочки обладали какой-то притягательной силой. Глаза прикрывали длинные густые ресницы, и было в них что-то печальное. За окном виднелись заросший травой дворик и ворота за ним. Ребенок, наверное, заметил Сонгён, еще когда та заезжала в ворота.

Сонгён собралась было что-то ей сказать, как вдруг услышала шаги за спиной.

— О, ты уже дома?

Голос Джесона звучал нерешительно и сбивчиво, что было совершенно непривычно — он, наверное, не ожидал, что она так рано вернется домой.

— Поздоровайся, Хаён, — сказал Джесон дочери.

Бросившись к дивану, он поднял девочку на ноги. И только тут Сонгён заметила у нее под мышкой плюшевого медведя.

Медведь был весьма потрепанный и чумазый, такой грязный, что с первого взгляда и не поймешь, какого цвета он был изначально. Джесон поставил девочку на ноги, но она все так и смотрела на Сонгён этими своими чистыми глазами.

— Поздоровайся! — повторил Джесон, но она упорно молчала, плотно сжав губы. Положив руку ей на затылок, он попытался заставить ее поклониться.

— Не надо. Не заставляй ее, если она не хочет, — произнесла Сонгён.

Джесон только покачал головой, расстроенный поведением дочери.

— Что вообще происходит? — поинтересовалась Сонгён.

— Побудь здесь. Мне нужно поговорить с этой тетей, — сказал Джесон девочке, усаживая ее обратно на диван. А потом взял Сонгён за руку и повел в сторону спальни. Она ощутила неловкость. Мало того что жутко устала, так еще и была на взводе из-за того, что Джесон дергался, что было на него совершенно непохоже.

В спальне он еще раз обернулся, дабы убедиться, что ребенок по-прежнему сидит на диване, и тихонько прикрыл дверь. Но все медлил, избегая взгляда Сонгён и вышагивая взад-вперед по комнате.

Сонгён заговорила первой, не в состоянии ждать сколько-нибудь дольше.

— Так что происходит? — спросила она.

Джесон присел в углу кровати, словно давно уже ждал этого вопроса, и посмотрел на нее, ероша волосы пятерней. Вокруг глаз у него собрались глубокие морщины, которых обычно не было.

— Даже не знаю, с чего и начать... И не знаю, как ты все это воспримешь... — начал он.

— Да господи, что это все значит? Рассказывай! — потребовала Сонгён.

— Помнишь, как мне сегодня рано утром позвонили?

— Насколько я понимаю, какому-то больному срочно потребовалась твоя помощь...

Сонгён уставилась на него, не закончив фразы. После того звонка он пулей умчался на работу, даже толком не одевшись.

— Так это было насчет нее! — догадалась Сонгён.

— Звонили из полиции. Сказали, чтобы я забрал ребенка... Хаён... домой.

— Что... как это понимать? Разве ты не говорил, что она с мамой?

— Я тебе ничего не рассказывал, но... незадолго до того, как мы с тобой поженились, ее мамы не стало. С тех пор Хаён оставалась на попечении бабушки с дедушкой.

Они женаты уже почти целый год... По какой-то причине Сонгён ощутила холодок в сердце.

— Когда ты узнал? — спросила она.

— Мне позвонили, и я ездил на похороны. Я просто не смог... тебе рассказать. Мы с тобой были женаты всего ничего, и я не хотел, чтобы наша совместная жизнь начиналась с таких вот событий.

Все мысли и эмоции у Сонгён совсем перепутались, и она просто не знала, что сказать.

Да, Джесон частично прав: сообщить о чем-то подобном очень непросто. В некотором роде ей и необязательно знать о таких вещах. Если б все на этом и закончилось, то вообще не было бы нужды поднимать эту тему. И все же она жалела, что он сразу ей все не рассказал. Что еще он похоронил в своем сердце?

Сонгён прикрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями. После развода фамилию ребенка сменили на фамилию матери. А когда ее матери не стало, ей надо было опять вернуться к отцу. Но это произошло почти год назад. Почему он привел ее в дом только сегодня?

— Если ее мать скончалась, то почему ты сразу ее не забрал? — спросила она.

— Ну... бабушка с дедушкой ее не отпускали.

— И теперь вдруг ни с того ни с сего сказали тебе: давай забирай? Они считают, что не могут ее больше воспитывать?

Джесон немного помолчал.

— Сегодня на рассвете случился пожар, и дом выгорел дотла. Мои тещь с тещей... то есть дедушка с бабушкой Хаён, оба погибли в огне.

— О нет!

Сонгён уставилась на него, неспособная продолжать. Теперь она понимала, почему всего за день на лице у него возникли эти морщины.

Сонгён машинально бросила взгляд на закрытую дверь спальни, словно могла заглянуть сквозь нее в гостиную. Ребенок потерял бабушку с дедушкой в огне, меньше чем через год, как лишился матери. Теперь она припомнила, с каким отсутствующим видом девочка сидела на диване, совершенно опустошенная.

Даже никак не отреагировала, увидев ее.

В том ночном пожаре она потеряла все. Дом, в котором она жила, сгорел до основания, а единственные близкие ей люди погибли. Примерно так, как после каких-то очень громких звуков некоторое время вообще ничего не слышишь, так и девочка абсолютно ни на что не реагировала из-за шока. Ее сердце полностью опустело.

Как это, должно быть, ужасно! Поняв, почему ребенок сидел там без всякого выражения на лице, словно и не принадлежал этому миру, Сонгён ощутила, как ее переполняют жалость и сочувствие.

— Я понимаю, что все это слишком неожиданно, и жутко себя чувствую, но... можно она останется с нами? — спросил Джесон.

— Да ты вообще о чем? Естественно, она останется здесь! — воскликнула Сонгён.

Глаза Джесона расширились от удивления, и он посмотрел на нее. Сонгён заметила, как у него дрожат губы. Теперь она поняла, в какой нерешительности он пребывал перед тем, как задать этот вопрос. Да и сейчас, похоже, все никак не может окончательно поверить, что она согласна.

— Ты... ты серьезно? — запинаясь, выговорил он.

— Ты — ее отец. И, конечно же, она остается у нас, — подтвердила Сонгён.

— Милая, спасибо тебе... и прости.

Джесон был на пороге слез. Она увидела, как его плечи расслабленно опустились — признак облегчения. Сонгён тихонечко подошла к нему и обняла.

— Неужели так трудно было такое сказать? — спросила она.

Вообще-то Сонгён уже ожидала чего-то подобного, еще когда перед свадьбой он признался ей, что разведен и что у него есть ребенок. Сказал, что не видел его с самого развода, поскольку его бывшая проявила на этот счет исключительную твердость, но все-таки Сонгён не думала, что узы, связывающие его с дочерью, окончательно оборваны. Родитель и дитя когда-нибудь, при каких-нибудь обстоятельствах, обязательно найдут друг друга вновь.

Наверное, как раз тогда она и начала готовиться к неизбежному.

— Я... я не думал, что ты так легко согласишься, — скованным голосом произнес Джесон.

Сонгён без лишних слов просто похлопала его по спине.

«Не думай, что мне так уж легко. Но по-другому никак. И я предвидела, к чему все идет».

Где-то в глубине головы копошилось и множество других мыслей, но Сонгён не без усилия подавила их.

Она просто не могла сказать, что ребенка нужно сплавить куда-нибудь еще, особенно когда у него есть отец. По крайней мере, Сонгён была не так воспитана. В голове у нее уже сложился сценарий дальнейшего развития событий, и она уже почти его приняла. Если сейчас от нее что-то и требовалось, так это побыстрее принять его окончательно и приспособиться к нему. Жить с ребенком непросто, но они привыкнут, подумалось ей. На то они и семья.

Стоило принять решение, как Сонгён стала думать, что надо предпринять первым делом.

— Комната на втором этаже — это самое то, как думаешь? Ей там понравится, там всегда солнце. Вещи оттуда можно убрать в кладовку; поставим там кровать и письменный стол. Ах да, и надо обязательно повесить новые занавески, — произнесла Сонгён, размышляя вслух.

Ребенку еще много чего может понадобится.

Во что прямо сейчас ее переодеть? И чисто ли в той пустой комнате? Может, переклеить обои? Сонгён с головой ушла в размышления о том, что нужно сделать, не откладывая. Стояла, пытаясь привести мысли в порядок, когда Джесон взял ее за руку.

— Наверное, тебе надо с ней поздороваться.

И только тут Сонгён сообразила, что ребенок остался в полном одиночестве на диване в гостиной.

Если они заставят ее ждать слишком долго, Хаён может это неправильно понять и почувствует себя обиженной. Сонгён поспешно кивнула и направилась вслед за ним в гостиную.

Девочка, крепко прижимающая к груди своего грязного плюшевого медведя, все так же сидела на диване, как изваяние.

— Поздоровайся с тетей, Хаён. Теперь мы будем жить тут все вместе, втроем, — сказал Джесон, подходя к ней и обнимая ее за плечи. Девочка, которая не сводила глаз со своего отца, повернулась лицом к Сонгён. Присмотрелась к ней как следует, не как раньше. Глаза ее были полны слез и тревоги.

Наклонившись к ней, Сонгён заглянула ей прямо в глаза.

— Тебя ведь зовут Хаён? Красивое имя. А меня зовут Ли Сонгён. Теперь это и твой дом, — тепло произнесла она.

Хаён, которая не сводила с нее глаз, перевела взгляд на своего отца и пролепетала:

— Папа... спать хочется.

— А-а, ну конечно! Сейчас приготовлю тебе постель, — поспешно вымолвил он, но тут же беспомощно устался на Сонгён.

— Пусть сегодня поспит у нас, — предложила она, ни секунды не задумываясь. Тем более что положить ребенка в данный момент было все равно пока негде. У девочки наверняка был тяжелый день, так что не стоило укладывать ее в комнате, в которой еще не прибрано, или просто на диване.

Сонгён бросилась в спальню и откинула с заправленной постели одеяло. Девочка, которая вошла вслед за ней, держась за руку отца, без лишних слов забралась под него. Она казалась совсем хрупкой, словно была готова в любую секунду рассыпаться.

— Не отдашь мне своего плюшевого друга?

Сонгён потянулась было к медведю, чтобы забрать его, но Хаён лишь еще крепче обхватила того за шею, бросив на Сонгён сердитый взгляд и явно не собираясь его отдавать.

— Пусть оставит. Она всегда его с собой таскает.

На губах у Сонгён уже возникло слово «но», хотя она лишь сделала глубокий вдох и проглотила его. Ей не хотелось запачкать простыни, но все можно отстирать. Не стоило устраивать с девочкой препирательства из-за какой-то чепухи. Ребенок окончательно вымотался, и сейчас важнее всего было дать ему хорошенько отдохнуть.

— Ну конечно, оставь, если хочется, — с ободряющей улыбкой произнесла Сонгён, подтыкая одеяло.

— Папа, побудь со мной, пока я не засну! — взмолилась Хаён.

Джесон секунду смотрел в глаза Сонгён, а потом кивнул дочери и сказал:

— Не волнуйся. Я буду рядом.

Присев на кровать, он потрепал Хаён по голове. Наконец успокоившись, девочка закрыла глаза. Сонгён оставила обоих в спальне, беспокоясь, что ее присутствие может волновать ребенка, и вернулась обратно в гостиную.

* * *

Когда Сонгён уже сидела за столом, составляя список того, что Хаён может понадобится, и вещей, которые надо срочно купить, а также размышляя о том, как украсить комнату на втором этаже, Джесон вышел из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь. Ребенок, должно быть, благополучно заснул.

— Ну что, спит уже? — спросила она.

— Угу, заснула в момент.

— Если ты забрал ее утром, то почему сразу не привез сюда?

— Я не знал, что делать, так что поехал с ней к себе в госпиталь. Хотел сначала переговорить с тобой.

— И куда собирался пока ее девать?

— Думал отвезти в какую-нибудь гостиницу. Мне нужно было получить твое одобрение.

Вид у него был радостный — тяжелая ноша наконец свалилась с плеч. Сонгён знала, что человек он простой, но немного раздражало, что у него уже такое беззаботное настроение.

— А что бы ты стал делать, если б я сказала «нет»?

— Не стал бы особо переживать. Но я думал, что ты обязательно согласишься.

Сонгён искоса посмотрела на него, не отводя взгляда. Джесон мягко накрыл ее руку на столе своей.

— Я знал, что ты лучше любого другого поймешь, каково пришлось Хаён.

Сонгён помимо воли кивнула. Она тоже потеряла маму, когда была еще подростком.

— Давай не будем ее будить. Пусть встанет, когда захочет или когда проголодается. Девочка наверняка ужасно устала, — предложила она.

— Угу, когда действительно устал и вымотался — самый сон.

Потеряв одного за другим обоих родителей, после похорон Сонгён целыми днями спала как убитая. Куда лучше было пребывать в объятиях сна, чем, проснувшись, опять осознавать горькую действительность.

Когда в пятнадцать лет она осталась без матери, будить ее стал отец. Он делал это, уже приготовив карри, которое часто готовила мать. Тогда ей и думать не хотелось о еде. Она ненавидела отца за то, что он будит ее к завтраку, когда матери больше нет. Ей хотелось спать и дальше, но в итоге отец за руку выводил ее из спальни и усаживал за стол.

Аппетитный запах карри щекотал ноздри, но есть все равно не хотелось. После настойчивых просьб отца Сонгён подцепляла немного на ложку и проглатывала, и вот тут-то понимала, насколько все-таки проголодалась. Подчищала тарелку дочиста. Отец без лишних слов накладывал ей добавки.

Два года назад, когда не стало и отца, Сонгён сидела, сгорбившись, на кровати, вспоминая тот день. Засыпала и просыпалась снова и снова, представляя, едва открыв глаза, как отец ждет ее с карри на столе. Но никто ее не звал.

Она скучала по запаху карри, которое готовил для нее отец. Некому было взять ее за руку, отвести к столу и дать ей силы жить дальше. Хотелось закрыть глаза и отправиться туда, где пребывали сейчас мать и отец.

И как раз Джесон, за которым она сейчас замужем, опять поставил ее на ноги. Сонгён познакомилась с ним в госпитале, прямо у дверей операционной. Услышав, что отца хватил удар, она сразу бросилась в больницу, но когда добралась туда, он был уже без сознания. Врач, который как раз только закончил делать компьютерную томографию, диагностировал разрыв аневризмы и рекомендовал рентгеноангиографию и операцию. Заведующий отделением сказал, что вопрос не терпит отлагательства, и вручил ей бланк согласия на хирургическое вмешательство, который она поспешно подмахнула, а потом шесть часов прождала под дверью операционной.

После операции все с ним будет хорошо, повторяла она себе. Нет, все будет хорошо, даже если он и не будет в полном порядке. Если он просто останется жив, решила для себя Сонгён, она будет постоянно сидеть с ним и никогда не оставит его одного. Молилась, взывая к богу, к которому никогда не обращалась раньше, но от операции, проведенной слишком поздно, не оказалось никакого толку.

Что бы там ни пошло не так, но отец умер прямо на операционном столе, и хирург, стараясь не встречаться с ней взглядом, высказал ей свои соболезнования.

Пока она в полубморочном состоянии сидела на стуле перед операционной, кто-то сунул ей бутылку воды.

Этим «кем-то» и был Джесон.

Выпив холодной воды, она наконец ухитрилась кое-как взять себя в руки. Джесон, который только что закончил работу в соседней операционной и вышел оттуда, пока отцом еще занимались другие врачи, увидел Сонгён и просто не смог пройти мимо.

Он взял на себя все хлопоты о похоронах, пока Сонгён безуспешно пыталась прийти в себя. Даже пришел и помог ей в морге, расположенном в подвальном помещении больницы.

Если б только отца чуть пораньше привезли в больницу, если б только она уделяла больше внимания, когда он то и дело жаловался, что у него буквально раскалывается голова... Нет, если б только они жили вместе... Пока Сонгён бесконечно терзала себя, именно Джесон совершенно искренне утешал ее, пытаясь подарить покой. Сонгён, глубоко погрузившаяся в свое горе, даже не осознала, что на похоронах он стоит

рядом с ней.

А потом Джесон вдруг ни с того ни с сего позвонил ей. Сказал, что волновался за нее, и Сонгён попросила его отвести ее куда-нибудь поесть.

Они отправились в ресторан, известный своим карри.

Когда заказ подали, Сонгён взялась за ложку — и тут же расплакалась. Джесон смутился. Стал протягивать ей салфетки, пока она горько всхлипывала.

Наконец успокоившись, она рассказала ему об отцовском карри. И, пока они с Джесоном ели это памятное ей блюдо, вспоминала, как он всегда оказывался рядом последние дни. Работая в больнице, Джесон наверняка бесчисленное количество раз встречал людей вроде Сонгён, родственников больных. У него не было особой причины проявлять заботу о совершенно незнакомом человеке.

Сонгён спросила у него, почему он так помогает ей. Улыбнувшись, он ответил, что сам не знает. Когда она увидела эту улыбку, ей показалось, что перед ней тот, кого послал к ней отец, словно из сочувствия к дочери, которая осталась совсем одна.

Опершись на его руку, Сонгён опять шагнула в окружающий мир — и через год они уже были женаты.

Изучая сейчас его лицо, она вспоминала про то время. Решила, что когда Хаён проснется, приготовит ей карри.

— Прости, но сейчас мне нужно обратно в больницу.

— Тогда мчись. Буду ждать тебя.

— Скоро вернусь.

Джесон приобнял ее за плечи.

— Спасибо тебе, — произнес Джесон и поспешил к выходу.

Оставшись в кухне одна и поглядывая в сторону гостиной, Сонгён вдруг ощутила растерянность. Осознала, что даже не успела переодеться. Встреча с Ли Бёндю казалась теперь не более чем сном. Вдруг навалились тяжесть и слабость, и подумалось, что нужно принять теплую ванну и самой немножко вздремнуть, пока ребенок спит.

Осторожно приоткрыв дверь, Сонгён на цыпочках вошла в спальню.

Девочка спокойно спала, так крепко прижимая к себе плюшевого медведя, словно боялась его потерять.

На лбу у нее собрались капельки пота. Сонгён поспешно выдвинула ящик комода и вытащила одеяло потоньше. Девочка вздрогнула и повернулась на другой бок, а потом опять погрузилась в глубокий сон. Потихоньку забрав кое-какую одежду из шкафа, Сонгён вышла за дверь.

Пока наполнялась ванна, Сонгён решила почистить зубы.

Надолго уставившись в зеркало, даже этого не сознавая, подумала про Ли Бёндю. Никак не удавалось выбросить из памяти то, что он говорил, как смотрел на нее. Мотивчик, который он тогда напевал, безостановочно крутился в голове.

Быстро закончив чистить зубы, она забралась в наполовину наполнившуюся ванну. Горячая вода приятно обволокла тело.

Поначалу казалось, что встреча с Ли Бёндю позволит ответить на самый первый ее вопрос. Но у него явно не было намерения давать ей ответ. Наоборот — похоже, ему доставляло удовольствие поддразнивать ее, сохраняя интригу. А лишь когда будет известен ответ на этот первый вопрос, разрешатся и все остальные.

«Так откуда же он все-таки меня знает? Почему захотел встретиться именно со мной? И что такого во мне привлекло его внимание?» — гадала Сонгён, припоминая тот момент, когда убийца только вошел в импровизированную переговорную: то, как он двигался, как посмотрел на нее, эту его преувеличенно приветливую улыбку и эти холодные глаза, и песенку, которую он замычал себе под нос...

Теперь Сонгён понимала, почему его жертвы так легко шли на контакт с ним.

Небольшие изменения в выражении его лица явно ставили целью воззвать к материнскому инстинкту. Вот Ли Бёндю смотрит тебе прямо в глаза; вот вдруг отводит взгляд, демонстрируя свою незащищенность. Притворяется, естественно, но внимательно следит за реакцией и произведенным впечатлением. Сонгён показалось, что в чем-то он похож на ребенка.

Бёндю значительно отличался от того человека, которого она себе представляла, прочитав за последние пару дней материалы его уголовного дела. Если бы не тюремная роба — обычный мужчина лет тридцати, застенчивый и не слишком уверенный в себе. И лишь когда Сонгён спросила его о значении песенки, а также когда он обращался не к ней, тогда она и заметила в нем что-то необычное.

Когда охранник сел у двери, Ли Бёндю сосредоточился исключительно на Сонгён. Судя по всему, сосредотачиваться он мастер, если дело доходило до того, чего он хочет добиться. Припомнились рассказы

оперативников, как во время следственного эксперимента он был сфокусирован исключительно на самом себе, не обращая внимания на все, что его окружает. А когда что-то не касалось его самого или каких-то его собственных целей, проявлял, однако, удивительную индифферентность и эгоизм.

Стоило охраннику подойти к нему, сразу стал выделяться, чтобы прикрыть свою уязвимость, вступил с ним в противостояние за контроль над ситуацией... Охранник, похоже, уже привык к подобному поведению.

Горячая вода уже подбиралась к плечам Сонгён, ослабляя сковавшее тело напряжение и убаюкивая — глаза закрывались сами собой. Ощутив, как в голове собирается туман, она погрузилась в ванну еще глубже.

Нежась в горячей воде, Сонгён стала размышлять о том, что говорил Ли Бёндо. Выпрямилась, поджав колени к груди. Помнить она этого, естественно, не могла, но подумала, помнят ли ее органы чувств то время, что она провела в материнской утробе. Один за другим в голове всплывали моменты, когда она засыпала в материнских объятиях. На сердце накатила тоска. Она уже так давно не вспоминала о матери...

Видно, Сонгён все-таки задремала — плечам вдруг стало холодно. Она ощутила спиной и шеей твердое нутро ванны.

Кто-то открыл дверь ванной комнаты и заглядывал внутрь. Она чувствовала это даже с закрытыми глазами. Хотелось открыть глаза и посмотреть, кто это, но веки налились невиданной тяжестью. Глаза просто не открывались.

Ванна остыла — прошло, видно, достаточно много времени. Вода, недавно приятно согревавшая тело, теперь забирала у нее тепло. Сонгён вся дрожала. Тот, кто стоял в дверях, теперь медленно входил. Она слышала шаги, все ближе и ближе. Надо было открыть глаза, но никак не получалось. Она попыталась пошевелить руками и ухватиться за край ванны, но не могла даже двинуться. Ноги тоже словно занемели.

Тот, кто подошел уже вплотную, теперь смотрел на нее сверху вниз.

Лицо его было так близко к ее собственному, что она могла чувствовать его дыхание у себя на лбу. Потом лицо отдалилось. И появились руки. Эти руки прижались к ее лбу. Голова стала погружаться в ванну. Вода, которая только что не доходила и до плеч, теперь плескалась у самой шеи. Сонгён вытянула руку в попытке выбраться. Но как бы она ни билась, ухватиться было не за что. Тело постоянно соскальзывало вниз. Руки, которые толкали ее голову, исчезли, но она никак не могла встать на ноги. Жутко испугалась. А вдруг дело кончится тем, что она утонет?

Ванна вдруг показалась огромной, словно бассейн. Как она ни сучила

руками и ногами, но никак не могла хоть до чего-то дотянуться. Тело постоянно уходило под воду. Вода теперь поднялась до подбородка, потом до рта, залилась в ноздри. Сонгён зашлась в кашле. Держаться не было больше сил, и она в полном отчаянии открыла глаза.

Повсюду вокруг нее плавали трупы — трупы женщин с длинными распущенными волосами. Женщины с бледными лицами со всех сторон протягивали к ней руки. Она не слышала их, но чувствовала, что они кричат, взывают о помощи. Сонгён беззвучно завизжала, стала извиваться, чтобы избежать этих рук. Лихорадочно отбиваясь руками и ногами, едва ухитрилась от них освободиться. С трудом сориентировавшись, стала было выныривать к поверхности, но тут эти женщины ухватили ее за лодыжки. Холодные, скользкие руки опять потащили ее вниз...

Она опять закричала, стала вырываться, но тут пришла в себя и увидела, что по-прежнему лежит в ванне.

Похоже, что пока она дремала, ноги действительно занемели. Тело покрылось пупырышками. Подбородок дрожал. Тряслось все тело — то ли из-за женщин из сна, то ли от холода.

Сонгён быстро вскочила на ноги, выдернула из ванны затычку и включила душ. Холодная вода быстро слилась, и на нее дождем полилась горячая. Она немного постояла под душем, чтобы согреться.

Выключила душ, выбралась из ванны и открыла шкафчик. Вынула большое полотенце, насухо вытерлась. Опустив голову, наскоро протерла волосы. Прикосновение мягкого хлопка немного успокоило сердце, все еще сжимавшееся от приснившегося кошмара. А когда она подняла голову, то увидела стоящую перед собой девочку.

Сонгён так перепугалась, что едва не поскользнулась и не упала. Едва ухитрилась ухватиться за раковину и удержать равновесие.

— Хаён, ты когда проснулась? — спросила она, поспешно прикрываясь полотенцем и глядя на ребенка.

Девочка посмотрела на нее все еще сонными глазами, что-то неразборчиво пробормотав.

— Что ты сказала? — переспросила Сонгён.

— Туалет, — произнесла девочка.

Должно быть, проснулась, потому что приспичило.

— Туалет и в спальне тоже есть... Ладно, все нормально. Я уже выхожу, — сказала Сонгён и немедленно вышла из ванной, закутанная в одно лишь полотенце.

С волос капала вода. Осознав, что вся ее одежда осталась в ванной, Сонгён зашла в спальню, чтобы взять что-нибудь чистое. Оделась и

наскоро просушила волосы феном. Приоткрыв дверь, Хаён уставилась на нее. Теперь она полностью проснулась, глаза были чистыми и ясными.

— Что такое? Чего-то хочешь? Проголодалась? — спросила Сонгён.

— А где папа?

— А-а, он у себя в больнице.

На лице девочки промелькнуло разочарование, но тут же исчезло.

— Хочешь еще поспать? Или уже выспалась? — продолжала расспрашивать Сонгён.

Хаён посмотрела на нее и, осознав, что ее руки пусты, поспешно подхватила с кровати своего плюшевого медведя и вышла из комнаты.

— Ты куда? — спросила Сонгён, устремляясь за ней, но ответа не последовало. Выйдя в гостиную, Сонгён обнаружила, что девочка уже надевает свои кроссовки возле входной двери.

— Хаён! — крикнула ей Сонгён, протягивая руки, чтобы перехватить ее. Хаён, однако, неистово оттолкнула ее, сильно пихнув обеими руками. Сонгён повалилась прямо на спину. Попыталась опять подняться на ноги, но пол был мокрым от накапавшей с волос воды, досушить их она не успела. Сидя на полу, Сонгён в полном удивлении уставилась на девочку.

Подхватив с пола своего плюшевого медведя и бросив на нее гневный взгляд, Хаён негромко пробормотала:

— Это вы виноваты, что моя мама умерла.

Ее холодный взгляд, нацеленный на Сонгён, был полон угрозы и негодования.

— Что?! — вскричала Сонгён.

Она пребывала в полном ошеломлении. Никак не могла понять, почему ребенок бросается такими словами. Сонгён вообще всего пару часов назад узнала о смерти ее матери. А теперь девчонка утверждает, что это она во всем виновата... И даже не непонятные слова, а этот ледяной холод в глазах — вот что поразило Сонгён в самое сердце. Ее словно обдало холодом. Совершенно ошаршила эта неприкрытая враждебность девчонки, которая оскалила зубки и едва ли не рычала на нее. Похоже, что ребенок был настроен к ней враждебно с самого начала.

Хаён постояла, все так же обжигая ее взглядом, а потом распахнула входную дверь и шагнула за порог. Неожиданный удар лишил Сонгён дара речи.

Почему ребенок говорит такие вещи?

Сонгён поймала себя на том, что гадает, отчего умерла мать девочки. Та ведь была еще совсем молодая, не исполнилось еще и сорока. Джесон никогда не посвящал свою новую жену в такие подробности. Но что бы то

ни было — болезнь или автомобильная авария, — ребенку было трудно смириться с ее смертью.

Мать умерла, а отца не было рядом. Ей, наверное, хотелось найти виновного, возложить на кого-то ответственность за это. Особо далеко не заглядывая, она, видно, решила, что Сонгён и есть этот «кто-то». Но проявленная ею враждебность не была лишь смутным гневом или возмущением.

Сонгён впервые почувствовала, что жить с этим ребенком будет ох как непросто.

Попытавшись встать на ноги, опираясь руками в пол, она почувствовала боль в запястьях. Наверное, потянула их, когда падала. Потирая кисти, вышла во двор. Калитка была открыта.

Охваченная волнением, Сонгён сразу побежала к воротам.

Нигде в переулке, представлявшем собой просто ряд отдельно стоящих домов и обычно довольно безлюдном, девочки не было видно. Сонгён побежала в сторону главной улицы. Едва не натолкнулась на женщину, владелицу местного магазинчика, которая по счастливой случайности сидела под навесом перед входом, обмахиваясь веером.

— Тут маленькая девочка, примерно вот такого роста, не пробегала? — спросила Сонгён, показывая рукой.

— Девочка? С каким-то грязным плюшевым зверем под мышкой? — уточнила в ответ женщина.

— Да, — выдохнула запыхавшаяся Сонгён.

К ее большому облегчению, женщина видела убегавшую Хаён и, ткнув пальцем в сторону дороги, сообщила, что та только что промчалась мимо.

Хаён нерешительно расхаживала вдоль главной улицы, по которой проносились машины, явно не зная, куда идти дальше. Подбежав к ней, Сонгён крепко ухватила ее за руку. Хаён попыталась вырваться, но на сей раз это оказалось непросто. Сонгён вцепилась в её руку изо всех сил.

— Пойдем-ка домой и поговорим, — сказала она.

— Никуда я не пойду! Я хочу к папе! — отрезала Хаён.

— Он скоро будет дома. Сказал, что вернется домой, как только закончит у себя в больнице.

— Отпустите, отпустите меня! — вскричала Хаён, едва не срываясь на визг.

Сонгён невольно отпустила ее руку. Нельзя было волочь Хаён силой, и если б она так поступила, это было бы далеко не лучшим началом их взаимоотношений.

— Ладно, поступай как знаешь. Но что он скажет, если узнает, что ты

так себя ведешь? Думаешь, он обрадуется? — спросила она.

При этих словах личико Хаён затвердело. Она наверняка о таком не подумала. Девочка дернула ртом — явно пока не собиралась сдаваться.

— Ты же была сегодня с ним в больнице; должна бы вроде знать, как сильно он занят, — продолжала Сонгён.

Хаён ничего не ответила.

— Лично я возвращаюсь домой.

И все же Хаён продолжала упорно хранить молчание.

— В общем, сама выбирай — отправляться к отцу в больницу или идти со мной, — объявила Сонгён, поворачиваясь, чтобы уходить.

Каждым нервом в теле ее тянуло обратно к ребенку, но, делая вид, что ей абсолютно все равно, она решительно направилась к дому. Уже уходя и намеренно не спеша, Сонгён услышала за спиной неохотные шаркающие шаги.

Уже у самых ворот она обернулась и увидела, что за ней стоит Хаён, прижимая к себе своего плюшевого медведя и повесив голову.

Открыв ворота, Сонгён шагнула во двор.

Немного помедлив, Хаён вошла вслед за ней, демонстративно соблюдая дистанцию, чтобы случайно не задеть ее плечом.

Глядя, как Хаён идет по двору, Сонгён невольно вздохнула. Провожая девочку в прихожую, она всем сердцем надеялась, что в конце концов не пожалеет о своем решении взять ее в дом.

Часть II

12

Джесон явился домой позже обычного. И вдобавок ко всему от него разило спиртным.

— Ты... ты выпил? — изумилась Сонгён.

— Где Хаён? — Вот был его единственный ответ, когда он протолкался во входную дверь, даже не поздоровавшись.

— Наверху, в своей комнате, — недоуменно ответила Сонгён.

После всех треволнений дня она все-таки прибралась в комнате на втором этаже и подготовила ее для ребенка, поставив туда кровать и письменный стол, за которыми пришлось сгонять в мебельный магазин по соседству.

— Она уже ужинала? — поинтересовался Джесон.

Сонгён покачала головой. Ей не хотелось рассказывать, как все ее планы приготовить карри и поужинать с Хаён пошли прахом. Девчонка даже не дотронулась до тарелки, заявив, что терпеть не может карри. Под конец просто удалилась к себе в комнату, и Сонгён пришлось поесть в одиночестве.

— Нам лучше поговорить! — крикнула она в спину Джесону, когда тот двинулся в комнату Хаён.

— Поговорим, когда я повидаюсь с ней, — отрезал он, подходя к лестнице.

Сонгён услышала, как Джесон открывает дверь, зовет дочь. Вдруг почувствовала себя чужой, прислушиваясь к доносящимся сверху звукам.

В их спальню он вернулся не скоро. Сонгён, которая, умывшись, сидела за туалетным столиком, услышав его, резко обернулась.

— Что вообще происходит? — поинтересовалась она.

— Что у тебя с рукой? — спросил он, не ответив на ее вопрос, при виде болеутоляющего пластыря у нее на запястье.

Она просто не могла рассказать ему во всех подробностях, что произошло днем. Потерла запястье и небрежно произнесла с делано-равнодушным видом:

— Ерунда. Неудачно рукой оперлась.

— А тебе не кажется, что это уже слишком — драться с моей дочерью в первый же день, как она появилась здесь? — спросил Джесон.

Сонгён просто не верила собственным ушам. Уставилась на него, изумленно открыв рот, и обнаружила, что он всерьез зол. Хаён, видать,

успела сказать ему что-то, что он совершенно не так понял.

— Что она тебе сказала? — спросила Сонгён.

— У нее рука распухла и покраснела. Так из-за чего вышла потасовка? — поинтересовался Джесон, явно делая поспешные выводы и даже не озаботившись спросить, что действительно имело место, чем немало ее расстроил.

— Потасовка? Да за кого ты меня принимаешь? С маленьким ребенком? — огрызнулась она.

Джесон ничего не ответил.

— Она проснулась и тут же заявила, что пойдет к тебе, так что я привела ее обратно домой. Вот и всё.

— Но Хаён... — начал было Джесон, однако тут же прикусил язык. Похоже, что дочь поведала ему совершенно другую историю.

— Так что она тебе сказала? — повторила Сонгён.

— Ничего. Этого достаточно.

— Достаточно? Давай выкладывай, что она тебе сказала! Почему ты сваливаешь все на меня?

— Милая, ты же знаешь, как туго ей пришлось... Разве нельзя было проявить чуть больше понимания и просто спустить все на тормозах? Она проснулась, увидела, что папы рядом нет... разве непонятно, почему она так себя повела? — резко выпалил Джесон. Раньше он никогда не позволял себе повышать голос, разговаривая с ней. — Если она искала меня, ты могла бы просто мне позвонить! — продолжал он.

— Не было времени звонить. Чего еще ты от меня ждал, когда она просто вскочила и выбежала на улицу?

Джесон тщетно пытался подобрать слова, так что Сонгён продолжила:

— Ты не думаешь, что стоило для начала выслушать и меня? Если ты так переживаешь за дочь, то почему предпочел выпивать с коллегами, а не сразу вернуться домой?

— Ладно. Сам виноват. Проехали.

Сонгён больше не произнесла ни слова, чувствуя, что нет никакого смысла и дальше выяснять отношения — оба будут лишь сильнее ранить чувства друг друга. Ей о многом хотелось у него спросить, но сейчас она была совершенно не в настроении с ним общаться. Последний раз посмотревшись в зеркало, Сонгён наспех причесалась и вскочила на ноги.

— Ты куда? — крикнул ей в спину Джесон, но она решительно шагнула за порог и прикрыла за собой дверь спальни, оставив его в одиночестве.

Однако даже в кабинете Сонгён долго не могла успокоиться. Вообще-то не сказать, чтобы раньше они ни разу не ссорились. Но она никогда не

позволяла себе надолго затягивать возникший конфликт и оставаться в растрепанных чувствах. Если ее что-то расстраивало, предпочитала сразу расставить точки над «і».

После свадьбы оба были всегда настолько заняты на работе, что виделись в основном лишь за ужином. Желая извлечь максимум из этого короткого времени, проведенного вместе, относились друг к другу как можно внимательней, вели себя как можно более деликатно. Все их споры обычно касались самых тривиальных вещей, вроде как почему кто-то бросил носки в стиральную машину вместе с постельным бельем или не позвонил предупредить, что не будет ужинать дома. До этого она никогда по-настоящему не злилась и не обижалась.

Сонгён вполне могла понять, почему Джесон так переживает из-за дочери, но ей была совершенно невыносима мысль, что он с ходу свалил все на нее и не подумав выслушать ее версию недавних событий.

Она была так расстроена, что даже не получалось толком сосредоточиться на чтении. По несколько раз перечитывала одну и ту же фразу — и в конце концов сдалась, раздраженно захлопнув книгу.

Вытащила из сумки блокнот и цифровой диктофон. «Послушаю-ка лучше запись беседы с Ли Бёндо», — подумала она. Надела наушники, нажала на «воспроизведение». Качество записи было хорошим, и были слышны даже его шаги, когда он входил в комнату, и потрескивание застегиваемых наручников.

Вот он негромко напевает. Та самая песенка. Сонгён выкрутила громкость на максимум.

Пришло в голову, что у песенки может быть и какое-то другое значение, не такое, как она себе представляла, так что Сонгён написала по электронной почте профессору Клену. Он явно порадует ее интересу к «Битлз», так что ее ждет длинный дискурс в историю этой песенки. Она была настолько проста, что пропеть ее мог любой, даже не заморачиваясь тем, чтобы правильно воспроизвести слова. Как и у большинства хитов «Битлз», мелодия у этой песенки была очень заводная и запоминающаяся.

В исполнении же Ли Бёндо звучала она мрачно и зловеще, без единой капли той жизнерадостности, что свойственна произведениям «Битлз». Частично, наверное, из-за того, что напевал он ее в гораздо более медленном темпе, чем у оригинала, но в основном из-за его слов, последовавших после: «Все женщины, которым я пел эту песенку... погибли от моих рук».

Музыка имела самое непосредственное отношение и к тем убийствам, которые совершил Ю Ёнчоль. Тот утверждал, что когда он у себя в

ванной развлекался с телами убитых им женщин, при этом всегда играла заглавная композиция из фильма «1492: Завоевание рая»^[14]. Так и не выяснилось, вдохновляла ли его эта мелодия на убийства, или же он ставил ее, потому что она просто ему нравилась.

А что эта песенка «Битлз» значила для Ли Бёндо?

Сонгён попробовала потихоньку пропеть припев. Припомнила тот взгляд, каким он нацелился на нее в импровизированной переговорной. Казалось, будто Бёндо не просто смотрит ей в глаза, а заглядывает сквозь них куда-то прямо в самую глубину души.

И в этот момент кто-то обнял ее со спины, отчего она чуть не взвизгнула. Вздвогнув, подалась вперед и быстро обернулась. Сзади стоял Джесон. Вид у него был виноватый. Вынув из ушей наушники, Сонгён выключила диктофон.

— Ты меня напугал, — сказала она.

— Прости. Не знал, — произнес он.

— Чего не знал? — спросила Сонгён все еще напряженным голосом. Ей не хотелось так вот запросто его прощать.

Он положил ее руку себе на ладонь. Погладил ее, нежно проговорил:

— Ты, наверное, жутко разозлилась. Я поспешил с выводами. Хаён у меня весь день из головы не шла. А когда я ее увидел, готовую расплакаться, едва меня заведя, я просто... Надо было мне покрепче помнить, что ты за человек.

Рука, которая только что ласково поглаживала ее по руке, теперь касалась щеки.

— Ты просто не представляешь, насколько я тебе благодарен! Спасибо тебе... Огромное спасибо, — от всей души проговорил Джесон, и сердце Сонгён немного смягчилось.

И все же кое-что оставалось непроясненным. Она взяла его руку в свои и развернулась лицом к нему.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — произнесла она.

— Конечно, спрашивай, — кивнул он.

— Сегодня Хаён сказала... что это я виновата в смерти ее матери.

Джесон на глазах побелел. Глаза наполнились слезами, и ей подумалось, что вряд ли стоит сейчас развивать эту тему. Но все же Сонгён продолжила, поскольку просто не могла так вот взять и похоронить этот вопрос навсегда.

— Так действительно... что-то такое произошло, что могло привести ее на подобные мысли? — спросила она.

Джесон высвободил руку, с силой потер лицо — с таким видом, будто и

не знает, как ей сказать.

— Все нормально. Можешь все мне выложить. Просто скажи, что такое произошло, — мягко подтолкнула его Сонгён, и он наконец заговорил.

— В первый же месяц после нашей с тобой свадьбы мне позвонили и сообщили, что Хаён пострадала. Сказали, что она в критическом состоянии, и я бросился к ней, практически ничего не соображая. Но оказалось, что всё критическое состояние — это ссадины на локтях и коленках. Похоже, она просто упала. Я набросился с упреками на ее мать. Велел никогда не звонить мне с подобной чепухой, напомнил, что я уже женат на другой женщине. Наорал на нее, кричал, что я уже сыт по горло ее звонками под предлогом интересов ребенка, и что ноги моей больше у них не будет, — сказал Джесон.

Он никогда ни о чем подобном не рассказывал. Лишь сообщил Сонгён, что всем отношениям с бывшей женой полный конец и что та даже не позволяет ему видеться с ребенком. По его словам, мать Хаён часто врала ему, утверждая, что дочка заболела, только чтобы повидаться с ним. Но если проблема была лишь в этом, то при чем же тогда Сонгён?

— Так как прикажешь понимать, что это я виновата в смерти ее матери? — требовательно спросила она.

Джесон отвернулся, промолчав. Сонгён поднажала, схватив его руку и тряся ее.

— Должна же быть какая-то причина, почему она так считает, не думаешь?

— Ее мать приняла что-то в тот вечер. Столкнула Хаён со второго этажа, сломав ей ногу, а потом позвонила мне. Я сказал ей, что не приду, а она пошла в свою комнату, и...

Об остальном Сонгён и сама догадалась.

Его бывшая жена даже после развода так и не смогла с ним по-настоящему расстаться.

Женщина, сердце которой позволило ей отпустить мужа, втянула ребенка, чтобы удержать Джесона, пытавшегося держаться на расстоянии, в пределы своей досягаемости. А когда наконец осознала, что они и в самом деле разошлись, так и не смогла смириться с фактом, что он оставил ее. И, поняв, что ее единственное оружие, ее собственного ребенка, уже не использовать как угрозу, должно быть, в полном отчаянии чисто импульсивно приняла какое-то сильное лекарство, чтобы покончить с собой.

— Не знаю, что произошло между Хаён и ее матерью той ночью, но дочка с тех пор напрочь отказывалась со мной общаться. Ее мать, видать,

наговорила про меня всяких гадостей, — закончил Джесон.

Девочка приняла боль и отчаяние своей матери слишком близко к сердцу. Даже если мать действительно сталкивает собственного ребенка с лестницы, сломав ему ногу, тот все равно видит ситуацию глазами матери, которая представляет собой слабую сторону. В результате для Хаён виновата во всем оказывается та, что отобрала у нее отца, а у ее матери — мужа.

— Понимаю, о чем ты, — тихо произнесла Сонгён.

Она чувствовала полное опустошение. Ее взаимоотношения с ребенком и без всех этих предвзятых мыслей складывались бы сложно, но Хаён уже изначально была полна ненависти и негодования по отношению к ней. Да, все будет крайне непросто, какие усилия ни прикладывай.

Подняв голову, Джесон посмотрел на нее. Стараясь скрыть нахлынувшую в сердце тревогу, она ободряюще улыбнулась ему.

— Не переживай. Совместная жизнь прояснит все недоразумения, и со временем она откроется мне.

— Спасибо, милая.

— Хотя пообещай мне кое-что.

Джесон вопросительно посмотрел на нее.

— Пообещай, что ты будешь доверять мне, что бы ни случилось.

Секунду он неотрывно смотрел на нее, после чего кивнул. Притянул к себе, обнял. Ей еще много чего хотелось сказать, но она решила не спешить.

— Тебе что... еще надо поработать? — прошептал он ей на ухо.

Сонгён помотала головой, взялась за его ладонь обеими руками и поднялась с кресла. Убрала блокнот с диктофоном в ящик стола, выключила свет в кабинете.

Они уже входили в спальню, когда со второго этажа донесся истошный визг.

Отпустив ее руку, Джесон бросился наверх. Сонгён устремилась за ним, гадая, что случилось.

Хаён сидела на кровати, заливаясь слезами, и едва Джесон вбежал к ней, бросилась ему на шею. Он обнял ее, потрепал по спине.

— Что стряслось? Приснилось что-то страшное? — спросил он.

— Папа, мне страшно. Не уходи. Не уходи! — взмолилась девочка.

— Хорошо. Никуда я не уйду, так что успокойся и спи дальше.

Он продолжал поглаживать ее по спине, и она слегка успокоилась.

Сонгён и Джесон встретились взглядами, разделенные ребенком. Она ясно ощутила, насколько ему неловко. Тихонько вздохнула и выдавила

улыбку.

— Я буду внизу. Приходи, когда она заснет, — произнесла она.

— Ладно.

Уже выйдя в холл, Сонгён почему-то ощутила внутри себя гнетущую пустоту.

Собралась было направиться к лестнице, как вдруг услышала, как эти двое перешептываются между собой. Похоже, что сна у ребенка не было ни в одном глазу. Сонгён подивилась, что они сейчас могут обсуждать, но не хотела влезать в разговор, так что тихонько спустилась вниз.

Читать не хотелось, так что она двинулась напрямиком в спальню. Выключила свет, оставив только маленькую настольную лампу, и забралась в постель. Довольно долго лежала, постоянно ворочаясь и прислушиваясь, не слышно ли шагов, но они так и не прозвучали.

А потом незаметно для себя заснула, а когда вновь открыла глаза, уже наступило утро.

Никого рядом не было.

* * *

Ничто не наводило на мысль, что такое Джесон сказал Хаён вчера вечером, но поведение девочки заметно смягчилось. На завтрак было то же самое карри, что и вчера. Специально для Хаён Сонгён поставила на стол чашку обычного вареного риса.

Не прикасаясь к ложке, девочка сидела, уставившись на чашку риса перед собой.

— Что не так? Слишком много? — спросила Сонгён.

— Я... я тоже хочу немножко карри, — еле слышно прошепестала та.

При этих словах Сонгён стрельнула взглядом в Джесона. Тот украдкой ей подмигнул. Похоже, успел что-то сказать дочке и про карри.

Сонгён взяла со стола чашку с рисом, пересыпала его на тарелку, щедро полила соусом и поставила тарелку перед Хаён. Почему-то странно было смотреть, как девочка опасно подносит ложку карри ко рту.

— Вкусно, правда? — произнес Джесон, и Хаён кивнула, смущенно избегая взгляда Сонгён.

— Я у нее спрашивал, и, оказывается, она никогда раньше не пробовала карри, — объяснил он Сонгён.

Теперь она поняла, почему вчера та так заскучала над тарелкой. Все это было лишь простое недоразумение, и Сонгён даже немного расстроилась. Что же обычно готовила ей мать?

Джесон, похоже, был немало тронут этим их совместным сидением за

столом за завтраком — этой обычной частью повседневной жизни для многих семей. Чуть ли не с открытым ртом наблюдал, как Хаён ест, и, едва встретившись глазами с Сонгён, тут же опять переводил взгляд на ребенка, робко улыбаясь. Придвигал тарелки с закусками поближе к дочери, уговаривая ее съесть еще кусочек.

— Вот, попробуй. Овощи очень полезны для здоровья, — твердил он, каждый раз вызывая у девочки все бóльшую и бóльшую неловкость, которую сам, похоже, абсолютно не замечал.

— Отстань от нее, дай поесть спокойно. Давай сам доедай и двигай на работу. Не то опоздаешь, — вмешалась Сонгён.

— А?... Я тебе мешаю? — обратился Джесон к Хаён. Та помотала головой, но глаз не подняла, полностью сосредоточившись на еде.

— Видела? Она не против. Поднимаешь шум на пустом месте, — объявил он, сам сейчас похожий на ребенка.

Сонгён промолчала, не желая показаться излишне сварливой. Джесон все продолжал хлопотать над дочкой, а потом бросил взгляд на часы и быстро вскочил на ноги.

— Хаён, справишься тут без меня? — спросил он.

Та храбро кивнула.

— Ее нужно перевести в другую школу, и наверняка еще много чем придется озаботиться. Спасибо, дорогая, — бросил он Сонгён.

— Конечно, не волнуйся. До вечера! — ответила Сонгён и, проводив его до двери, вернулась в кухню.

Хаён уже успела покончить с едой и встала, чтобы убрать тарелку со стола.

— Да ладно, оставь. Я все уберу, когда сама доем, — сказала ей Сонгён.

Хаён опять уселась и стала дожидаться, когда та закончит завтракать. Некоторое время слышалось лишь позвякивание приборов о фаянс. Подчищая тарелку, Сонгён заметила, что Хаён напряженно смотрит на нее.

— Что такое? — спросила она.

— Папа мне сказал, — последовал ответ.

— Что сказал?

— Что у вас тоже нету мамы.

С тех пор как не стало матери Сонгён, прошло уже двадцать лет. Хотя она никогда не считала, что у нее нет матери.

— Ее просто нет со мной *сейчас*. Но это вовсе не значит, что у меня вообще нету мамы, — объяснила она.

— А как умерла ваша мама?

— Лучше говорить «не стало». Ее не стало после автомобильной

аварии.

— А ваша мама тоже приходит к вам во сне?

Ребенку, должно быть, время от времени снилась мать. Сонгён даже позавидовала ей. Самой ей мать никогда не являлась во снах после своей смерти. Сонгён так скучала по ней, что хотела бы повидать ее даже во сне, но это желание никогда не исполнялось.

— Итак, ты часто видишь маму во сне, — заключила она.

— Да. И мне страшно, — сказала девчонка, поежившись. Выражение ее лица испугало Сонгён, но тут она припомнила, о чем Джесон рассказывал ей вчера вечером. Сразу перед тем, как покончить с собой, эта женщина столкнула свою дочку со второго этажа, отчего та сломала ногу.

Интересно, подумала Сонгён, что за человек она была. Неважно, в сколь глубоком отчаянии она оказалась. Как можно было поступить так с собственным ребенком, а потом наложить на себя руки?

— Так ты... боишься свою маму? — осторожно спросила Сонгён.

Хаён плотно сжала губы. Лица ее задеревенело, как и вчера, и она оглядела Сонгён холодными глазами.

— Я... я не хочу об этом говорить, — последовал ответ.

— О, прости. Зря я вообще спросила, — произнесла Сонгён.

Глядя на девочку, она погрузилась в размышления.

Ребенок, похоже, сильно скучает по матери, судя по тому, как днем раньше она обвинила Сонгён в ее смерти, но теперь выясняется, что она боится ее. Поначалу вроде была готова говорить о ней, но тут же закрылась, едва только последовали вопросы. Похоже, что к матери она испытывает смешанные чувства — и скучает по ней, и негодует на нее.

Можно только предположить, как мать с ней обращалась... Должно быть, она была очень неуравновешенной, раз использовала своего ребенка для того, чтобы опять завоевать бывшего мужа после развода. Хаён, наверное, жила в страхе и тревоге, вечно пытаясь определить, в каком она сейчас настроении. Жить с матерью, готовой в любой момент взорваться, явно оказалось чересчур для маленькой Хаён.

— Все нормально, потому что это всего лишь сны... потому что она умерла, — произнесла Хаён, уставившись куда-то в пространство все теми же холодными глазами. Они были слишком уж холодными для глаз ребенка. Настолько, что Сонгён сама ощутила холодок в затылке.

Видимо, мать очень уж мучила ее, раз она говорит такие вещи. Прошел всего один день, но Сонгён уже в полной мере чувствовала, как непросто приходилось Хаён в жизни. То, что сейчас требовалось ребенку, — это напроць забыть трудные времена и обрести душевное равновесие. Зажив

новой жизнью со своим отцом, она постепенно забудет все эти горькие дни и свою ненависть к собственной матери.

— Ну, чем сегодня займемся? Может, пройдемся по магазинам? — поинтересовалась Сонгён жизнерадостным тоном, чтобы хоть как-то изменить настроение девочки.

При этих словах Хаён повернула голову к Сонгён и кивнула, впервые за все время улыбнувшись. Холодное выражение ее лица сменилось чем-то более детским.

13

Перед второй встречей Сонгён с Ли Бёндо ей позвонил директор Хан. Она и сама собиралась связаться с ним после посещения тюрьмы, но была так занята заботами о Хаён, что это совершенно вылетело у нее из головы.

Он расспросил у нее, как прошла беседа, а Сонгён рассказала про смехотворно короткое время, которым пришлось довольствоваться, и о том, как повел себя Ли Бёндо. Директор объяснил, что любой человек, впервые опрашивающий преступника, неизбежно оказывается втянутым в борьбу за моральное и физическое превосходство, и предостерег Сонгён, чтобы она не дала затащить себя в нечто подобное. А когда спросил, что еще вызвало у нее неуютное чувство, то получил ответ, что сотрудников отдела охраны тюрьмы, судя по всему, не слишком радует необходимость организовывать подобные встречи.

Выслушав Сонгён, директор пообещал воздействовать на Национальное полицейское управление и прокуратуру через аналитический комитет, призвав эти структуры к сотрудничеству, и попросил, чтобы она обязательно в любое время связалась с ним, если ей вдруг что-то понадобится.

Этот телефонный звонок вынудил Сонгён еще раз осознать, что на ее беседах с Ли Бёндо сосредоточено очень пристальное внимание. Похоже, что полиция, равно как и директор, ожидала каких-то зацепок, которые позволят раскрыть нераскрытые дела. И что после каждой такой беседы ее будут забрасывать вопросами. От этих мыслей, кружащихся в мозгу, у Сонгён натурально разболелась голова.

И, естественно, она отнюдь не чувствовала себя так уж безмятежно, опять отправляясь на встречу с Ли Бёндо два дня спустя.

Он, должно быть, почувствовал это, поскольку поначалу был не более расположен к сотрудничеству, чем во время первой беседы. Для экономии времени Сонгён протянула ему опросник, полученный на семинаре. Но он лишь уставился на нее, не пошевелив и пальцем. Она решила взять быка за рога, чтобы избежать той борьбы за превосходство, о которой предупреждал директор, и не желая превращать беседу в тяжелое испытание.

— Ну что же вас на сей-то раз не устраивает? — выпалила Сонгён, схватившись ладонью за лоб и ничуть не скрывая раздражения.

Без единого слова Ли Бёндо протянул к ней руки.

Она молча посмотрела на него.

— Разве я не велел вам принести мне на сей раз большое, спелое яблоко? По-моему, я не так уж много прошу за право услышать мою историю, как думаете? — произнес он самым что ни на есть серьезным тоном.

Сонгён, которая перед поездкой в тюрьму не забыла заскочить в супермаркет, вытащила из сумки купленное там яблоко и вручила ему. Потянувшись к ней скованными наручниками руками, Ли Бёндо взял его. Подняв над головой, секунду внимательно рассматривал, словно сомелье, оценивающий цвет вина в бокале. Яблоко было крупное, едва ухватишь, в точности как он и хотел.

— Это из хранилища. Хотя ладно, пожалуй, еще рановато для нового урожая, — произнес Бёндо и решительно надкусил его. Похоже, ему довольно давно не доводилось отведать яблок — он прикрыл глаза, медленно двигая челюстью и словно смакуя его. Откинул голову, наслаждаясь вкусом яблока, а потом принялся с хрустом вгрызаться в него. Прикончил его в один миг, словно давно уже умирал от голода. Съел даже кожуру и семечки, и только немного яблочного сока осталось у него на руке. Физиономия вокруг рта была тоже вся мокрой от сока.

Сонгён припомнила слова одного из оперативников. Сосредоточенность. Он обладал способностью полностью концентрироваться на чем-нибудь, даже на простом поедании яблока. Сонгён почти что увидела его в действии в момент совершения одного из убийств. Бёндо улыбнулся, с довольным видом глядя на нее.

— Я могу судить, что вы за человек, по тому, какое вы выбрали яблоко, — объявил он.

Пока Ли Бёндо наблюдал за ней, вытирая рот рукавом, глаза его лукаво поблескивали. Как и предупреждал начальник охраны, он всем этим просто наслаждался. Стоит ей хоть как-то отреагировать, как он мигом захватит контроль над ситуацией.

Поскольку Сонгён замешкалась, Ли Бёндо продолжил говорить.

— А вы в курсе, что крупные яблоки — необязательно сладкие? Хорошие яблоки должны быть правильного размера, — наставительно произнес он.

— В следующий раз принесу поменьше, — буркнула Сонгён.

— Не, я люблю большие. Всегда ел только большие.

Его взгляд блуждал где-то над плечами Сонгён. Яблоко, похоже, означало для него нечто большее, чем просто фрукт. После того как он съел его, на лице его были написаны не столько радость и удовольствие от

съеденного яблока, сколько некие пробужденные им давние воспоминания.

Сонгён быстро подсунула ему опросник. Только что приконченное яблоко, видно, так ему понравилось, что он без единого слова заполнил бланк, словно послушный студент.

Опросник включал самые базовые вопросы, ответы на которые предстояло использовать для различных целей вроде криминальной статистики. Чтобы заполнить графы, касающиеся возраста, места рождения, образования, рода занятий, адреса, возраста на момент первый судимости и всего подобного, не требовалось долгих размышлений. Что вовсе не означало, что подобная информация совершенно не важна. Беседе предстояло во многом основываться как раз на этих фундаментальных фактах.

Без колебаний ответив на все пункты, Ли Бёндю передал опросник обратно Сонгён. Положив перед собой заполненный бланк, она стала задавать вопросы, ради которых и согласилась на встречу.

— В прошлый раз, насколько я помню, мы говорили о наших самых ранних воспоминаниях? — начала она.

— Красные туфельки, — кивнул он, повторяя сказанное тогда Сонгён.

— Да, которые купила мне мама. Может, тогда начнем с воспоминаний о наших матерях?

— Вам понравились эти красные туфельки?

— Наверное, очень понравились, раз уж я их до сих пор помню.

— Или вы можете их помнить, поскольку мать купила вам туфельки того цвета, который вам совершенно не нравится.

Посмотрев на него, Сонгён попыталась понять, нет ли в этих словах какого-то скрытого смысла.

— У меня есть и хорошие, и плохие воспоминания о своей матери, естественно. Но, к счастью, хороших куда больше, чем плохих. А у вас как? Что за воспоминания остались у вас о собственной матери?

Ли Бёндю, у которого секунду назад был такой вид, будто он вот-вот замычит себе под нос ту самую песенку, внезапно словно одеревенел. Но тут же улыбнулся и заговорил:

— Моя мать... Я довольно долго про нее вообще не вспоминал. Вообще-то я не слишком хорошо ее помню. Я больше ни разу не встречал ее после того, как она ушла из дому, когда мне было семнадцать или восемнадцать.

— Она ушла из дома навсегда?

Он ничего не ответил.

— А не помните, по какой причине? — рискнула Сонгён.

— По какой причине? А-а, вы имеете в виду, почему она ушла из дому... Нет, я никогда не задумывался о причинах.

Ли Бёндо, похоже, с головой погрузился в воспоминания, восстанавливая последовательность событий, так что Сонгён терпеливо ждала, пока он не заговорит снова.

— Причина, по которой она ушла из дому... Может, из-за кошки. К нам во двор повадилась кошка. Черная такая, с желтыми глазами. Мать очень ее любила. Даже специально покупала консервы, чтобы ее кормить. Когда мама ушла из дому, кошка тоже перестала появляться. Должно быть, поняла, что ее уже нет.

— А какое отношение эта кошка могла иметь к уходу вашей матери из дома?

— Вот я и говорю... кошка после этого так ни разу и не объявилась.

Он нес какую-то бессмыслицу. Утверждал, что его мать, которая любила кошек, ушла из дому из-за кошки. Почему он говорит вещи, в которых нет никакой логики? Внимательно изучая его лицо, она вдруг заметила кое-что любопытное.

Стоило Ли Бёндо произнести слово «кошка», как его глаза слегка прищуривались. Было ясно, что «кошка» стимулирует его память гораздо сильнее, чем «мать». Сонгён так и не могла понять, каким образом эти два понятия связаны между собой, но он явно не хотел говорить о том, при каких обстоятельствах его мать ушла из дома.

— А у вас остались еще какие-то воспоминания о матери? — спросила она.

Бёндо поднял на нее глаза, а потом отвел взгляд. Нахмурившись, покопался в памяти; прикусил губу, словно не желая говорить, но все-таки начал:

— Я не слишком-то хорошо все помню, потому что это было слишком давно, хотя и впрямь кое-что припоминается... Однажды я поскользнулся в ванне и наглотался воды, а она вытащила меня оттуда и стала делать искусственное дыхание... Когда она была в хорошем настроении, то частенько мне напевала. У нее был очень красивый голос. Дело кончалось тем, что я закрывал глаза и засыпал, даже не сознавая этого.

Пение. Она припомнила, что именно он напевал в прошлый раз.

Его самое раннее воспоминание.

Должно быть, эту самую песенку мать ему и напевала. Во тьме наконец-то промелькнула первая искорка света. Сонгён решила, что надо идти на этот свет.

— Напевала ту самую песенку, которую вы исполнили мне в прошлый

раз? — спросила она.

Вздрогнув, Ли Бёндо уставился на нее и кивнул.

— Я не помню ее лица, но... и вправду припоминаю иногда эту песенку, — произнес он.

Его мать ушла из дому, когда ему было семнадцать... Он не может не помнить ее лица.

Он врет. У него вроде нет причин врать, и все же он утверждает, будто не помнит лица матери. Не помнит лица матери, зато прекрасно помнит, какого цвета была кошка, за которой присматривала мать, даже какого цвета были глаза у этой кошки...

А может, и не врет. Вполне может статься, что Ли Бёндо и вправду не помнит ее лица. Тогда почему его мозг старательно пытается стереть ее внешность? Тот факт, что его память искажена, означает, что ключ лежит где-то здесь.

Записав в блокнот слова «мать», «песенка», «ушла из дома» и «кошка», Сонгён задала ему следующий вопрос:

— Вы не скучаете по ней? Никогда не пытались ее разыскать?

— Я не скучаю по ней и не хочу ее разыскивать.

Сонгён вопросительно посмотрела на него.

— С ее стороны было то же самое. Она никогда меня не разыскивала и никогда по мне не скучала, — промямлил он, уставившись куда-то в пространство, словно мать стояла у него перед глазами. Его глаза и губы улыбались, но лишь чтобы замаскировать гнев. Удерживающая эту маску резинка так туго натянулась, что была готова в любую секунду лопнуть. Нет, она уже порвалась с одной стороны, начиная открывать его истинное лицо.

— «Ты грязный ублюдок. Ты никогда не должен был появиться на свет. Будь ты проклят»... Вот что мама повторяла мне с самого моего рождения. Вы-то таких слов небось в жизни не слышали, так ведь? — произнес Ли Бёндо, неотрывно глядя Сонгён прямо в глаза.

Она тоже на секунду заглянула вглубь его глаз, после чего помотала головой.

— Ничего другого я и не слышал, пока рос. Для нее я был... Вы ведь тоже так думаете? Что я такое уж страшное чудовище? — спросил он.

— Совершенно неважно, что я думаю.

— Нет, важно. Это... это очень важно.

— Почему? Какая вам разница, что я думаю?

— Потому что... вы можете изменить меня.

Эти его слова запали ей в самое сердце, запятнав его болью, как

чернила, попавшие на кусок промокашки. Как это ни странно, сейчас Сонгён не чувствовала, что он лжет. Она практически его не знала, но когда сидела сейчас перед ним, глядя ему прямо в глаза и прислушиваясь к его голосу, он казался кем-то, с кем она давным-давно знакома.

— Так что, хотите поговорить про мою маму? Хотите послушать про мое детство? — спросил Ли Бёндю.

Продолжая наблюдать за его лицом, Сонгён отложила ручку и закрыла блокнот. Ей хотелось полностью сосредоточиться на его дрожащем голосе. Хотелось тщательно прислушиваться к тому, что у него есть сказать. Это было странное чувство. Будто ей удалось сфокусироваться на самой его душе.

— Мое детство... — Он примолк и глубоко погрузился в собственные мысли, опустив голову. Некоторое время сидел совершенно неподвижно, а потом задрал свою тюремную робу и показал ей свое тело, сплошь покрытое следами застарелых шрамов. Шрамы были повсюду.

— Так вот, значит, какое у меня было детство, — произнес Ли Бёндю.

Если его мать ушла из дома, когда ему было семнадцать, все это происходило как минимум пятнадцать лет назад. И даже после всех этих лет его тело все в шрамах после тех ужасных вещей, которые она творила с ним... Его память ничем не отличалась от тела. Раны у него в голове могли оставить даже более глубокие шрамы, чем следы насилия, творимого над его телом.

Когда он еще только начал говорить о том, что осталось в памяти о его матери, Сонгён очень скоро почувствовала, что воспоминания эти далеко не радостные. Вспоминал Ли Бёндю не о беззаботных счастливых днях, проведенных с ней, а о том, как едва не утонул в ванне, и о той боли, которую при этом испытал. Теперь она начинала понимать, почему песенка, которую напевала ему мать, стала заглавной композицией его преступлений. Начала сознавать, почему ей нужно полностью сосредоточиться на нем. Он сбросил с себя все наносное, практически обнажился перед ней. Его искренность тронула ее.

Не в состоянии вымолвить ни слова, Сонгён просто смотрела ему в лицо. Быстро сменяющиеся друг друга выражения его лица ясно раскрывали, о чем он думает. Вдруг она различила в нем глубокую боль.

— Черт, я не хочу говорить об этом! Я не хочу вспоминать ее! — взревел Ли Бёндю, вновь и вновь хлопая по столу скованными наручниками руками.

Тихо сидевший у двери тюремный охранник удивленно вскочил на ноги. Сонгён остановила его взмахом руки. Ли Бёндю требовалось время,

чтобы выразить свои чувства. Его истинное лицо, открывшееся благодаря эмоциям, а не битве умов или расчетливому поведению, могло выдать ей информацию, необходимую, чтобы понять его.

— Если она собиралась воспитывать меня таким образом, то лучше бы просто придушила или бросила меня! Почему она так жутко со мной обращалась? Почему? Зачем она вообще меня родила? — пробормотал он дрожащим и запинаящимся голосом. Помотал головой, а потом закрыл лицо руками. Неподвижно застыл, не поднимая головы. Наверняка не хотел, чтобы кто-то видел его слезы.

Похоже, что Ли Бёндо был нежеланным для собственной матери уже в тот момент, когда появился на свет. Он вырос под гнетом этой женщины, которая постоянно осыпала его ругательствами и мучила его. В душе у Сонгён все переворачивалось, когда она слышала, как он сквозь слезы кричит, что нет у него никаких хороших воспоминаний, что не хочет он ничего вспоминать, потому что все это было слишком ужасно. Непонятно почему, но его мать переложила все собственные проблемы на собственного ребенка, изливала на него свой гнев и боль в форме физического насилия. Все могло бы быть совсем по-другому, если бы рядом был кто-то еще, но больше никого рядом не оказалось.

Почему его мать повторяла, что он грязный ублюдок, что ему не следовало вообще появляться на свет?

— Почему она так с вами обращалась? — спросила Сонгён, ожидая, что Ли Бёндо опять начнет говорить, но он просто сидел в той же позе, не отрывая рук от лица, и сидел так очень долго. Пауза затягивалась.

— Господин Ли? — произнесла она.

Он даже не поднял голову. Наверное, разозлился на Сонгён за то, что она вскрыла его старые раны, что заставила думать обо всем этом.

Довольно долго просидев так в молчании, Ли Бёндо наконец поднял взгляд.

— Какой срок давности при убийстве? — вдруг спросил он.

Сонгён на миг оторопела — подобного вопроса она уж точно не ожидала услышать. Хотя куда больше ее удивило совершенно безмятежное выражение его лица — после столь эмоциональной вспышки она ожидала увидеть красные глаза и слезы. Его голос тоже звучал совершенно спокойно — перемена настроения столь же резкая, как летний ливень. Он больше не был перевозбужден, и едва заметная улыбочка вновь вернулась на его лицо. Ли Бёндо вновь прикрылся все той же маской. Сонгён вздохнула, чувствуя полную опустошенность.

— У убийства нет срока давности, — ответила она.

— Понятно. Ну что ж, предположим...

Он остановился на полуслове, огляделся по сторонам, бросив взгляд на охранника у двери, и потом, сложив руки рупором, поднес их ко рту и негромко продолжил — Сонгён даже пришлось податься вперед, потому что его голос звучал почти неслышно:

— Предположим, я убил свою мать. Меня приговорят к смерти? Или к пожизненному заключению? — Вот что он произнес.

Сонгён потрясенно уставилась на него. Всмотрелась ему в глаза, пытаюсь понять, что он на самом деле имеет в виду. Ли Бёндю ухмыльнулся ей, поднялся со стула и крикнул охраннику, что хочет вернуться в свою камеру.

Сама Сонгён не нашла в себе сил ни встать, ни окликнуть его.

При слове «мать» он продемонстрировал ей свое покрытое шрамами тело. Сказал, что его детство было настоящим адом. Сказал, что его мать ушла из дому, когда ему было семнадцать, но Сонгён интуитивно почувствовала, что это неправда. Выходит, он просто убил свою собственную мать?

Если так, то первый раз он лишил кого-то жизни очень и очень давно.

Выходя из комнаты, Ли Бёндю больше не сказал Сонгён ни слова. Она не сводила с него глаз. Лицо его теперь было лишено всякого выражения, но он все же успел показать ей свое истинное лицо, лицо без маски. Она была настолько потрясена, что некоторое время не могла даже пошевелиться.

Сонгён было трудно себе представить, каково это — постоянно, с самого рождения подвергаться насилию, физическому и словесному, со стороны собственной матери, самого вроде бы близкого тебе человека. Одна только мысль о том, как подобная обстановка могла искалечить его душу, сковала ее по рукам и ногам.

Молча убирая в сумку блокнот и диктофон, она вдруг подумала про Хаён.

Девочка появилась у нее в доме в тот самый день, когда она впервые пообщалась с Ли Бёндю. Тогда Сонгён этого не осознала, но глаза Хаён были странно похожи на его глаза. И Хаён, и Ли Бёндю пытались строить из себя сильных, но на деле оказались чрезвычайно ранимыми, и этот острый, холодный взгляд предательски выдавал одиночество.

При виде холодного взгляда Ли Бёндю Сонгён иногда хотелось обнять его, исцелить его раны. Этот тридцатичетырехлетний мужчина был на самом деле ребенком, который так и не вырос. Наверное, на мысли о Хаён ее навел как раз этот обиженный ребенок в его глазах.

Маленькую Хаён тоже регулярно обижала ее собственная мать.

Насколько негативно подобные воспоминания повлияли на нее? Что она будет представлять собой, когда вырастет? Поймав себя на подобных мыслях, Сонгён даже вздрогнула и тут же помотала головой, придя в ужас оттого, что поставила на одну доску Хаён и Ли Бёндю.

Хаён — не такая, как Ли Бёндю. Ее отец на ее стороне, ее бабушка с дедушкой, пусть даже они и погибли в огне, заботились о ней и любили ее. А теперь ожидающее ее новое окружение должно было помочь ей исцелиться от недавно испытанного шока и боли. У Хаён полным-полно времени впереди, чтобы оправиться от полученных душевных ран. Если кто-то постоянно будет за ней присматривать, помогать воспаленным ранам затянуться и нарастить на их месте новую плоть, девочка вырастет совершенно здоровой.

Нет, Хаён совсем не такая, как Ли Бёндю.

14

Все утро Сонгён без устали занималась проблемами с переводом Хаён в другую школу.

Как только та стала жить у них, все связанные с ней задачи целиком и полностью легли на ее плечи.

Рабочее расписание у нее всегда было более свободное, чем у Джесона, который частенько просто не мог вырваться из больницы; а кроме того, семестр закончился, и ей вообще не требовалось куда-то идти. Так что вполне естественно, что делами Хаён пришлось заниматься именно ей. Это Сонгён привела в порядок ее комнату, купила ей новую одежду и прочие вещи первой необходимости. Она этого и ожидала, но, занимаясь всем этим одна, чувствовала некоторую обиду, что Джесон, похоже, по этому поводу и в ус не дует. Однако эти ее чувства было не сравнить с разочарованием Хаён.

Стоило родителю вернуться с работы, как Хаён буквально ходила за ним хвостом, постоянно заговаривала с ним, цеплялась за него, ребячилась. Первые дни он баловал ее, был отзывчив и внимателен, но вскоре стал реагировать на нее без особого энтузиазма или словно вообще ее не замечал. Исследовательская работа, которой он уже давно занимался, тоже не давала ему уделять достаточно внимания ребенку, но это оправдание несколько не удовлетворяло Хаён.

Ощувив его отстраненность, она стала все реже и реже к нему обращаться, уже так не держалась за него. Этим утром девочка даже не спустилась вниз.

Готовясь к походу в школу, чтобы организовать туда перевод Хаён, Сонгён поднялась на второй этаж. Постучалась, открыла дверь и обнаружила ее лежащей в постели. Девочка, которая ожидала, что отец заглянет поприветствовать ее перед уходом на работу, за завтраком дулась. Похоже, ее настроение ничуть не улучшилось.

— Я собираюсь в школу, в которую ты теперь будешь ходить, Хаён. Может, сходишь со мной? — предложила Сонгён, которой не хотелось оставлять девочку одну в незнакомом доме. Да и взглянуть на новую школу Хаён было бы полезно.

Сонгён немного выждала, но ответа не получила.

— Разве ты не хочешь посмотреть на свою новую школу? — спросила она еще раз.

По-прежнему нет ответа. Решив не давить на ребенка, Сонгён вышла из комнаты. Нельзя заставлять ее делать то, чего ей не хочется.

Но вскоре, уже готовая к выходу, она обнаружила Хаён возле входной двери, уже полностью одетую. Той, похоже, не хотелось оставаться одной в пустом доме.

Прихватив с собой девочку, Сонгён первым делом заскочила в сервис-центр при районной администрации, чтобы сделать копию прописки Хаён по новому месту жительства^[15], которую потребовали предоставить в школе. Только этой бумажки и не хватало, чтобы завершить процесс перевода. Школа находилась меньше чем в десяти минутах пешком от дома, так что ходить туда девочка вполне могла и самостоятельно.

Чтобы хоть немного ее приободрить, Сонгён пыталась разговаривать с ней всю дорогу до школы. Расспрашивала, что представляла собой ее старая школа, остались ли у нее там друзья и подружки, которым можно было бы позвонить, но Хаён упорно молчала. Новый район, в котором ей предстояло жить, тоже, похоже, не вызывал у нее особого интереса. Словно ей было совершенно неважно, где находиться — на окружающую обстановку она не обращала внимания. Была похожа на черепаху, спрятавшуюся с головой в свой непробиваемый панцирь. Словно мимоза, съезживающаяся при малейшем внешнем воздействии, наглухо закрыла свое сердце для всего вокруг.

И перед Сонгён не стала открываться тоже. Они не слишком хорошо друг друга знали, и Хаён вроде совершенно не хотелось узнать ее получше. Она ее просто терпела, как ту, что теперь живет с ее отцом. Чтобы узнать и начать понимать друг друга, им требовалось время и подходящий случай, но тот, кто должен был послужить посредником между ними, был для этого слишком занят на работе.

Сонгён чувствовала, что Хаён, которая смирилась с ее присутствием и согласилась составить ей компанию, все глубже и глубже уходит в себя. Сонгён прекратила задавать вопросы. Как только она окончательно решила серьезно поговорить на эту тему с Джесоном, едва только тот вернется домой с работы, они уже подошли к школе.

Зайдя на школьный двор, при виде симпатичных зданий школы Сонгён ощутила едва заметный укол в сердце.

После выпуска из университета она ни разу не бывала в начальной школе. Школа была не та, в которую она сама ходила, но выглядело все до боли знакомо. Небольшие четырехэтажные здания выкрашены в различные яркие цвета, маленький уютный двор... Было слышно, как детишки бегают и перекрикиваются между собой — шел урок физкультуры. Сонгён и сама

все это на себе проходила, но казалось, что уже сто лет миновало с тех пор, и она помнила эти дни не слишком четко.

Прошла целая неделя после появления Хаён у них в доме. Ощущение, что ты родитель, приведший ребенка в школу, не было тем, что Сонгён могла легко облечь в слова. В отличие от своих подруг, вышедших замуж гораздо раньше, Сонгён еще и к роли супруги-то как следует не привыкла, так что оказаться родительницей школьницы было для нее столь же странно и неловко, как надеть чужую одежду. У нее совершенно не было времени, чтобы хоть как-то подготовиться к этой новой роли — неудивительно, что она чувствовала себя несколько неуклюже и скованно.

Такие же чувства Сонгён испытывала и к предстоящему переводу. Она и понятия не имела, к кому обратиться с возникшими у нее вопросами, но в конце концов покопалась в Интернете и сама подготовила все необходимые документы. Все оказалось не так сложно, как вначале представлялось, но Сонгён впервые осознала, что от родителя требуется множество знаний, которыми она совершенно не располагала.

Идя по школьному двору, Сонгён нервничала и откровенно трусила, словно это ей самой предстоял перевод в новую школу. Этот момент знаменовал начало новой жизни и для нее самой. Она невольно сделала глубокий вдох и не глядя протянула руку Хаён. Собралась уже взять ее за руку, но та оттолкнула ее.

Какие бы чувства вид школы ни вызывал у самой Сонгён, но девочка сверлила недовольным взглядом здания впереди, плотно сжав губы. Похоже, что она до сих пор пребывала в дурном настроении — либо из-за того, что произошло утром, либо нервничала из-за необходимости оказаться в совсем новом окружении, совершенно для себя незнакомом.

Пока Сонгён общалась с секретарем школы, оформляя перевод, Хаён тихонько сидела в углу учительской. Все оказалось не так сложно, как думалось. Едва только справка о регистрации по месту жительства перешла в руки секретаря, как Хаён немедленно записали в ее класс.

Секретарь поднялась из-за письменного стола, сказав, что Хаён уже может познакомиться со своей классной руководительницей.

— Твоя классная скоро придет. Давай с ней поздороваемся, — сказала Сонгён.

Хаён, однако, помотала головой и выбежала из учительской. Сонгён бросилась было за ней, но та успела отбежать довольно далеко. Между тем секретарь уже спускалась по лестнице с другой стороны коридора в сопровождении учительницы, женщины лет тридцати пяти.

— Это госпожа Им Ынсилъ, классный руководитель Хаён. А это мама

Юн Хаён, которая переводится в нашу школу, — представила их секретарь.

— Здравствуйте! Ой, простите, но она убежала вон туда, — произнесла Сонгён.

— Ничего страшного. Ей наверняка не терпится посмотреть на новую школу, — беззаботно отозвалась секретарь, приглашая Сонгён обратно в учительскую.

Классная руководительница составила список того, что Хаён понадобится, и вручила его Сонгён. Учебники предоставляла школа. Учительница, которая говорила спокойным уверенным тоном и выглядела в точности, как и должна выглядеть преподавательница младших классов, произвела на Сонгён хорошее впечатление. Хотя, беспокоясь за Хаён, Сонгён не могла толком сосредоточиться на разговоре с ней.

Она попросила учительницу как следует присматривать за девочкой и вручила ей свою визитную карточку, подумав, что стоит поддерживать с ней более тесный контакт, пока Хаён будет привыкать к новой школе. Испытала некоторое облегчение, услышав, что учительница просит ее не волноваться и обещает как следует присматривать за Хаён. Сонгён прикинула, надо ли рассказать учительнице о ситуации Хаён, но решила, что не стоит, чтобы с ходу не создавать у той предвзятое мнение. Придя к соглашению, что Хаён начнет посещать новую школу прямо с завтрашнего дня, они распрощались.

Выйдя из школы, Сонгён огляделась в поисках Хаён. На школьном дворе той нигде не было видно. И только обойдя два школьных здания и стоящий рядом с ними хозяйственный сарай, она все-таки обнаружила девочку.

Та была на участке, отведенном для уроков природоведения на свежем воздухе, у подножия сопки за школой. Немного в стороне от сарая раскинулся огород, обнесенный оградой. Росли здесь зеленый салат, перцы, помидоры, там и сям среди посадок торчали небольшие таблички на палках с номерами классов — похоже, что каждый класс отвечал за свой участок огорода. Рядом с огородом располагалось нечто вроде зооуголка с животными, окруженного провололочной сеткой.

Хаён сидела прямо перед сеткой, наблюдая за кроликами. Сонгён наконец облегченно выдохнула.

— Вот ты где... Смотришь на зайчиков? — спросила она.

Встав рядом с Хаён, посмотрела сквозь сетку и увидела за ней почти такое же разнообразие видов, как и на огороде. Здесь были кролики, куры, утки, все рассажены по своим секциям, а неподалеку возвышался набор птичьих клеток.

Хаён, которая тихо наблюдала за кроликами, поднялась на ноги, сразу потеряв к ним всякий интерес. Хотя не стала отходить от фермы — направилась к клеткам с птицами. Огляделась по сторонам в поисках, чем бы их покормить, потом оторвала лист салата с грядки и просунула в сетку.

Птицы, похоже, давно привыкли к детям и двинулись к угощению, не выказывая никакого страха. Стоило одной начать отщипывать от листка, как все остальные тоже бросились к сетке и последовали ее примеру. Хаён, которая некоторое время наблюдала за ними, вдруг открыла дверцу клетки и попыталась схватить их. Несколько птиц, пролетев у нее над рукой, моментально вспорхнули в небо.

Сонгён рванулась вперед, выдернула руку Хаён из клетки и захлопнула дверцу. Птицы уже улетели, не оставив и следа.

— Что ты делаешь? Все птички разлетелись! — принялась выговаривать девочке Сонгён.

Та посмотрела на нее своими чистыми глазами, а потом отвернулась, словно ничего такого и не произошло, и двинулась обратно на школьный двор. Сонгён оказалась не в силах и дальше ругать и пилить ее. Лишь невольно вздохнула.

По пути домой она зашла в супермаркет и купила Хаён кое-какую одежду, нижнее белье и носки. В канцелярском магазине приобрела также все необходимое для школы. Купить ей пришлось уйму тонну всякого разного добра, поскольку девочка все потеряла в огне. Как только Хаён стала жить у них, Сонгён регулярно что-нибудь докупала, как только ей что-то приходило на ум, но продолжала видеть то, что девочке могло потребоваться. Зашла в магазин тканей и заказала новые шторы, купила заодно и запасное одеяло. Набрав полные руки покупок, продолжала размышлять, что бы приобрести еще.

Пока она выбирала вещи и расплачивалась, Хаён тихо тянулась за ней по пятам. Проявила кое-какую отзывчивость, когда дело дошло до одежды, поскольку ей самой и предстояло все это носить. Напрямую не отказывалась от того, что ей не приглянулось, но Сонгён видела это по ее лицу. Некоторые вещи ей, видать, понравились, поскольку она с готовностью подхватила объемистый пластиковый пакет и постоянно заглядывала внутрь.

Настроение Сонгён тоже менялось в зависимости от настроения Хаён. Интересно, подумала она, не перебарщивает ли с хлопотами о ребенке... Но решила, что на данный момент та требует к себе повышенного внимания. Как только девочка привыкнет к новой обстановке и более-менее обустроится, уже не придется беспокоиться из-за каждой мелочи.

Ходили они не так уж долго, но когда обе наконец вернулись домой, Сонгён почувствовала себя окончательно вымотанной. Заботиться о ребенке — не такое простое дело, как она думала.

* * *

На следующий день, пока Хаён была в школе, на плечи Сонгён свалилась целая гора всяких домашних дел. Она купила еще одежды для девочки, поскольку вчера кое-что упустила из виду, заказала по Интернету книжки и комод в ее спальню. Пришлось также сходить за продуктами. Домой она вернулась ровно в тот момент, когда должны были привезти комод и мебельный грузовик уже стоял у ворот, поджидая ее.

Поспешно открыв ворота, Сонгён проводила грузчиков в комнату Хаён на втором этаже. Утром она уже навела там полный порядок, так что мебель быстро поставили на место. Как только этот вопрос был решен, комната наконец приобрела законченный вид.

Вчера Сонгён отдала Хаён пакеты с одеждой с просьбой отнести их наверх и самой разобрать, раз уж теперь это ее вещи, но, открыв теперь дверцы гардероба, обнаружила, что они так и не распакованы. Вытащив покрывало и одеяло, постелила их на кровать, развесила одежду на плечики в гардеробе. Белье и носки аккуратно сложила и убрала в новый комод. Разложила на столе школьные принадлежности — и только тут осознала, что пропустила обед.

Спустившись на первый этаж, достала из холодильника бутылку воды и призадумалась, ничего ли не забыла. Первое, что пришло в голову — это компьютер. Да, надо срочно приобрести для Хаён лэптоп, подумала она. Ей он понадобится, детишки в начальной школе всю пользуются Интернетом. Хотя решила, что возложит эту задачу на Джесона. Если они в его выходной на пару с дочкой пройдутся по магазинам, это должно смягчить дурное настроение девочки.

Наконец переведя дух, Сонгён зашла в гостиную и тут вспомнила про плюшевого медведя, оставшегося в комнате Хаён.

Поскольку медведь был жутко грязный, прежнее одеяло пришлось отправить в стирку. Заодно она решила простирнуть и медведя. Опять спустилась вниз, прихватив его с собой. Наполнила ванну водой, добавила стирального порошка, взбила его в пену и окунула в нее плюшевого зверя. И едва стиснула его руками, как из него заструилась буквально черная вода. Игрушку так долго не стирали, что сколько бы Сонгён ни пыталась споласкивать ее, вода все равно оставалась мутной. Изначальный белый цвет медведя проявился только тогда, когда она провозилась с ним не

меньше часа.

Засунув медведя в стиральную машину и включив отжим, Сонгён буквально рухнула на диван, совершенно без сил. Но настроение у нее было на высоте, несмотря на усталость.

Она с удовольствием представляла себе радость Хаён при виде новой мебели, нового одеяла и чистого плюшевого медведя. Посмотрев на часы, увидела, что уже почти два. Быстро вскочила с дивана и принялась готовить полдник для Хаён. А ведь сама так еще и не пообедала. Теперь Сонгён могла ясно представить, каково приходится ее знакомым, вынужденным целый день возиться с детишками.

Время летело слишком быстро, а список задач казался нескончаемым.

Запищала стиральная машина, извещая об окончании цикла. Плюшевый зверь стал пушистым, как новенький, и приятно пах. Сонгён повесила выстиранное сушиться и уже направлялась в гостиную, когда позвонил Джесон. Сказал, что уходит с работы пораньше, чего с ним уже давно не случалось, и попросил приготовиться прогуляться в город, как только Хаён вернется домой. Вчера она настоятельно попросила его проявлять к дочери побольше внимания, поскольку той грустно, и он, похоже, принял это близко к сердцу.

Хаён пришла из школы около половины третьего. Сонгён хотелось о многом ее расспросить, поскольку это был ее самый первый день в новой школе.

— Ну как тебе школа? Подружилась с кем-нибудь? — спросила она.

Вид у Хаён был усталый, и она отправилась наверх, ничего не ответив.

— Папа скоро придет. Немного отдохни, а потом переоденься и спускайся, — сказала ей Сонгён.

Думая, что по пути из школы девочка перегрелась на солнце, Сонгён быстро метнулась в кухню и открыла холодильник. Если они куда-то пойдут, как только Джесон вернется домой, то наверняка пообедают где-то вместе, так что не стала трогать приготовленный «перекус». Просто вытащила холодный сок и налила его в стакан. Убрала бутылку обратно и повернулась в тот самый момент, когда Хаён с громким топотом слетела с лестницы — с таким видом, будто собралась коршуном наброситься на нее.

— Вы заходили в мою комнату? — резко поинтересовалась девочка.

— А?

Сонгён искренне не понимала, в чем дело. Естественно, она заходила, чтобы поставить новую мебель, разложить вещи... Застыла в полном ошеломлении, не зная, в чем проблема.

— Где он? — опять твякнула Хаён.

— Кто?

— Мой плюшевый медведь!

Немного расслабившись, Сонгён улыбнулась.

— Я его постирала, поскольку он был довольно грязный.

— Где он, я спрашиваю? — взвизгнула Хаён, прежде чем та успела договорить. В ее глазах была такая ярость, какую Сонгён никогда в них прежде не видела. Совершенно ошарашенная, женщина не могла вымолвить ни слова.

Хаён немного постояла, все так же обжигая ее взглядом, а потом пулей вылетела из кухни. В голове у Сонгён воцарилась полная пустота. Лицо истошно орущей на нее Хаён испугало ее.

Девочка, выскочившая на веранду, теперь уже тащила за лапу своего плюшевого медведя. Даже не глядя на Сонгён, протопала обратно наверх по лестнице. Сонгён была совершенно сбита с толку. Она так радовалась, весь день хлопоча ради Хаён... Но теперь чувство счастья испарилось без следа. Хотя она не могла позволить себе отвечать злостью на злость. Сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и обратилась к Хаён своим обычным голосом:

— Он еще не высох, Хаён. Отнеси его назад.

Чтобы плюшевый зверь как следует высох, понадобилось бы как минимум дня три. Но девочка не стала ни спускаться, ни даже отвечать. Сонгён внимательно прислушалась, но сверху не доносилось ни звука. Позвала еще раз, но опять без толку. Не оставалось иного выбора, кроме как самой подняться наверх.

Открыв дверь, она собиралась уже войти, но замерла на пороге. К ее полному потрясению, в комнате царил совершеннейший хаос. По всему полу были раскиданы обрывки ткани, клочья мягкой набивки и маленькие пенопластовые шарики.

— Что... что ты делаешь? — в ужасе пролепетала Сонгён.

Хаён пыталась взрезать медведя большими ножницами. Поскольку это у нее не слишком хорошо получалось, она отшвырнула ножницы в сторону и стала разрывать его просто руками, залезая рукой в самое нутро. Выпотрошив брюхо медведя, опять подхватила ножницы и набросилась на голову плюшевого зверя. Ножницы легко проткнули ткань и глубоко погрузились в набивку. Хаён, похоже, даже не заметила появления Сонгён.

— Да что ты творишь?! Немедленно прекрати! — выкрикнула Сонгён, подбегая к ней и хватая за руку. Хаён неистово оттолкнула ее. — Прекрати, я сказала!

Она опять протянула к ней руки, и девчонка воздела ножницы высоко над головой, сверля ее взглядом. Вид у нее был такой, будто она вот-вот бросится на нее. Глаза ее так и сверкали. Сонгён никогда не видела, чтобы кто-то был в такой ярости. Неужели Хаён и впрямь всего лишь одиннадцатилетний ребенок?

Застыв на месте и потеряв дар речи, Сонгён уставилась на нее.

Ножницы, все еще в руке у Хаён, сверкнули на солнце. Эта сверкающая вспышка метнулась прямо к Сонгён. Крепко зажмурив глаза, она метнулась вбок как раз вовремя, чтобы острые концы ножниц не воткнулись ей прямо в лицо. Хотя все же ощутила, как что-то ужалило ее руку, и увидела на ней красную линию. Из пореза уже сочилась кровь.

— Да что ты творишь, в конце-то концов? — вскричала Сонгён.

— Убирайтесь! — взвизгнула Хаён.

При словах Сонгён она даже не моргнула глазом. Наоборот — нацеливалась на нее холодными глазами, все с тем же выражением лица, и орала:

— Убирайтесь из моей комнаты! Убирайтесь!

Из ее ротика сыпались такие грязные слова, какие Сонгён еще никогда не слышала. Глядя на девчонку, бросающую ругательства прямо ей в лицо, Сонгён подняла руку, даже сама того не сознавая. Гнев одолел здравый смысл. Она словно ослепла.

Шлепнула Хаён по щеке, и та моментально застыла. Сонгён и сама была столь же потрясена и не сразу пришла в себя — просто не могла поверить, что только что ударила по лицу ребенка. С самого первого дня обе включились в войну нервов, но так далеко Сонгён еще не заходила. Она посмотрела на Хаён, которая резко побледнела.

Ножницы со звоном упали на пол.

— Х-хаён, ты как? — запинаясь, выговорила Сонгён, подошла к потрясенной девочке и потрогала ее щеку. Окаменевшее лицо девочки снова превратилось в детское, и она бурно расплакалась. Ее глаза, из которых градом катились крупные слезы, сразу опухли. Глядя на ее мгновенно изменившееся лицо, Сонгён совершенно растерялась.

Девчонка, вытянув перед собой руки и продолжая громко рыдать, прошла мимо нее к двери.

— Папа!

Вздрагнув, Сонгён обернулась и увидела стоящего на пороге Джесона.

Она не знала, когда он вернулся домой, но по выражению его лица поняла, что он видел, как она ударила ребенка. Захватив Хаён в объятия и пытаясь успокоить ее, Джесон с каменным лицом посмотрел на Сонгён. В

его холодном взгляде читалось разочарование.

Она вдруг поняла, почему выражение лица Хаён изменилось с такой невиданной быстротой. Все тело покрылось гусиной кожей. Сонгён просто не могла поверить, что ребенок способен на такое коварство. В груди ее собралась тяжесть.

И дело было не в том, как отреагировал на происходящее Джесон. Можно будет потом все ему рассказать и прояснить это недоразумение. То, что встревожило ее больше всего — это моментально изменившееся выражение лица девочки. Это было не лицо ребенка, потрясенного пощечиной и при виде отца расплакавшегося от вырвавшихся наружу эмоций. У такой мгновенной перемены могла быть только одна причина, не имевшая никакого отношения к эмоциям. Когда девочка бросилась к отцу, Сонгён прочла у нее на лице ее истинные намерения. Все ее действия были хорошо просчитаны.

Хаён прекрасно знала, какого рода чувства она способна пробуждать у людей, ведя себя определенным образом, вот и повела себя соответственно. Как ей это удалось в такой короткий момент? Сонгён, которую искренне изумила подобная ловкость, опять призадумалась, в какой же среде выросла девочка.

Некоторое время посмотрев, как Хаён горько завывает в объятиях отца, Сонгён без единого слова вышла из комнаты. Все это требовалось серьезно обсудить с Джесоном. Но сначала надо было дать ему какое-то время, чтобы утихомирить Хаён.

Укрывшись в кабинете, Сонгён и сама попыталась успокоиться. Она совершенно не представляла, как теперь вести себя с Хаён. И еще тревожилась, как отреагирует Джесон, увидев, как его дочь бьют по физиономии прямо у него на глазах. Тому, что она только что сделала, не было никаких оправданий, даже по ее собственному разумению.

Как и ожидалось, Джесон очень на нее рассердился. Вскоре вошел в кабинет, встал и долго стоял так, глядя в окно и не произнося ни слова. Потом подвинул стул и сел напротив нее.

— Может, объяснишь, что тут произошло? — поинтересовался он более спокойным голосом, чем она ожидала.

Подобное ледяное спокойствие, однако, заставило Сонгён еще больше занервничать. Джесон относился к тем людям, которые чем больше злятся, тем тише разговаривают.

— Произошло... Да, я была неправа, что ее ударила. Я, наверное, в тот момент совсем вышла из себя. Я... я просто не вынесла, что она так орет и ругается на меня, — произнесла она.

— Почему она орала и ругалась на тебя?

— Не пойму, с чего она так взбесилась.

— Должна же быть какая-то причина.

— Это всего лишь ее плюшевый медведь. Я увидела, какой он грязный. И все, что я сделала, это его постирала.

— И всё?

— И ничего больше. Она стала искать этого медведя, как только вернулась домой из школы, так что я сказала ей, что он постиран, и... Она отнесла его наверх, все еще мокрого, и просто разорвала на куски.

Сонгён опять прошиб озноб, когда она представила себе, как Хаён разрывает обожаемого медведя на части. Откуда такая ярость? При виде лица девочки, когда она тыкала в него ножницами, с ненавистью сверля ее взглядом, у Сонгён едва не остановилось сердце. Ей сейчас не хотелось в этом признаваться, но, если честно, она жутко испугалась. Испугалась ребенка. Этот страх и заставил ее шлепнуть Хаён по щеке.

Джесон все равно не поймет. Как сказать ему, что она испугалась его собственной дочери?

Что-то надо делать. Надо срочно принимать какие-то меры, подумала она.

15

После того как отец вышел из комнаты, Хаён обмякла и рухнула на пол.

Если б он вовремя не появился, могло произойти что-то ужасное. Глядя на ножницы на полу, Хаён припомнила лицо Сонгён. Ведь и в самом деле едва ее не пырнула! Все это никак не укладывалось в голове. Хотя как Сонгён посмела трогать чужие вещи? Подумав о ней, Хаён опять разозлилась.

Она принялась хватать и тут же отшвыривать все, что попадалось ей под руку, громко визжа. Потом ей пришлось в голову, что если она будет продолжать в этом духе, может опять объявиться отец. Не хотелось, чтобы он опять капал на мозг. Придется вести себя потише.

В ее самый первый день в этом доме он подхватил ее на руки и прошептал на ухо:

— Если хочешь жить тут со мной, придется тебе ее слушаться.

Из-за этих его слов она все безропотно сносила, как бы ей тут много чего не нравилось. Не стала жаловаться, даже когда Сонгён выбрала какие-то унылые старомодные шмотки. Девочки в ее возрасте не носят такой

детсадовский отстой! Словно играя в куклы, Сонгён потащила ее по магазинам, заставила мерить то одно, то другое, когда только ей самой все это и нравилось. Хаён проголодалась, у нее болели ноги, но она все это сносила, поскольку так велел отец.

И теперь это розовое одеялко на кровати! Едва она вернулась домой и узрела его, ее чуть не стошнило. Пришлось промолчать, поскольку Сонгён маячила поблизости, но становилось просто жутко при мысли, что отныне придется спать под розовым одеялком. И вдобавок эти занавесочки, в розово-желто-зеленую клеточку... Едва она вошла в комнату, как ну прямо в животе закрутило от этой идиотской расцветки! Розовый — это цвет, который она ненавидит больше всего на свете. Но она не стала жаловаться по этому поводу.

Вела себя тише воды, ниже травы, потому что так велел папа, но взрослые никогда к тебе не прислушиваются. Просто заставляют тебя делать то, чего от тебя хотят. Если пытаешься выразить свое мнение, быстренько тебя затыкают, называют наглой и своевольной. Еще живя с собственными родителями, Хаён быстро поняла, что лучше всего вообще помалкивать в тряпочку. И сейчас все мало чем отличалось от житья с ее маманей. Та даже не позволяла называть себя мамой.

Даже когда Хаён как-то сломала руку и попала в больницу, мать не позволяла ей отвечать ни на какие вопросы отца или доктора. Стоило только открыть рот, как мать тяжело наваливалась ей на сломанную руку, которую якобы придерживала. Так сильно прижимала, что глаза у Хаён наполнялись слезами, и она тут же прикусывала язык. И мать начинала отвечать за нее. Вспоминать про мать было очень безрадостно. Хаён быстро помотала головой, чтобы выбросить оттуда все мысли о ней.

Да, ей не нравилось в этом доме, но все-таки здесь было в сто раз лучше, чем у бабушки в Ынам-дон.

С того самого момента, когда она утром открывала глаза, до самого вечера, когда укладывалась спать, бабушка постоянно пилила ее без всякой нужды, даже когда Хаён уже спала. Когда Хаён входила в дом в носках, ругалась, что она не отряхнула с них пыль; когда входила просто босиком, устраивала целое представление из-за оставленных на деревянном полу следов. Выговаривала за то, что ест слишком быстро, а потом за то, что долго рассусоливает над тарелкой.

Бабушку, судя по всему, абсолютно все в ней не устраивало — она постоянно таскалась за ней по пятам, шлепала ее и за что-нибудь бранила. Однажды Хаён решилась и, всхлипывая, попросила бабушку отправить ее жить к папе. Та лишь фыркнула на нее. Пригрозила палкой и велела

больше никогда не говорить таких вещей, потому что ему вообще плевать на Хаён, потому что теперь у него новая жена.

Хаён уже некоторое время знала, что бабушка все врет. Папа очень хотел жить с ней. Но бабушка не отпускала ее, поскольку они с дедушкой жили на те деньги, которые он им давал каждый месяц за хлопоты с Хаён — услышав однажды, как они ссорятся, Хаён наконец выяснила, почему бабушка не отпускает ее к отцу, пусть даже и терпеть ее не может.

Из-за всего этого Хаён становилось все сложнее и сложнее поговорить с папой, даже по телефону. Она волновалась, что больше никогда его не увидит. Если б не пожар, бабушка по-прежнему шлепала бы ее по попе и пилила.

...Самое лучшее в этом новом доме — это что в нем тихо. Когда она лежала в своей комнате совсем одна, то не слышала ни звука. Этого жуткого розового тоже не видно, если закрыть глаза. Сонгён постоянно торчит дома, но она редко выходит из кабинета. В результате у Хаён была бездна времени, чтобы все обдумать без посторонних.

Как и велел папа, придется слушаться эту Сонгён, чтобы жить с ним в одном доме. Он слишком уж многим ей обязан, делает все, что она ни предложит, без единого слова. Хаён злилась оттого, что, похоже, он иногда больше верил словам Сонгён, чем ей, но решила не обращать на это внимания.

Чем дальше, тем все меньше она видела в нем от того папы, которого знала, но это не страшно. Ее мечта осуществилась, она живет с ним в одном доме. Вот почему она без лишних слов делала все, что велит ей Сонгён. Даже смирилась с этой розовой расцветочкой.

И ей было бы вообще плевать на Сонгён, на что угодно плевать, если б та не стала лапать плюшевого медведя.

Когда Хаён вернулась из школы, вошла в свою комнату и обнаружила, что оставленный на кровати медведь куда-то девался, то просто не поверила собственным глазам. Обыскала всю комнату, но нигде его не было. Поняла, что Сонгён рылась в ее вещах в ее отсутствие. Сообразив, что это Сонгён и забрала плюшевого медведя, лихорадочно ссыпалась вниз по лестнице. Боялась, что та его просто выбросила. К ее большому облегчению, медведь остался в доме.

Но сейчас не время сидеть и распускать нюни. Вытерев кулачком слезы с лица, Хаён принялась собирать оставшиеся от медведя обрывки ткани и ватной набивки, раскиданные по полу. В углу одежного шкафа заметила пластиковый пакет, в котором недавно лежало одеяло. Подобрала его, смела в него все клочки, обрывки и раскрошившийся пенопласт. Вытащила

остатки ваты из живота у медведя, но того, что она искала, там не оказалось.

«Это точно должно быть там!» — в отчаянии подумала она.

Еще раз размяла в пальцах мягкую набивку, чувствуя все бóльшую и бóльшую тревогу. Не дай бог это потерять! Это ведь подарок от папы и единственная вещь, оставшаяся в память о маме.

Залезла в раскромсанную башку медведя и вывернула ее наизнанку. И, наконец, вот оно!

Хаён испустила вздох облегчения. Затолкала оставшийся мусор в пластиковый пакет, отставила его в сторонку. Заперла дверь, присела на кровать и посмотрела на то, что держала в руке. Маленькая коричневая бутылочка тускло блеснула в солнечном свете.

Хаён решила хорошенько ее спрятать — так, чтобы никто и пальцем до нее не дотронулся. Очень не хотелось, чтобы она вообще хоть кому-нибудь попала в руки. Огляделась по сторонам, и по лицу ее расплылась довольная улыбка.

Вот оно — место, в которое никто и не подумает сунуть свой нос...

16

Ночи опять становились все длиннее. Кошмары, которые Ли Бёндю вроде бы давным-давно изгнал из головы, вернулись опять.

Не надо было просить Сонгён принести яблоко! Не надо было нюхать его! Не надо было пробовать его! Стоило ему это сделать, как все стремительно понеслось под откос.

Едва он взял у нее яблоко и надкусил, как жажда, которую он долго держал под спудом, вновь моментально обуяла его. И как раз из-за этого яблока его так потрясла беседа с Сонгён. Попав ему в рот, оно словно распространилось по всему телу, вернув одно за другим воспоминания более чем десятилетней давности. Воспоминания о тех краях, куда ему уже больше никогда не вернуться — воспоминания, которые он вроде бы надежно запечатал, которые сглодал до костей в своих снах.

Лежа с закрытыми глазами на холодном деревянном полу камеры, Ли Бёндю вновь ощущал леденящую прохладу яблочного погреба.

Яблоки, некогда заполняющие сотни ящиков, за зиму в основном были проданы, а с первыми оттепелями оставшиеся уже начали подгнивать, испуская сладковатый душок. Солнце пекло все жарче, так что женщина и девочки тщательно отобрали испорченные яблоки, а он покидал их в ящик

и выбросил в реку позади сада.

Глядя, как яблоки уплывают вниз по реке или застревают возле берега, он тогда подумал: «Я теперь сам как испорченное яблоко». Никто еще ничего не заметил, но при звуках знакомой материнской песенки его разум стал мало-помалу подгнивать. Он задремал было, поеживаясь от смутной тревоги, но вдруг рывком проснулся, заслышав шум раскачивающихся на ветру ветвей.

«Осматривай их повнимательней. Всего одно гнилое яблоко может испортить все остальные в ящике».

Женщина отбраковывала даже те яблоки, которые выглядели нормально. Сам он ничего такого не видел, но ее было не обмануть. И как раз именно она первой заметила, что он уже не такой, как прежде.

«Что с тобой? Что-то случилось?»

Вел он себя точно так же, как и раньше, но она все равно заметила в нем перемены. Вроде не замыкался в себе, не страдал отсутствием аппетита, но она ощутила холодок в его сердце. Он не смог ничего сказать в ответ. Просто помотал головой, показывая, что ничего ровным счетом не случилось, но она улыбнулась, пытаясь скрыть жалость в глазах.

«Если надо, ты всегда можешь поговорить со мной».

Ему хотелось вытряхнуть это из себя. Хотелось выбить эту гнильцу из головы и жить так, будто и впрямь ничего не случилось, как он ей и сказал. Но дудки. Воспоминания о матери, которые уже распространились по всему телу, заразили его кровь, плоть и кости. Подумав, что быстро загнивает сам, он тоже бросился в текущую мимо воду вслед за яблоками.

Тот день запомнился Ли Бёндю пронизывающим до костей холодом, от которого надо было избавиться. Он ничем не отличался от порченных яблок, выброшенных в реку. Если б он остался, то лишь отравлял бы вонью гнили и зла тот воздух, которым дышали женщина и девочки.

Потому он так и не вернулся к ним.

* * *

...В тот день, когда Ли Бёндю хоронил свою мать, он думал о доме с садом. Вспоминал ту огромную, крепкую яблоню, яблоки с которой всегда ел. На ней наверняка еще оставались сочные плоды, способные утолить его жажду. Но в конце концов лишь помотал головой. Увлекаемый течением, он уже не мог повернуть назад. Окончательно оставив то место позади, уже не мог вернуться. И поэтому полностью выкинул сказочные годы в том яблочном саду из головы.

Если б он не встретился с Сонгён, то пошел бы на виселицу со всеми

этими воспоминаниями, надежно запертыми на замок.

В тюрьме Ли Бёндо заполнял медленно тянущиеся часы, вновь проигрывая у себя в голове многочисленные убийства, которые совершил. Было еще больше десятка случаев, о которых он полиции не рассказывал — те, что продолжал держать надежно упрятанными в памяти и о которых тайком вспоминал. Это, конечно, не сладкие пахучие яблоки, но ничего и не стояло у него на пути. Он думал, что это неплохо — ожидать смерти подобным образом.

Пока не повстречался с Сонгён.

* * *

В тот день Ли Бёндо пребывал не в лучшем расположении духа.

Он гнался за кошкой по пустой равнине, где не было видно ни домов, ни людей. Он не знал, откуда взялась эта кошка — кошка с черным мехом и желтыми глазами, которая путалась у него под ногами, вякая, словно младенец. Поначалу он просто продолжал идти, не обращая на нее внимания. Но она действовала ему на нервы, останавливаясь, когда они встречались взглядами, и тут же убегая, когда он пытался приблизиться к ней. Кошка остановилась, только когда он загнал ее в какой-то полуразвалившийся заброшенный дом.

Это был дом, в котором он похоронил свою мать. Кошка вдруг исчезла, и перед ним остались лишь густые заросли травы, не тронутые человеческими руками. Валялась здесь еще и ржавая лопата, словно готовая рассыпаться в пыль, а одна из стен рухнула, обнажив мерзкое загаженное нутро дома. Когда он наконец понял, куда попал, от кончиков пальцев на ногах по всему его телу пробежал леденящий озноб. Он в панике бросился к воротам. Но ворота, до которых, казалось, было рукой подать, с каждым его шагом оказывались все дальше и дальше, а ноги вязли в твердой земле, как в болоте. Чем больше он прилагал усилий, тем сильнее его засасывало куда-то вглубь.

Бешено размахивая руками, он пытался нащупать, за что ухватиться. Вцепившись в пучок травы, уже почти выбрался, но тут что-то крепко вцепилось ему в лодыжку. Опустив голову, он увидел костлявую руку, ухватившую его откуда-то снизу. Принялся изо всех сил лягаться, но без толку. Его тело начало проваливаться под землю, которая воронкой осыпалась по сторонам, словно в яме муравьиного льва. Он вновь попытался ухватиться за траву вокруг себя, но все во дворе начало проваливаться в зыбучую трясину вместе с ним.

«Мяу!»

Кошка, которая привела его сюда, теперь сидела на деревянном полу дома, наблюдая, как он медленно сползает под землю. Заорав на нее, Ли Бёндю проснулся.

Странный сон разбередил старые раны, оставив после себя чувство тревоги и смутной тоски. В тот день ему предстояло увидеться с адвокатом, которого ему предоставило государство — тот посещал его раз в месяц. Хотелось отменить встречу, но что-то подсказало ему, что не стоит. В конце концов он решил держать свои чувства в узде и направлялся уже к помещению для свиданий, где его поджидал защитник. Почти вошел в здание, в котором это помещение располагалось, когда вдруг увидел перед стеклянной дверью группу студентов. С несколько напряженными, но при этом и нетерпеливо-возбужденными лицами те друг за другом заходили внутрь, вешая на шеи временные пропуска.

Охранник заступил ему дорогу. Похоже, он хотел впустить Ли Бёндю в здание только после того, как пройдут все студенты. Так что тот послушно остановился, выжидая, но тут в самом хвосте очереди увидел какую-то женщину. При виде ее лица ему показалось, что в него ударила молния.

В этот момент все остальное для Ли Бёндю исчезло из виду. Он не видел ни здания тюрьмы, ни охранника. Были только эта женщина и он сам.

Такого просто не могло быть. Ли Бёндю не верил собственным глазам.

Женщина, которая словно вышла прямо из его воспоминаний — таких древних, что они окончательно усохли и едва не рассыпались в пыль, — понемногу продвигалась к нему. То, как она смахнула упавшую на лоб прядку волос, сразу кое-что ему напомнило.

У женщины в доме у сада тоже была привычка отбрасывать упавшие на лицо волосы тыльной стороной руки, когда она собирала яблоки, держа на плече корзину. Она могла смахнуть бисеринки пота со лба точно таким же движением, обернувшись, чтобы улыбнуться ему. Когда она улыбалась, нос у нее забавно сморщивался.

Та, что сейчас проходила мимо него, выглядела в точности как она — так, как она выглядела в тот раз, когда он впервые увидел ее в больнице. Ли Бёндю бросил быстрый взгляд на карточку временного пропуска, болтающуюся у знакомой незнакомки на шее.

ПОСЕТИТЕЛЬ: ЛИ СОНГЁН

Почему-то показалось, что виденный этой ночью сон был знаком свыше. Словно что-то привело его сюда, несмотря на плохое настроение, в котором он пребывал, — только чтобы он повстречал ее. Пройдя прямо перед ним, она направилась к группе студентов. И не заметила, что он за

ней внимательно наблюдает.

По пути к помещению, отведенному для встреч с заключенными, Ли Бёндю заговорил с охранником и сумел выудить у него кое-какую информацию касательно студентов и сопровождающей женщины, пришедших по каким-то делам в следственный изолятор. Все, что удалось выяснить, это что все они с отделения криминологии какого-то университета, но этого оказалось вполне достаточно.

Когда Ли Бёндю начал все чаще просыпаться от ночных кошмаров, то стал постоянно припоминать тот день. Не надо было переться на встречу с адвокатом в столь растрепанных чувствах! Тогда бы он так и не увидел ее. Он своими руками полностью разрушил свой покой.

Сотни, тысячи гнилых яблок уплыли из сада вниз по реке. Деревья, сгибаясь под тяжестью яблочных гроздьев, сломались или погибли, оставив после себя лишь иссохшие остовы. И все из-за его ненасытности. Его желание вернуться в тот дом у сада, еще хотя бы разок увидеть ту женщину, осквернило чистоту этого места. И ничего уже было не исправить.

Проснувшись, Ли Бёндю думал, уставившись в темноту горящими глазами: «Это как раз то, чего я хочу? Это как раз то, что я хочу выяснить — настолько хочу, что так ее жду? Сонгён — не та женщина из яблоневого сада». Он вновь и вновь напоминал себе об этом, но постоянно об этом забывал.

Беспокойство все росло. Ли Бёндю буквально чувствовал, как голос матери, напевающий знакомую песенку, подкрадывается все ближе и ближе, откуда-то очень издалека.

Когда он вновь приоткрыл дверь в эту потайную комнату воспоминаний, надежно упрятанный в ней рай перестал быть раем.

Прежде чем отправиться в больницу к Джесону, Сонгён позвонила своей подруге Хиджу, которая вот уже несколько лет возглавляла центр психологической помощи для детей и подростков.

Они с Хиджу подружились, еще когда обе изучали психологию в колледже. Потом на какое-то время потеряли друг друга из виду, когда Сонгён уехала за границу, чтобы продолжить образование, но в прошлом году Хиджу объявилась на ее свадьбе, немало ее удивив. После того как приглашенный фотограф закончил снимать Сонгён с подругами перед бракосочетанием, Хиджу сказала ей, когда они остались наедине: «Честно говоря, он мне не особо нравится».

У Хиджу вообще была привычка начинать все ее замечания с фразы «честно говоря». И слова эти полностью соответствовали действительности: она всегда честно и открыто высказывала то, что остальные не решились бы произнести вслух. Временами ее излишняя прямота вызывала у Сонгён чувство неловкости, а то и просто обижала, но благодаря честности Хиджу обе стали близкими подругами и делились между собой самыми сокровенными мыслями.

Хиджу сказала, что уже видела жениха, приветствующего гостей у входа в церемониальный зал.

«И что же тебе в нем так не понравилось?»

«То, что он твой муж».

Размышления Сонгён прервал кто-то из персонала клиники, ответивший на звонок и соединивший Сонгён с Хиджу.

— Одиннадцатилетняя девчонка? И ты ее теперь воспитываешь? — переспросила Хиджу, голос которой удивленно поднялся, когда она выслушала подругу. Не сказать чтобы это стало неожиданностью, но ее интонация заставила Сонгён несколько напрячься, прежде чем она даже успела дойти до того вопроса, по которому хотела проконсультироваться. Хиджу, должно быть, это почувствовала, поскольку не стала развивать эту тему.

— Ну ладно, поняла твою ситуацию, — сказала она. — А теперь давай выкладывай, зачем звонишь.

И вот теперь, когда Хиджу была готова внимательно слушать, Сонгён даже толком не знала, с чего начать.

Секунду поразмыслив, Сонгён принялась рассказывать про день, когда

у них в доме появилась Хаён. Хиджу слушала, не перебивая. Но, услышав историю с плюшевым медведем, моментально вклинилась:

— Эй, секундочку... Так, говоришь, ты забрала ее плюшевого медведя, притом что она все потеряла при пожаре?

— Ты вообще о чем? Я его просто выстирала.

— Как ты можешь так говорить, когда изучала психологию?

У Сонгён ничего не нашлось сказать в ответ.

— Ты хоть прикинула, что этот медведь для нее значит? Надо было бы тебе догадаться, раз уж она как-то ухитрилась спасти его во всей этой неразберихе при пожаре! А что, если на нем оставался запах ее матери? Это означает, что ты просто стерла ее воспоминания о маме, — сказала Хиджу.

Сонгён наконец все поняла.

У нее самой был похожий опыт.

После похорон матери она вернулась домой и открыла ее гардероб. Зашла внутрь,хватила в охапку висящие на вешалках платья и уткнулась в них носом. Не почувствовала и следа знакомого запаха, но все равно зарылась лицом в платья еще глубже, надеясь, что хоть немножко где-то осталось. Когда отец нашел ее после нескольких часов поисков, успев перепугаться до смерти, она сунула ему мамин шарф со словами: «Папа, он пахнет мамой!»

Сонгён уже не помнила, какой у него был вид в этот момент. Помнила лишь свое смятение, когда он прижал ее к груди и принялся всхлипывать, прежде чем она успела увидеть его лицо. В памяти осталось лишь, как у него тряслись плечи.

Вскоре после этого отец заявил, что нужно собрать все мамины вещи и сжечь их, и Сонгён некоторое время с ним не разговаривала. Ее разозлило, что он так быстро хочет стереть воспоминания о маме из памяти.

Она попыталась поставить себя на место Хаён.

Женщина, которая отодвинула мать Хаён в сторону и завладела ее отцом, теперь пытается сделать так, чтобы от ее матери и следа не осталось. Вполне естественно, что ребенок воспротивился этому. И вдобавок эта женщина отвесила ей пощечину. Неудивительно, что девочка так взбеленилась.

Сонгён попробовала припомнить, что произошло утром за завтраком.

Хаён даже не смотрела на Сонгён, не отвечала и на вопросы Джесона. Заявила, что не хочет завтракать, но отец все равно заставил дочь сидеть за столом, хотя есть ее никто не принуждал. Так что она просто вертела стоящую перед ней чашку с рисом. Отец сурово посматривал на нее, но она

и глазом не вела. Над столом висела гнетущая тишина...

— Ты меня слушаешь? — прорезался в трубке голос Хиджу, вламываясь в мысли Сонгён.

— А? Ну да... Конечно, продолжай, — попросила Сонгён.

— Скажу тебе всего одну вещь. В одиннадцать лет она уже не такая маленькая, как ты думаешь. Ребенок в ее годы способен в момент оценить ситуацию, в которой оказался, и с ходу понять, кто держит бразды правления в доме. Точно так же, как ты наблюдаешь за ней, она тоже наблюдает за тобой, оценивает тебя.

Сонгён о таком даже не задумывалась. Насколько ребенок отдалился от нее из-за вчерашнего происшествия?

— Хотя особо не переживай. Сразу этого не произойдет, но когда она вновь обретет эмоциональную стабильность и почувствует, что может тебе доверять, то забудет о том, что произошло вчера, — заверила Хиджу.

Еще раз прокручивая в голове вчерашние события, Сонгён слышала, как Хиджу разговаривает с кем-то на другом конце линии.

— Извини, но мне надо бежать на следующий сеанс, — бросила ей Хиджу.

— Ну да, конечно. Спасибо тебе.

— Звони, если будут еще какие-то вопросы и проблемы.

Во время этого короткого разговора Хиджу пролила свет на очень важный момент, который Сонгён совершенно упустила из виду. Она судила о ситуации исключительно со своей собственной точки зрения. И напрочь проглядела тот факт, что старый грязный плюшевый медведь может что-то значить для ребенка. Она выстирала его, удалив единственные оставшиеся следы от матери ребенка стиральным порошком и щеткой. И только теперь наконец увидела, какую огромную ошибку совершила, — и поняла причину гнева, обуявшего Хаён вчерашним вечером.

Сонгён придется получше узнать Хаён, чтобы не наделать еще более серьезных ошибок. У нее накопилось немало вопросов к девочке, которые помогут лучше понять ее.

Сонгён поспешно вышла из дома.

* * *

— Почему это тебе ни с того ни с сего вдруг понадобилось это знать? — ответил Джесон вдруг напрягшимся голосом, когда она спросила его, что произошло между его бывшей женой и Хаён. Залпом допил остатки кофе, который налил себе из стоящего в ординаторской автомата, и

неистово раздавил бумажный стаканчик в кулаке.

Появление Сонгён в больнице без звонка его явно озадачило, но когда она объявила, что хочет поговорить с ним про Хаён, Джесон охотно уделил ей некоторое время. Он только что закончил прием и сказал, что можно было бы сходить пообедать вместе. Ему, похоже, тоже хотелось поговорить о дочери. Однако его настроение сразу изменилось, едва она завела речь о его бывшей жене. Сонгён смутно знала, что между ним и ею что-то произошло, и это, похоже, глубоко ранило как его, так и Хаён.

— По-моему, ты и так уже все поняла из того, что я тебе уже рассказывал, — буркнул он.

— Чтобы я могла понять, что сейчас чувствует Хаён, мне нужно знать, какие взаимоотношения у нее были с матерью и что между ними произошло, — не отставала Сонгён.

Отвернувшись к окну, несколько секунд он молча разглядывал небо. А потом наконец начал рассказывать, слегка охрипшим голосом, про то, как у них все происходило:

— Она вечно жаждала большего... Когда я давал ей одну вещь, ей хотелось две; когда получала две, требовала три, требовала десять... Желала, чтобы я всегда был под боком. Ее не волновало ничего, кроме меня, и она хотела, чтобы и меня тоже не волновало ничего, кроме нее. Просто с ума сходила, если мое внимание было сосредоточено не на ней. Это была не любовь, это была одержимость! Я чувствовал себя так, будто меня душат. Чем сильнее она цеплялась за меня, тем дальше мне хотелось убежать. После развода я подумал, что наконец-то свободен, но все стало только хуже...

Когда они начали отдаляться друг от друга, его бывшая стала использовать ребенка, чтобы держать его поближе к себе, тогда как его самого она интересовала все меньше и меньше. Она поняла, что если речь идет о Хаён, то он моментально ответит, в то время как прочие звонки и эсэмэски напрочь игнорирует. И стала постоянно сообщать Джесону, что Хаён заболела или поранилась, потому что знала, что он обязательно откликнется.

— Ты... ты когда-нибудь слышала про ДСМ?

Сонгён кивнула. Этот термин уже приходил ей на ум, когда она слышала историю Хаён.

— Поначалу это не приходило мне в голову. А когда я осознал, что Хаён слишком уж часто ранится или попадает в больницу, то задал ей этот вопрос. Она не знала, почему так получается. Естественно, не знала — ну как она могла даже просто представить, что ее мать намеренно причиняет

ей вред? Но со временем Хаён и впрямь начала это смутно подозревать, когда частенько вдруг плохо чувствовала себя, съев что-нибудь, что дала ей мать, или попадая во всякие происшествия, когда та была рядом, — продолжал Джесон.

ДСМ расшифровывается как «делегированный синдром Мюнхгаузена» — расстройство, при котором кто-то обижает или ранит своего ребенка или домашнее животное, только чтобы привлечь к себе внимание. Мать Хаён подвергала собственного ребенка опасности, чтобы добиться внимания бывшего мужа.

Сонгён проявляла интерес к этому вопросу, еще когда только изучала психологию, и до сих пор хранила кое-какие материалы по этой теме.

Собственно синдром Мюнхгаузена — это психическое расстройство, при котором люди симулируют какое-то заболевание ради привлечения внимания. Лгут, будто чем-то больны, чтобы получить сочувствие и заботу, а когда внимание иссякает, якобы заболевают чем-то другим.

— Так было и в тот день, когда погибла твоя жена? — спросила Сонгён.

— Думаю, что да. Я сказал ей, что не приеду, даже когда она сказала мне, что Хаён получила травму. Меня уже так это достало... Она, должно быть, впала в глубокое отчаяние, осознав, что использовать Хаён теперь уже без толку.

По его словам, в тот же день, когда его бывшая жена покончила с собой, Хаён сломала ногу. Из того, что говорила Хаён — что она боится свою мать, которая регулярно является ей во сне, — Сонгён поняла, что девочке по-прежнему приходится тяжело из-за этих воспоминаний. Все жертвы ДСМ помещаются на лечение теми, кого они любят и на кого полностью полагаются. Хаён, по всей видимости, так и не сумела понять, какая из двух сторон ее матери была настоящей.

— После смерти ее матери я всего пару раз заезжал проведать Хаён, — сказал Джесон.

Бабушка с дедушкой Хаён со стороны матери, присматривавшие за ней, окончательно отбили у него охоту ее навещать. Они решили, что лучше уж им самим воспитывать ее, чем отправлять в новую семью, когда он женился вторично. Тогда, еще только начиная новую жизнь с новой женой, он счел их доводы вполне разумными.

Но каково при этом пришлось самой Хаён? Она уже и так испытала сильный шок после смерти матери — это решение взрослых могло оказаться для нее еще одним ударом. Похоже, она решила, что отец просто бросил ее на произвол судьбы — некоторое время она даже отказывалась с ним видеться.

Сонгён хотелось заметить, что выбор Джесона был довольно эгоистичным, но она не смогла высказать это вслух. Нечего и говорить — она ведь и сама была частью причины, по которой он принял такое решение. Если бы в дом бабушки и дедушки Хаён не пришла беда, жизнь Сонгён так и не пересеклась бы с жизнью ребенка.

За рулем по дороге из больницы Сонгён не переставала думать о Хаён и ее матери.

Девочка потеряла маму в десятилетнем возрасте. И хотя та обижала и ранила ее, мать — безусловная фигура для любого ребенка. Могла ли она уже знать это в свои десять лет? Могла ли хоть как-то понимать взрослого человека, который приносит в жертву собственное дитя, потому что жаждет чьей-то любви и внимания? Хаён скучала по матери, которая именно так и поступала. Впала в ярость, визжа, как резаная, когда едва уловимый запах матери удалили с плюшевой игрушки.

Сонгён вздохнула, припомнив этого медведя. Вновь осознала, как своевольно себя повела. Даже и не подумала подождать, пока Хаён вернется из школы, чтобы ее спросить. И дело не только в плюшевом медведе — она еще и украсила комнату Хаён, купила ей одежду, основываясь на своих собственных вкусах и суждениях. Сама выбрала занавески и одеяло, даже не зная, какую расцветку предпочитает Хаён. Вообще-то она все-таки несколько раз интересовалась мнением девочки при покупке одежды, но принимала решения, даже не выслушав ее ответы. Оглядываясь назад на несколько последних дней, она видела, что кормила, одевала и укладывала девочку спать так, как хотелось ей самой, а не ребенку.

Сонгён осознала, что не оставила ей никакой свободы выбора.

Припомнились слова Хиджу, что точно так же, как она наблюдает за девочкой, та тоже наблюдает за ней, оценивает ее. Сонгён не хотелось даже просто представить, как она может выглядеть в глазах Хаён, какой та ее видит. Бессердечной и безразличной? Жесткой и бесцеремонной? Ей нужно признаться хотя бы самой себе, что она не готова воспитывать ребенка.

Сонгён вновь и вновь корила себя. Было грустно при мысли, что она успела очень сильно обидеть девочку, которую и без того немало обижали. Сердце, переполненное сожалением, налилось тяжестью.

Нельзя, чтобы все так и шло тем же чередом. Нужно попросить Хиджу помочь ей отыскать путь к ребенку. И надо сделать все, чтобы Хаён забыла про раны, нанесенные ей матерью. Это не случится в один день. Это потребует ежедневных усилий, мало-помалу.

В машине по дороге домой, полностью погруженная в мысли о девочке, Сонгён вдруг поймала себя на том, что смотрит прямо на дорожный указатель, показывающий дорогу к новой школе Хаён. Это было почти что знаком свыше.

Повинуясь какому-то непонятному побуждению, она решительно повернула руль и покатила к школе.

Глянув на часы, Сонгён поняла, что уроки скоро закончатся, и решила немного подождать.

Наконец прозвенел звонок, и вскоре на школьный двор с гомоном высыпала гурьба ребятишек. Один за другим они выбегали за ворота. Сонгён, которая сидела в машине, вышла, чтобы случайно не пропустить Хаён.

Глядя на выскальзывающих в переулочек детей, она во все глаза высматривала ее. Но зря волновалась — через несколько минут та появилась в поле зрения. Девчонка примерно того же возраста что-то без умолку ей рассказывала, а Хаён тихо шла рядом и только слушала.

— Хаён! — окликнула ее Сонгён, помахав рукой. Та подняла голову, огляделась и наконец заметила ее. Глаза ее удивленно распахнулись. Сонгён поспешила к ней.

— А это кто? Подружка? — спросила Сонгён.

— Мы сидим за одной партой. Меня зовут Чёй Каюн, — ответила вторая девочка.

— О, рада познакомиться! И так, вы, девчонки, сидите вместе... У Хаён тут пока не так много друзей, так что помоги ей еще с кем-нибудь подружиться, — сказала Сонгён.

— Конечно! Все мои друзья — теперь друзья Хаён. Это ваша машина? Ого, круто!

Хотя Каюн продолжала болтать без умолку, Хаён хранила молчание, не обращая внимания на Сонгён. Та быстро забрала у нее школьный ранец.

— Ты, должно быть, проголодалась. Можем, заскочим куда-нибудь перекусить? Не хочешь к нам присоединиться? — произнесла она, поворачиваясь к Каюн.

— Ой, правда? — обрадовалась та.

— Иди лучше домой, — буркнула ей Хаён.

— Но...

— Я сейчас тоже просто домой. Хорошо?

Каюн недоуменно уставилась на Хаён, которая вдруг столь резко рывкнула на нее, и повернулась, взглянув на Сонгён.

— Ой, прости... Похоже, Хаён хочет поскорей попасть домой. Обязательно угощу тебя в следующий раз, Каюн. А сейчас, увы, до свидания, — сказала Сонгён.

— Ладно, до свидания. Пока, Хаён! — откликнулась Каюн и направилась к дороге.

Славная девчушка, подумала Сонгён. С такими светлыми и жизнерадостными детишками и остальные чувствуют себя так же. Она почувствовала облегчение при мысли, что у Хаён такая соседка по парте.

Сделав вид, будто ничего не произошло, Сонгён похлопала Хаён по плечу.

— Ну что, тогда поехали?

Та ничего не сказала в ответ.

Сонгён направилась было к машине, но Хаён не двинулась с места.

Сонгён обернулась к ней, а Хаён, крепко сжав губы, шагнула к ней и протянула руку.

— Отдайте мне мой ранец, — потребовала она.

— Давай поедem домой вместе.

— Нет. Я хочу пойти пешком.

— Хаён, ну пожалуйста!

Даже не глядя на Сонгён, Хаён ухватила за ранец. Почти сдавшись, но продолжая удерживать его, Сонгён произнесла:

— Прежде чем я отдам тебе ранец, мне нужно тебе кое-что сказать.

Хаён ничего не ответила, и Сонгён продолжила:

— Прости за вчерашнее. Это я во всем виновата. Мне надо было сначала спросить у тебя, но я сделала так, как мне самой больше нравится. Прости. Я не знала, как важен для тебя этот медведь.

Хаён не произнесла ни слова.

— И прости, что я разозлилась на тебя и шлепнула тебя по щеке. Это больше никогда не повторится, — добавила Сонгён.

Хаён по-прежнему не смотрела на нее, но Сонгён чувствовала, что она прислушивается к ее словам. Сонгён наклонилась и заглянула Хаён в глаза.

— Я ничего не знаю. Вокруг меня одни взрослые, и я понятия не имею, как подружиться с такой маленькой девочкой, как ты, — произнесла она, добавив, когда Хаён ничего не ответила: — А я хочу подружиться с тобой... Научишь меня как?

Хаён секунду колебалась, неотрывно глядя на нее, а потом едва заметно кивнула.

— Спасибо, — сказала Сонгён.

— Гм... — начала Хаён, и Сонгён на миг сжалась. — Пить хочется. Можно водички? — закончила она.

Сонгён почувствовала разочарование, хотя испытала и некоторое облегчение. Впервые Хаён у нее что-то попросила. Сонгён огляделась по

сторонам. Рядом обнаружился небольшой магазинчик.

— Посиди здесь, я скоро, — распорядилась она, оставляя Хаён ждать в машине и устремляясь к магазину. Однако, когда она вернулась, ребенка на месте не было. Сонгён обеспокоенно огляделась по сторонам и обнаружила Хаён возле соседней витрины — та, прижавшись носом к стеклу, упоенно разглядывала что-то внутри.

Сонгён подошла к ней, отдала бутылку воды и сама заглянула сквозь стекло.

Тем, от чего Хаён не могла отвести горящих глаз, был щенок шитцу^[16].

Зоомагазин по соседству со школой наверняка приманивал многих детишек по пути домой — к стеклу рядом с Хаён прилипли еще несколько ребят, глядя на щенков и махая им.

— Правда, хорошие щенки? — произнесла Хаён, поглазев на них еще немного.

— А что? Хочешь такого? — спросила Сонгён, и Хаён тут же быстро повернулась и посмотрела на нее. Ей и не надо было ничего отвечать — все было и так ясно по глазам. Сонгён никогда не подумывала обзавестись собакой, но и не имела ничего против, коли это поможет Хаён обустроиться на новом месте и обрести душевное спокойствие.

Посмотрев на нее в ответ, Сонгён молча протянула руку. Девочка охотно ухватилась за нее. Ее мягкая маленькая ручка идеально легла ей в ладонь. От этого теплого прикосновения нахлынувшие чувства затопили ее с головой. Целая неделя ушла, пока ребенок позволил взять себя за руку!

Увлекая за собой Хаён, Сонгён поспешила зайти внутрь.

* * *

Довольно кивнув, Хаён потрепала устроившегося у нее на руках щенка по голове. Тот, словно поняв, что сейчас его заберут к кому-то домой, лизнул ей руку в ответ и, повозившись, поудобней устроился в ее объятиях.

Расплатившись за щенка и все необходимые причиндалы, включая корзинку с подстилкой, мешок корма, собачий шампунь и игрушки, Сонгён едва сумела захватить в охапку все купленное добро.

Едва только Хаён с щенком на руках показалась в дверях магазина, как прилипшая к витрине детвора немедленно окружила ее. Все тянули руки, желая прикоснуться к щенку.

— Эй, не трогать, это мой! — прикрикнула на них Хаён.

Оставив сгорающих от зависти ребяташек позади, девочка пулей метнулась к машине. Загрузив в багажник покупки и усевшись за руль,

Сонгён обернулась и увидела, как Хаён, держа щенка на руках, скормливает ему какую-то только что купленную снедь.

— Не давай ему слишком много. Нам сказали — понемножку, помнишь? — сказала Сонгён.

Хаён, похоже, была слишком поглощена щенком, чтобы услышать ее слова. Сонгён секунду наблюдала за ее лицом, а потом завела машину. На душе стало гораздо легче — только из-за того, что Хаён наконец-то улыбалась.

Когда они приехали домой, между ними произошло небольшое препирательство касательно того, где поставить корзину. Хаён хотелось, чтобы щенок спал рядом с ее кроватью. Сонгён пыталась убедить ее, что лучше держать щенка на первом этаже, поскольку он совсем маленький и ему будет трудно передвигаться вверх-вниз по лестнице. При этих ее словах Хаён опять схватила щенка в охапку и заявила, что будет носить его на руках. Пришлось даже выговорить ей за попытку орудовать ложкой за столом со щенком на коленях, но она так и не опустила его на пол. Хотя с появлением собаки накал обстановки в доме заметно поутих. Хаён и словом не обмолвилась про плюшевого медведя, а после ужина осталась на некоторое время в гостиной, играя со щенком.

Чувствуя себя комфортно и расслабленно, Сонгён дожидалась возвращения Джесона. Ей не терпелось продемонстрировать ему, как все изменилось с утра, когда обстановка была крайне прохладной. Мысль о том, что все вроде понемногу налаживается и они обе начинают малопомалу притираться друг к другу, не испытывая больших неудобств, вызывала у нее заметное облегчение.

В конце концов Сонгён позвонила Джесону, поскольку тот все так и не показывался, хотя его рабочие часы уже давно закончились.

Супруг объявил ей, что у него встреча. Ровно через месяц ему предстояло представить результаты своего научного исследования на коллоквиуме, который должен был состояться в Вашингтоне, в Штатах. Похоже, он задерживался после работы, чтобы подготовиться к этому событию вместе с своими коллегами из лаборатории.

В итоге Джесон явился домой только около десяти вечера. Когда он вошел в дом, вид у него был измотанный. Сняв пиджак, он сунул его Сонгён, а по пути в ванную вдруг принялся чихать.

В этот момент по лестнице спустилась Хаён с щенком на руках.

— Смотри, пап, какой у меня песик! Его зовут... — начала было она, протягивая ему щенка. Но вместо того, чтобы подхватить его на руки, Джесон резко отпрянул, не переставая чихать.

— Убери его от меня! — воскликнул он.

— У тебя что, аллергия на собак? — поинтересовалась Сонгён.

— Почему вдруг щенок, ни стукало ни брякало... Могла бы сначала посоветоваться! — рывкнул он, агрессивней, чем требовалось. Хаён с щенком на руках, которой не терпелось похвастаться перед отцом, тоже отпрянула назад и понурилась.

— Немедленно верните его туда, где взяли! — приказал Джесон с раздраженным видом и пулей метнулся в ванную.

Итак, у Джесона аллергия на собак. Сонгён и представить себе не могла, что все так обернется. Не зная, что делать, она поглядела на Хаён. Лицо у той потемнело от расстройства и разочарования. Увидев это, Сонгён всерьез разозлилась на Джесона за устроенную выволочку и демонстративный уход.

Глаза у стоящей в молчании Хаён наполнялись слезами — вот-вот закапают на пол. Пытаясь сдержать слезы, она еще крепче прижала к себе маленького ши-тцу. Бросившись к ней, Сонгён обняла ее и погладила по голове.

— Не волнуйся. Я с ним еще поговорю, — пообещала она.

— Правда? — отозвалась Хаён, поднимая на нее взгляд. Потом заморгала, и слезы наконец заструились у нее по щекам. Сонгён поспешно их вытерла.

— Конечно. Положись на меня, — заверила она.

— А что, если он не разрешит?

Джесон бывал дома в основном по ночам и совсем недолго утром. Проводил со своей семьей всего по два-три часа в сутки, не считая того времени, когда все отправлялись спать. Если оставлять щенка на эти два-три часа в комнате Хаён, он не создаст серьезных проблем, даже если у Джесона аллергия на собак. Хотя прямо сейчас Сонгён не стала высказывать эту мысль вслух, не зная, получится ли его убедить.

Ожидая ответа, Хаён крепко вцепилась ей в руку. Опустив взгляд, Сонгён увидела выжидательно направленные на нее две пары глаз — девочки и щенка.

— Не спеши. Очень постараюсь его уговорить, — произнесла она.

Хаён немедленно расцвела. Кивнула, сверкнув глазами. А потом удалилась в свою комнату, унося щенка.

Сонгён приготовила для Джесона домашнюю одежду и в ожидании уселась на диван, не сводя глаз с двери ванной.

Когда там умолк шум воды, постучалась.

Дверь открылась, и она сунула в руки Джесону стопку чистой одежды.

Тот, словно и не помня о происшедшем, взял ее и попятился назад. Сонгён последовала за ним.

— Не хочешь пива? — спросила она.

— Нет, очень устал. Пожалуй, сразу завалюсь спать.

— Этот щенок... — начала Сонгён.

— Ты... — одновременно с ней произнес Джесон. — Ты вроде как понемногу сближаешься с Хаён, — закончил он. — Как это вышло?

— Все это благодаря щенку, которого ты находишь таким ужасным.

— Ненавижу собак.

— Разве ты не видишь, как она рада, с этим щенком на руках?

— То есть ты предлагаешь его оставить? — поинтересовался Джесон.

— Он уже здесь. Хаён впервые хоть что-то сама попросила. Знаешь, как ты ее разочаровал, так вот наорав на нее? Она весь вечер ждала, когда ты вернешься домой! — укоризненно произнесла Сонгён.

Джесон почесал в голове, осознав, что немного переборщил. Но явно не собирался идти на попятный в отношении щенка.

— У меня просто жуткая аллергия на собак. Постоянно чихаю, и все тело чешется, — объяснил он.

— Можно держать его наверху, пока ты дома.

— Все равно собачья шерсть будет по всему дому... — проворчал он. — Зачем ты вообще его ей купила?

Сонгён опять начала злиться. С раздраженным видом уставилась на него.

— Ну что? — не выдержав, спросил он.

— Поприимай какие-нибудь таблетки. Ты ведь вроде врач? Должно же быть какое-то средство от аллергии на собак.

Поняв, что она всерьез рассердилась, Джесон явно опешил. Растерянно уставился на нее удивленно расширившимися глазами.

— Милая... — проямлил он.

— Разве нельзя пожертвовать хоть чем-то ради собственной дочери? Откуда такой эгоизм? Разве обязательно так вот все перечеркивать и заодно портить всем настроение? — сказала Сонгён, едва удержавшись, чтобы не выпалить: «Это же твой ребенок!»

Как часто ее будет подмывать напомнить ему об этом в ближайшем будущем?

В последние дни ее начинало реально злить отношение Джесона к собственному ребенку, все более и более наплевательское. Неважно, насколько он вечно занят — нельзя проявлять такое безразличие, зная, в каком зыбком душевном состоянии находится Хаён. А вдобавок ко всему

теперь он еще и разорался, едва только ее увидев.

Сонгён вовремя проглотила слова «твой ребенок». В этом доме они должны оставаться под запретом. В тот момент, когда она приняла решение принять девочку, Хаён уже не его ребенок, а их общий.

При виде сердитого выражения ее лица Джесон, который продолжал что-то ворчать про себя, явно разволновался. Он с удрученным видом почесал в голове и, пытаясь что-то прочесть по ее лицу, лишь повторял:

— Ну ладно, ладно... Чего так раскипятилась-то?

— Я совершенно спокойна, — ледяным тоном отозвалась Сонгён. — Давай-ка спать.

Джесон двинулся было к ней, пытаясь хоть как-то умиловить, но она решительно вышла из ванной, оставив его там.

Сонгён уже подходила к кабинету, но в последний момент передумала и направилась вверх, в комнату Хаён. Увидела просачивающуюся из-под двери полоску света.

— Хаён! — тихонько позвала она, открыв дверь.

Девочка крепко спала. Щенок ползал рядом, тыкаясь носом ей в руки. Сонгён уложила его в корзинку, сунув туда какую-то собачью игрушку. Приглядевшись к лицу спящей Хаён, невольно поискала в нем сходство с Джесоном. Дочка не так уж много унаследовала от отца.

Если вспомнить, какими урывками она спала в свою самую первую ночь в доме, просыпаясь от собственного крика, то намечался явный прогресс. Со временем ее душевные раны окончательно затянутся, подумала Сонгён.

Осторожно погладив девочку по голове, она припомнила те долгие дни после гибели собственной матери.

Тогда Сонгён была заметно старше Хаён, но после этого страшного события все никак не могла прийти в себя. Она чувствовала, что смерть матери оставила у нее в сердце огромную глубокую яму. И, казалось, ничего не было способно заполнить ее. Будто бездонная тьма разлеглась прямо у нее под ногами, широко раскрыв свою пасть, и Сонгён хотелось броситься в нее вниз головой.

Благодаря отцу ей все-таки удалось выйти из этой тьмы туда, где наконец забрезжил свет. Зная, что девочка сейчас тоже стоит перед столь же глубокой и темной ямой, Сонгён испытала к ней острую жалость. Твердо решила: надо взять ее за руку и направить к свету, точно так же, как это сделал в свое время ее отец.

19

Открыв ворота и уже шагнув за них, Сонгён увидела стоящих за ними двух мужчин. Оба были ей незнакомы.

Тот, что стоял впереди, с короткой прической ежиком, был одет в черный деловой костюм с галстуком. На лбу у него собрались капли пота — день был жаркий. Второй, в клетчатой рубашке, державшийся позади, тоже весь вспотел — даже волосы у него влажно поблескивали — и постоянно утирал лицо платком.

— Здесь проживает господин Юн Джесон? — поинтересовался один из них.

— Да, но... — начала было Сонгён.

— Мы — следователи, и у нас есть несколько вопросов касательно пожара, имевшего место в доме господина Пака Ёнсук, — объяснил мужчина.

«Пак Ёнсук? Что еще за Пак Ёнсук?» — удивилась Сонгён, но при упоминании о пожаре тут же подумала про Хаён.

— Мужа сейчас нет дома.

— Вообще-то мы хотели бы пообщаться с его дочерью, Юн Хаён.

— О-о... ну ладно, заходите, — произнесла Сонгён после секундного колебания и вновь открыла ворота.

Хаён должна была скоро вернуться домой из школы. Но Сонгён просто не могла оставить этих людей, промокших от пота, стоять на палящем солнце еще хотя бы несколько минут.

— Не хотите чего-нибудь холодненького? — поинтересовалась она, когда они вошли в дверь. Мужчина в клетчатой рубашке чуть не подпрыгнул от радости и тут же попросил воды.

Усадив их на диван в гостиной, Сонгён быстро вышла в кухню и достала из холодильника кувшин холодной воды. Оба осушили свои стаканы залпом, словно весь день только и ждали этого момента. Мужчина в клетчатой рубашке, который буквально обливался пóтом, подхватил кувшин и сразу же налил себе еще. Вытерев пот с шеи тыльной стороной руки, в которой был по-прежнему зажат смятый платок, пробормотал в свое оправдание:

— Солнце так шпарит, что у меня мозг едва не сварился, пока я шел по вашему переулку!

Улыбнувшись и кивнув, Сонгён поднялась на ноги, включила в

гостиной кондиционер, сходила за вентилятором и тоже его включила.

— О, огромное спасибо! Так гораздо лучше. Эта жара реально достала, — поблагодарил мужчина.

В отличие от него второй — тот, что с короткой стрижкой, — потел не так сильно, и жара его, судя по всему, особо не беспокоила. Он раздраженно бросил взгляд на своего коллегу, который устроил целое представление, помахивая передом своей рубашки перед вентилятором, чтобы поскорей охладиться. Вытащив из кармана делового костюма визитную карточку, он вручил ее Сонгён.

СЕРЖАНТ Ю ДОНСИГ

Группа по расследованию пожаров, отдел судебной экспертизы
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СТОЛИЧНОЙ ПОЛИЦИИ

Увидев, как коллега передает Сонгён свою визитку, мужчина в клетчатой рубашке поспешно достал свою собственную карточку и тоже протянул ей. В отличие от сержанта Ю он оказался пожарным инспектором главного управления пожарной охраны.

Ли Санук

ПОЖАРНЫЙ ИНСПЕКТОР

Про полицейскую группу по расследованию пожаров при отделе судебной экспертизы Сонгён уже слышала, но с ее сотрудниками ей общаться еще не доводилось. Про то, что они работают в связке с пожарными инспекторами из управления пожарной охраны, она тоже не знала.

— Так вы, выходит, из разных структур? — спросила Сонгён.

Явно застигнутые врасплох подобным вопросом, оба усмехнулись и переглянулись. По их виду было совершенно ясно, что работают они на пару уже очень давно — обоим было явно комфортно друг с другом.

— А у вас острый глаз. Многие думают, что мы оба из пожарной охраны, — заметил Ли Санук, пожарный инспектор, явно отличавшийся большей словоохотливостью. — Определение причин пожара изначально относится к юрисдикции главного управления пожарной охраны, но борьба с пожарами часто требует вмешательства полиции — вот почему наши структуры давно уже тесно сотрудничают, — объяснил он.

— А-а, понятно, — протянула Сонгён, изучая лежащие на столе визитки.

Насколько ей было известно, задача пожарных инспекторов — осмотреть место пожара сразу после тушения и опросить свидетелей,

которые там отыщутся. Почему они пришли только сейчас, когда уже прошло столько времени?

В комнате заметно похолодало, и Сонгён невольно поежилась. Сержант Ю подхватил пульт и выключил кондиционер.

Сонгён подняла взгляд, и он, положив пульт на место, заверил ее, что одного вентилятора вполне достаточно.

Ей пришло в голову, что человек он наверняка очень наблюдательный, уделяющий большое внимание деталям. Ощущая на себе его пристальный взгляд, она даже немного занервничала. Заговорила, чтобы нарушить молчание:

— Насколько я знаю, расследование причин пожара производится непосредственно на месте происшествия. Есть какая-то особая причина, по которой вы хотите пообщаться с Хаён?

На сей раз ответил сержант Ю. Оба, похоже, давно уже четко распределили роли между собой.

— В тот день мы были очень заняты, и вдобавок ко всему девочку было трудно разговорить, наверняка из-за шока. Она оказалась единственным свидетелем, но нам так и не удалось услышать то, что она могла бы рассказать. Ситуацию мы как могли оценили, но кое о чем хотели бы переговорить с ней лично.

— Понятно, — сказала Сонгён, кивнув и глянув на часы.

Будем надеяться, она не слишком задержится, подумала она, без всяких причин вдруг ощутив беспокойство. Ну как тут не нервничать, когда два этих незнакомых человека сидят у нее в гостиной? Вдобавок сержант Ю просто не сводил глаз с ее лица. Инспектор Ли, видимо, ощутил, что она чувствует себя малость не в своей тарелке, и проговорил с улыбкой:

— Пожалуйста, не волнуйтесь насчет нас и спокойно занимайтесь своими делами. Мы просто здесь тихонечко посидим и подождем.

Сонгён, однако, не стала следовать его совету, поймав себя на том, что регулярно посматривает на двор за окном.

— Гм, простите, но... — начал сержант Ю.

Сонгён повернулась к нему лицом — он все столь же пристально смотрел на нее.

— Да? — отозвалась она, вопросительно склонив голову набок.

— Вы, случайно, не по нашей части работаете? Не имеете какого-то отношения к полиции?

— Что ж, можно сказать и так. Я занимаюсь криминальной психологией.

Выслушав ее ответ, он задумчиво похлопал себя по лбу, словно пытаюсь

что-то припомнить. Санук недоуменно перевел взгляд с сержанта Ю на Сонгён.

— Вы что, знакомы? — спросил он.

— А вам прошлой зимой не доводилось бывать на семинаре по криминальной психологии, в Национальной экспертно-криминалистической службе? — поинтересовался сержант Ю.

— Да, в январе, — подтвердила Сонгён.

Пять месяцев уже прошло, как ей выпал случай принять участие в научном семинаре по психологической экспертизе, организованном главной криминалистической структурой страны. Похоже, что этот сержант там тоже присутствовал и заметил ее.

— А я-то думаю, где же я мог вас видеть! — воскликнул он.

Сонгён наконец поняла, почему он так пристально ее рассматривал, что ей даже стало неудобно. Сержант Ю, теперь все вспомнив, отвел взгляд с таким видом, будто разрешил какую-то сложную проблему. Неловкости как не бывало, и она сразу почувствовала себя посвободней.

— А у вас тоже острый глаз. Как вы можете такое помнить? — удивилась Сонгён.

— Сержант Ю помнит всех красивых женщин, попавшихся ему на глаза, — весело объявил Санук, и коллега тут же пихнул его локтем.

— Простите, у этого малого совсем плохо с воспитанием... То, что вы сказали в тот день, основательно застряло у меня в памяти, вообще-то говоря, — произнес сержант.

— Да ну? А что я такого... — начала было Сонгён, которая не припоминала, чтобы вообще хоть раз открывала рот во время этого семинара. С трибуны не выступала, даже ни разу не поднялась со своего места, чтобы задать какой-нибудь вопрос докладчику... Странно, что теперь он вспоминает какие-то ее слова.

— Разве это не вы говорили, что душевные раны превращают человека в чудовище? — спросил сержант Ю.

Услышав то, что она и впрямь могла когда-то сказать, Сонгён окончательно растерялась. Разве она разговаривала с ним о чем-то в тот день?

Сержант Ю замахал руками.

— Непосредственно мне вы такого не говорили — я сидел в другом ряду, прямо перед вами. Я просто случайно услышал, как вы разговариваете с кем-то во время перерыва. Речь шла про Ю Ёнчхоль.

— О! — воскликнула она, сразу же живо припомнив тот день.

Коллега, которая пригласила Сонгён на семинар, представила ее

одному журналисту, штатному автору специализированного полицейского издания. Тот оказался отличным рассказчиком, поскольку зарабатывал себе на жизнь писательским ремеслом, и они проговорили весь перерыв, как будто сто лет друг друга знали.

Услышав, что Сонгён изучала криминальную психологию в Штатах, он буквально забросал ее множеством вопросов касательно профайлинга, а потом завел разговор о детстве Ю Ёнчхоля, про которого как раз писал статью. Выводы ее собеседника сводились к тому, что корни преступного поведения знаменитого серийного убийцы кроются в душевных травмах, нанесенных ему в ранние годы родителями.

Журналист цитировал Роберта Ресслера^[17], который утверждал, что никакие, даже самые драматические события в жизни, случившиеся в зрелом возрасте, не способны превратить нормального человека в убийцу; соглашался с Ресслером в том, что предрасположенность к серийным убийствам закладывается исключительно в раннем детстве.

Во время этого разговора, когда речь зашла о психологических травмах, Сонгён и произнесла эту фразу: «Душевные раны превращают человека в чудовище».

— Вы из тех людей, которых я боюсь больше всего, — заметила она.

— А? — не понял сержант Ю.

— У меня есть знакомая вроде вас. Она отлично помнит, во что я была одета, когда мы ходили пить кофе десять лет назад, о чем мы тогда говорили и даже какая музыка играла в кафе. Честно говоря, это немного пугает.

— Ха-ха, в точности как сержант Ю! Вечно помнит даже самую банальную чепуху, — встрял Санук.

Сержант Ю тоже рассмеялся и сказал, что это у него с детства.

К большому облегчению Сонгён, Хаён пришла домой вовремя.

При звуке открывающейся калитки Сонгён подняла взгляд и увидела, как девочка входит во двор.

— А вот и она, — сообщила Сонгён, и сержант Ю с Сануком тоже подняли головы, глядя, как она подходит к дому.

Девочка, открыв дверь и шагнув в гостиную, при виде обоих мужчин застыла на месте.

— Хаён, помнишь их? Они из пожарной инспекции. У них есть к тебе несколько вопросов, — сказала Сонгён.

Хаён нерешительно обвела их взглядом, а потом подошла и присела на диван там, где указала Сонгён. Она явно нервничала. Переживая за нее, Сонгён положила ей руку на плечо, чтобы немного успокоить.

— Не бойся, все хорошо. Просто расскажи им все, что помнишь, — шепнула она, но Хаён так и осталась настороже.

Сержант Ю пристально посмотрел на нее, а потом, когда Санук подтолкнул его локтем, начал задавать вопросы.

— Помнишь меня? — спросил он.

Хаён кивнула.

— Ты, должно быть, тогда была в шоке. Сейчас получше? — продолжал сержант.

— Да, — тихо ответила девочка.

— Можешь подробно рассказать, что происходило в ту ночь, когда начался пожар?

Выслушав вопрос, Хаён немного помедлила, а потом помотала головой.

— Я мало что помню, — ответила она.

Сержант Ю, пару секунд посмотрев ей прямо в глаза, мысленно представил себе внутреннее расположение дома и задал следующий вопрос:

— Где располагалась твоя комната?

— Прямо рядом с кухней. Если вылезти в окно, то сразу рядом будет лестница, ведущая на крышу, над вторым этажом. Вот туда я и забралась, когда начался пожар, — на крышу. А потом пожарный меня спас, — не спеша произнесла Хаён, словно помаленьку все припоминая в ходе ответа.

— Ты не видела кого-нибудь подозрительного, когда вылезала в окно?

Хаён помотала головой.

— Я ничего не видела из-за дыма.

— Ты спала одна?

— Да.

— А как ты поняла, что начался пожар?

— Я проснулась, потому что запершило в горле. Этот дым, он валил прямо в комнату. Вот почему я вылезла в окно.

— Что еще тебе запомнилось? — спросил сержант Ю, записывая слова Хаён и ожидая продолжения. Однако Хаён, похоже, было больше нечего сообщить — плотно закрыв рот, она посмотрела на обоих мужчин.

Увидев ее реакцию, сержант Ю, наверное, решил, что больше нажимать не стоит — закрыл блокнот, убрал его в карман и вынул еще одну визитную карточку.

— Вот тебе моя визитка. Позвонишь мне, если вдруг вспомнишь еще что-нибудь про ту ночь? — сказал он.

Хаён кивнула.

Поднявшись с дивана, сержант едва заметно кивнул Сануку и

распрощался.

А потом, уже надевая ботинки перед дверью, словно вдруг что-то неожиданно вспомнил — с потрясенным видом на некоторое время усталился себе на ноги. Резко обернулся к сидящей на диване Хаён.

Та быстро вскочила, едва только их взгляды встретились, и умчалась наверх.

Когда Сонгён вышла проводить их до калитки, сержант Ю попросил у нее номер телефона. Занес его вместе с именем в мобильник, сохранил, пообещав перезвонить.

— Хорошо, — кивнула она. — Ну что, тогда до свидания?

— Кстати, Хаён ложится спать в носках или без? — неожиданно спросил он.

— Что? — Сонгён, которая уже собиралась вернуться в дом, явно недоумевала, не понимая, с чего это вдруг возник подобный вопрос. — Точно не знаю, — наконец ответила она.

* * *

Даже после того, как калитка за ними закрылась, сержант Ю еще немного постоял, не двигаясь. Санук, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и прикрываясь рукой от солнца, набросился на него:

— Ну давай, пошли уже! Не то в момент изжаримся, если так и будем торчать здесь!

На лбу у него вновь собрались капли пота. Вытащив платок, он принялся им обмахиваться. Сержант, однако, так и не двинулся с места. Немного постоял, нахмурившись, после чего спросил:

— Не заметил в этой девчонке чего-нибудь странного?

— А? А что в ней такого? — удивился Санук.

— Она поняла, что начался пожар, когда дым повалил в комнату. Как обычно дети реагируют в таких случаях?

— Убегают подальше от дыма. Или прячутся где-нибудь.

Самое страшное, буквально выворачивающее душу на пожарище — это находить там тела детей. Стоит начаться пожару, как дети инстинктивно ищут, куда бы спрятаться. Очень часто залезают в какой-нибудь шкаф, словно играя в прятки с огнем — мол, он их там не найдет. Так что во многих случаях дети успевают просто задохнуться в дыму еще до того, как до них доберется пламя.

Сержант Ю еще раз представил себе планировку дома, в котором жила Хаён. То окно располагалось довольно далеко от входной двери, за углом дома. Если девчонка в полной темноте поняла, что разгорается пожар, то

как бы она себя повела? Вряд ли стала бы соваться внутрь дома, прямо в огонь — скорее всего, сразу же бросилась бы обратно в свою комнату.

— Сейчас, стоило тебе об этом спросить... — начал Санук, широко раскрыв глаза от удивления при той мысли, что только что пришла ему в голову, и посмотрев на сержанта. — В тот день, день пожара! Так что... так вот почему ты задал ей этот вопрос? — воскликнул он.

Глядя на него, сержант Ю кивнул. Он наконец-то получил подтверждение тому, что упорно копошилось где-то в самой глубине головы.

Девочка, которая заявила, что спала, когда начался пожар, а потом выбралась в окно, — так вот эта девочка в тот раз, когда они увидели ее возле скорой, была в носках и туфельках. И это означало, что либо она знала, что вот-вот начнется пожар, либо уже находилась снаружи.

«Почему же она соврала?» — напряженно размышлял сержант Ю, гадая, где могла прятаться девочка. И еще кое-что не давало ему покоя.

«Позвоните моему папе», — попросила она, вручая ему отцовскую визитку. Как она тогда ухитрилась сохранять такое спокойствие — и визитку положила в карман, и носки с туфельками надела, и даже плюшевого медведя не забыла с собой прихватить — и все это спасаясь от огня?

Пока он припоминал поведение девочки в то утро после пожара, в голове постепенно зарождалась крайне неприятная гипотеза. Нет, это полностью исключено, пытался убедить он себя, но эта мысль продолжала расти и расползаться в голове, словно побеги ядовитого плюща.

Сержант Ю помотал головой. Оставался еще отчет о вскрытии. Все уже было почти готово, но предположительная причина смерти потерпевших так пока и не получила окончательного подтверждения. Из лаборатории Национальной экспертно-криминалистической службы сообщили, что отправят отчет сразу же после анализа всех взятых проб. Когда он наконец увидит этот отчет, все должно более-менее проясниться. Пока не стоит спешить с выводами.

Часть III

Утром перед очередной встречей с Ли Бёндю Сонгён позвонила начальнику отдела особо тяжких преступлений отдела полиции района Канбук. Спросила его, не располагает ли он какими-нибудь сведениями о матери Ли Бёндю, которая числилась пропавшей без вести.

Полицейский начальник знал не более того, что слышал от самого Ли Бёндю. Сонгён сообщила ему, что существует вероятность того, что та убита своим собственным сыном, о чем он ей сам и поведал. Полицейский, не перебивая, выслушал ее рассказ и спросил, не удалось ли ей раскопать еще что-нибудь полезное. Похоже, его больше интересовали свидетельства о местонахождении других людей — тех, чьи тела могли до сих пор оставаться где-то в окрестностях дома Ли Бёндю, а не какое-то там старое и давно забытое дело.

Сонгён пообещала прощупать убийцу на этот счет в ходе предстоящей беседы.

— И... и хочу еще кое-что у вас спросить, — добавила она.

Имелась и еще одна причина для этого звонка. У нее возникли кое-какие предположения относительно того, почему она так важна для Ли Бёндю, и теперь хотелось понять, верна ли ее догадка.

— Когда вы обыскивали его дом, не находили ли там, случайно, фотографию его матери? Если да, то мне желательно на нее взглянуть, — сказала Сонгён.

Начальник ответил, что спрашивает у оперативников и обязательно ей позвонит, после чего повесил трубку.

Перезвонил он меньше чем через десять минут. Сообщил, что фотография матери Бёндю, которую следователь велел переснять, нашлась в уголовном деле. Предложил отправить ее прямо на телефон.

Сообщение пришло, когда Сонгён, забрав из кабинета сумку, уже собиралась выйти из дома. Раскрыв свой мобильник, она внимательно изучила фотографию, но на ней было совсем не то лицо, которое она себе представляла.

Она-то думала, что Ли Бёндю согласился на беседу с ней и счел ее какой-то особенной, потому что она похожа на его мать. Но та выглядела совсем иначе. Бёндю, похоже, пошел в нее. Насколько можно было судить даже по крошечному размытому снимку, его мать была довольно красивой женщиной.

Убрав телефон в сумку, Сонгён поспешила в тюрьму.

* * *

Взяв яблоко, которое передала ему Сонгён, Ли Бёндю, в отличие от прошлого раза, положил его на стол. Всего за несколько дней лицо его заметно осунулось. Опустившись на свой стул, Сонгён заметила, что он неотрывно смотрит на нее.

— Что-то случилось, я прав? — поинтересовался он.

— С чего вы решили?

— Вид у вас какой-то не такой, как в прошлый раз.

Ли Бёндю тщательно изучал ее взглядом. Его мягкий голос звучал нежно, как шепот любовника, отчего ситуация воспринималась совсем по-другому. Сонгён подивилась, откуда такие перемены.

— В самом деле? — спросила она, но он оставил этот вопрос без внимания, как она ни надеялась на обратное. Да, что-то и впрямь случилось: Хаён. Но это было не то, с чем стоило с ним делиться. Она постаралась привести мысли в порядок, готовясь к предстоящей беседе. Однако у него, похоже, не было намерения в этом ей поспособствовать.

— У вас... теперь тоже есть кошка, — проговорил он.

— Что? — переспросила Сонгён, посмотрев на него. Обаятельная улыбка Ли Бёндю успела смениться леденящей. Подхватив со стола яблоко, он зажал его в ладонях. Она невозмутимо открыла блокнот и включила диктофон.

— Давайте сегодня поговорим о ваших деяниях, хорошо? Мне любопытно, что вас так привлекало в жертвах, — начала Сонгён.

— А хотите знать, что такого привлекло меня в вас? — поинтересовался он вместо ответа, пытаясь опять перехватить инициативу и занять в разговоре доминирующую позицию.

Сонгён секунду поразмыслила, стоит ли воспользоваться ситуацией — этими опорными камешками, которые сегодня он сам подкладывал ей под ноги, словно помогая перебраться через ручей; потом все-таки решилась сделать первый шаг. Как говорил директор Хан, среди этих «камешков» мог найтись важный ключ к пониманию преступника.

— А что... сегодня вы наконец готовы мне сказать? — спросила она.

— Если вы этого от меня хотите, — ответил он.

Сонгён отложила ручку и выпрямилась.

— Я поступила бы нечестно, если б сказала, что это меня совершенно не интересует. Так что да, давайте выкладывайте, — произнесла она.

— Жил-был один обезьяний детеныш, который потерял свою мать, едва только появился на свет. Люди, которые выхаживали его, сделали ему

сразу двух матерей: одну из проволоки, с подвешенной к ней молочной бутылочкой, а вторую — из мягкого теплого меха, но без всяких бутылочек. И как по-вашему, какую из этих двух матерей выбрал этот обезьяний детеныш? — спросил Ли Бёндю.

Сонгён видела документальный фильм, на который он ссылался. Детеныш цеплялся за проволочную мать, только когда был голоден, а большую часть времени обнимал ту, что была сделана из меха.

— Это имеет какое-то отношение к моему вопросу? — поинтересовалась Сонгён.

Ли Бёндю неопределенно улыбнулся.

«Обезьяний детеныш? Что он мог иметь в виду?» — терялась в догадках Сонгён.

И тут в голове у нее вдруг что-то вспыхнуло. Уж не пытался ли он сказать, что его мать, которая постоянно его обижала, и была той «проволочной» фигурой, а Сонгён для него — «меховая»? Хотя нет, скорее всего, у него была еще одна мать... Кто-то, кто утешал его израненное, одинокое сердце.

Сонгён поняла, что ее гипотеза относительно того, почему Ли Бёндю выбрал ее, частично верна. Удивило, однако, что в его жизни присутствовала и другая мать.

— У вас была еще одна мать. Та, что относилась к вам с теплом и любовью, в отличие от вашей «проволочной» матери, — произнесла Сонгён.

Ли Бёндю посмотрел на нее, расплывшись в улыбке, но тут же помотал головой.

— Время вышло. Вы меня разочаровали.

— Вы хотите, чтобы я догадалась, хотя сами ничего мне не рассказываете.

Он никак не отреагировал.

— Мне это кажется странным. В последний раз вы так долго распинались про ту мать, которую искренне ненавидели... Неужели вам нечего сказать про ту, другую?

Ей хотелось спровоцировать его, но ничего не наводило на мысли о том, что его настроение может перемениться. Сонгён сделала осторожный шаг вперед, а он сделал вид, будто и не услышал ее вопроса. Похоже, не хотел говорить о той второй, скрытой от всех матери.

В итоге Сонгён решила зайти с другого конца — спросить его про самое первое убийство, убийство родной матери.

— Помните, о чем вы мне поведали в прошлый раз? Что вы убили свою

мать? — напомнила она.

— Разве я такое говорил?

Сегодня Ли Бёндо был совсем другим. Вроде бы только что вел себя честно и открыто, но теперь долго выбирал слова и уклонялся от вопросов. Старательно изображал безразличие, барабанил пальцами по столу, отвечал неохотно, как будто задался целью действовать ей на нервы.

— Почему бы сегодня вам не рассказать о себе? — произнес он.

Видимо, решил вообще ничем с ней не делиться. Сонгён припомнились слова директора Хана: нельзя позволить ему захватить контроль над ситуацией. Она выключила диктофон, захлопнула блокнот, убрала их в сумку. При столь резкой перемене ее настроения Ли Бёндо прищурился и стрельнул в нее недобрый взглядом.

— Похоже, вы сегодня не в настроении общаться. Вернусь через несколько дней, — сказала она.

Когда Сонгён поднялась со стула, Ли Бёндо наконец сдался.

— Ну ладно, ладно! Вам самой тоже небось мало радости так вот просто уходить, — произнес он с явно унылым видом и сразу замялся, не зная, как продолжить. Потом все-таки заговорил, запинаясь: — Поначалу и не понимаешь ничего... Все происходит мгновенно, будто молния ударила. Вроде делаешь все собственными руками, но... ты не более чем инструмент. Ну да, будто кто-то заставляет тебя это делать. Вот почему сначала ничего и не понимаешь. Не осознаешь, что ты на самом деле сделал.

Сонгён хранила молчание.

— Это был настоящий ад, пока моя мать была жива, но потом, когда ее не стало... Полагаю, это был уже ад, который я создал своими собственными руками, — добавил Ли Бёндо, и темная тень легла на его лицо.

Он совершил это деяние из глубокой ненависти, но испытывал к матери не одну лишь ненависть. Пусть даже она оставила глубокие следы насилия по всему его телу, он жаждал материнской любви. Могло ли такое привести к убийству?

По его словам, мать «ушла из дому», когда ему было семнадцать, хотя на самом деле он ее убил — это было его первое в жизни убийство. А потом, три года назад, в возрасте тридцати двух лет, вновь начал убивать людей. Сонгён терялась в догадках, что именно побудило его опять совершить преступление — после того, как на целых пятнадцать лет после убийства своей матери он вроде бы затих. Он лишал людей жизни без всяких сомнений и рефлексий. Сонгён решила спросить, как так вышло.

— Почему вы начали убивать людей по прошествии пятнадцати лет?

Что послужило побудительным мотивом?

— Вот вы говорите сейчас, что пятнадцать лет прошло, но для меня тогда время стояло на месте. В тот день, когда я убил маму... часы внутри меня остановились, — ответил он.

Опять покопавшись в памяти, Ли Бёндо начал описывать мир, в котором тогда жил. Когда не мог подобрать слова, чтобы описать, что чувствовал и видел, умолкал и надолго погружался в раздумья. Сонгён теперь ощутила, с какой доскональностью он желает поведать ей свою историю, каким точным хочет быть в формулировках.

— Время не всегда идет с одной скоростью. Годы могут пролетать, как один миг: минута может показаться месяцем, годом... Я переживал тот самый страшный в своей жизни момент безумно долгий промежуток времени, вновь и вновь... Тот дождливый день — тот день, когда окончательно сорвался, услышав вяканье этой кошки... тот момент, когда напевал своей матери, лежащей во дворе. Он бесконечное число раз повторялся у меня в голове... Я все еще зол на маму; мне все еще становится не по себе при шуме дождя. То, что произошло в тот день, то, что не заняло и часа, распалось на совсем крошечные кусочки и происходило у меня в голове вновь и вновь все эти пятнадцать лет — каждую секунду, каждую минуту, каждый час в году. Я переживал это снова и снова, и все же казалось, что все это происходит впервые, и я был так же зол, как если все и впрямь происходило впервые... Вам просто не представить, каково это.

Однако, слушая его, Сонгён размышляла о том, что с давних пор вновь и вновь повторялось в ее собственной голове — похороны ее матери.

Тот момент, когда она, держа в руках портрет мамы, стояла на холме, а ветер нес мимо лепестки отцветающих вишен, сам собой проигрывался у нее в памяти, как кадры замедленной съемки. Белые лепестки опадали тогда на землю в мгновение ока, но в голове у Сонгён они надолго зависали в воздухе и все никак не могли упасть.

После того как гроб опустили в могилу, провожающие мать в последний путь стали бросать на него белые хризантемы^[18], и в этот момент внезапный порыв ветра вдруг забросал всех белыми лепестками вишни, словно хлопьями снега. Она машинально подняла взгляд, проследив взглядом за лепестками, медленно опадающими на гроб. Ослепительно-белые лепестки плавали в воздухе и один за другим опускались на землю, и хотя все произошло за считанные мгновения, они показались Сонгён вечностью. За какие-то доли секунды она запомнила очертания, цвет и направление полета всех лепестков до единого — так,

как человек, попавший в автомобильную аварию, вновь переживает короткий миг происшествия, словно в замедленном видео, поскольку даже мельчайшие подробности накрепко засели в мозгу.

Когда бы Сонгён ни вспоминала этот момент, все живо ощущалось так, будто вновь происходило в действительности — ветер в тот день, одновременно пронизывающе-холодный и теплый; портрет, который она держала в руках; отцовские пальцы, крепко стиснувшие ей плечо....

Так что она вполне могла понять, хотя бы частично, те чувства, которые Ли Бёндю сейчас пытался выразить.

Он существовал, все так и переживая момент, когда убил свою мать, сцену за сценой.

— Единственное, что могло помочь мне стереть это воспоминание... это найти еще кого-нибудь, — произнес Ли Бёндю.

Сонгён уставилась на него, ощутив тревогу.

— Я только тогда смог забыть, когда опять убил кого-то своими собственными руками. Только тогда, когда увидел кровь у себя на руках, смог заснуть, не слыша эту песенку у себя в голове, — продолжал он.

Скинувший свою обычную маску надменного самодовольства и вновь похожий на семнадцатилетнего парнишку, Ли Бёндю задумчиво опустил взгляд на яблоко на столе. Посмотрев на него несколько секунд, что-то пробормотал про себя с покрасневшими глазами.

— Стали бы вы... обнимать обезьяньего детеныша, у которого руки по локоть в крови? Смогли бы? — спросил он.

Не в состоянии вымолвить ни слова, Сонгён посмотрела на него.

Глаза его стали наполняться слезами. Сонгён почувствовала, что эта внезапная смена эмоций выбила ее из колеи. Ли Бёндю потянулся было за яблоком, но тут же отдернул руку. Словно боялся даже дотронуться до него.

Помотал головой, будто пытаюсь вытряхнуть из нее свои мысли и чувства, а потом отъехал на стуле назад и встал.

И даже когда он уже вышел за дверь, Сонгён долго не могла двинуться с места.

Его последние слова продолжали звучать у нее в ушах. Обращался он не к ней, а к той пушистой меховой обезьяньей матери. Сонгён терялась в догадках, кого он под ней мог понимать — что это была за женщина, что даже безжалостный убийца, обернувшийся вдруг маленьким ребенком, хотел, чтобы она обняла его.

Яблоко, потерявшее весь свой лоск, осталось неприкаянно лежать на столе.

* * *

Вернувшись в свою камеру, Ли Бёндо открыл воду в умывальнике и неотрывно смотрел, как она утекает в слив. Воспоминание о яблоневом саде, которое внезапно поднялось из каких-то дальних глубин памяти, привело его в такое же замешательство, что и неожиданные слезы. После убийства матери очень хотелось вернуться туда. Не было дня, чтобы он не вспоминал тот сад. Времена года сменяли друг друга, а он день за днем размышлял о том, чем они сейчас могут заниматься в саду. Но нельзя было возвращаться. Он знал, что, если даже и вернется, все уже не будет так, как прежде. Так что решил напрочь обо всем этом забыть.

Тогда, стоило поднять взгляд в холодное осеннее небо, всякий раз казалось, будто не дождь, а яблочный сок брызгает ему прямо в рот. Когда это стало невыносимым, он купил себе яблоко. Но у того не было никакого вкуса. Купив еще несколько штук, он наконец осознал: он наказан. Он ушел в поисках ада; у него нет права вернуться.

Ли Бёндо закрыл кран и посмотрел в зеркало. И понял. Понял, почему так спешит.

Час близился.

Небо перед тайфуном всегда источает опасность. И неважно, каким чистым оно поначалу выглядит, это буквально висит в воздухе — напряжение такое тугое, что, кажется, лопнет в любую секунду. А потом вдруг налетает ветер, и начинают быстро собираться тучи.

Сердце забилося с переборами, словно почуяв приближение бури. Настроение то взлетало до небес, то опять падало. Он неустанно мерил шагами камеру — когда злой, когда нетерпеливый. Чувствовал, как тревога омывает его.

Час опять близился. Теперь было понятно, когда тот придет и как тот придет. Звон в ушах все нарастал, разделяясь на обрывки нот, которые, беспорядочно плавая в голове, начинали прицепляться друг к другу. Одни и те же такты вновь и вновь звучали в ушах, потом умолкали. Вскоре эта песенка должна была опять до основания встряхнуть его душу.

Надо успеть рассказать свою историю до конца, прежде чем он услышит эту мелодию целиком, прежде чем она начнет звучать слишком громко. Пора наконец заставить ее умолкнуть. Он сам связал себя по рукам и ногам — нельзя вечно жить пленником призрака собственной матери. Его жизнь больше ему не принадлежит. А на самом-то деле и не было у него никакой жизни. Если не выйдет освободиться от ее хватки таким способом, другого случая уже не представится.

Надо наконец собраться с духом и покончить со всем этим. Это решение пришло к нему, когда он увидел Сонгён. И тогда он понял.

Она единственная, кто сможет положить этому конец.

Школа, в которой теперь училась Хаён, располагалась между рекой и подножием небольшой сопки.

От школы на сопку поднималась тропинка, так что школьники целыми классами частенько ходили туда во время уроков природоведения и любили играть там. Приходили они в школу и возвращались домой обычно по другой тропе — той, что протянулась вдоль реки.

Учащиеся класса «4–3» начали собирать свои ранцы, не успев еще прозвенеть последний за день звонок. Учительница, еще раз напомнившая им об осторожности по дороге домой, даже не заметила, как некоторые мальчишки, выбегая из класса, обмениваются многозначительными взглядами.

Каюн, уже приготовившись последовать за ними, обернулась на Хаён, которая смотрела в окно, даже не собрав свои школьные принадлежности, и похлопала ее по плечу.

Когда Хаён повернула голову, Каюн прошептала, чтобы никто поблизости не услышал:

— Хочешь пойти с нами?

— Куда?

— Мы тут с кое-какими ребятами собираемся на сопку за школой.

Хаён непонимающе уставилась на нее, и Каюн раздраженно ткнула пальцем в окно.

— Понимаешь, какая-то кошка повадилась таскать наших птичек. Мы хотим поймать воровку, — объяснила она.

Глаза у Хаён сверкнули.

— Где? — только и спросила она.

— Да говорю тебе, на сопке за школой! Кан с Сиёном говорят, что знают, где она обычно бывает, — ответила Каюн.

С деланной неохотой Хаён последовала за ней.

Тропка, поднимающаяся на вершину сопки, начиналась возле хозяйственного сарая за зданием школы. Там протянулась длинная ограда из металлической сетки, с калиткой, через которую и проходила тропа.

Когда Хаён и Каюн вышли из школы и свернули на зады, то увидели своих одноклассников, столпившихся возле сетчатой двери. Кто-то пинал ограду, сокрушаясь, что затея обламывается с самого начала.

— В чем дело? Мы что, никуда не идем? — поинтересовалась Каюн. Вместо ответа мальчишки показали на дверь. На ней висел замок, накрепко

запертый на ключ.

— Так что, никак? — спросила Каюн, явно расстроенная тем, что поход отменяется, когда она с таким трудом уговорила Хаён к ним присоединиться.

— А больше туда никак не попасть? — спросила Хаён у ребят. Те лишь переглянулись и покачали головами, сожалея о крушении своих планов и не зная, что делать дальше.

И это все? Если б кто-то сейчас велел им идти домой, то они наверняка и пошли бы, недовольно бурча!

Хаён нацелилась взглядом на гору, а потом внимательно осмотрела проволочную ограду.

— Смотрите! — воскликнула она, указывая куда-то, и все головы повернулись в ту же сторону. Ее палец нацеливался на небольшую ложбинку в склоне за оградой.

— Ну и что? — равнодушно спросил кто-то.

— Насколько я понимаю, когда идет дождь, там стекает вода, точно? — спросила Хаён вместо ответа.

Мальчики, вцепившись в сетку ограды, присмотрелись туда, куда она указывала. На первый взгляд — обычное углубление в склоне, но при внимательном рассмотрении оказалось, что Хаён вроде прав: это подтверждали обнажившиеся корни деревьев и нанесенные водой кучи листьев.

— Ура! — воскликнул Кан, догадавшись быстрее остальных.

Пока остальные ребята стояли, недоуменно переглядываясь, он сбросил свой рюкзачок и решительно двинулся туда, где змеящаяся по склону промоина, которую обнаружила Хаён, пересекалась с оградой. Дождевая вода и впрямь основательно размывала землю под ней.

— Дайте какую-нибудь палку! — крикнул Кан, и остальные быстро огляделись по сторонам. Сиён подобрал несколько веток и раздал остальным. Кан с Сиёном принялись ворошить ими под оградой. На другой ее стороне оказались только листья, так что достаточно широкий лаз удалось освободить очень быстро и без всяких усилий.

Кан и полез туда первым, головой вперед. Если он, самый крупный из них, пролезет, то и у остальных не будет с этим проблем. На секунду его плечи застряли, зацепившись за край сетки, но он как-то извернулся и без труда оказался на противоположной стороне.

Глядя, как он встает за сеткой, остальные разразились радостными воплями.

— А ты молодчина! Как ты узнала? — удивленно спросил Кан у Хаён,

но та лишь молча наблюдала, как другие следуют его примеру.

— Ну давай, — сказала Каюн, когда все мальчики пробрались сквозь лаз. Потянула Хаён за руку к лазу. — Твоя очередь.

— Погодите, мой рюкзак! — крикнул Кан, когда Хаён уже выбралась из-под сетки.

Каюн подобрала брошенный рюкзак, пропихнула его в дыру и сама полезла следом.

Пробравшись в полном составе за ограду, все стали взбираться вверх по склону сопки, хватаясь за ветки и пучки травы. Поднявшись повыше, они наконец выбрались к тропе, что оказалось несложно.

— А куда мы вообще идем? — поинтересовалась Каюн, отдуваясь после подъема.

Кан и Сиён, у которых и возник весь этот план, с ухмылкой переглянулись.

— Скоро увидишь, — последовал ответ.

Не присоединяясь к разговору, Хаён тихонько шла за остальными, стараясь не отставать.

Место, куда вели их Кан и Сиён, располагалось на противоположной стороне от вершины.

Высота сопки составляла сто двадцать пять метров над уровнем моря. Это была совсем маленькая горюшка, на которую местные без труда поднимались и утром, и вечером; были здесь маленький родничок с минеральной водой, небольшая беседка и, на самом верху, всякие ступеньки и столики для прыжковых тренировок. Люди, которые жили у подножия сопки, разбили на склоне небольшой огород, где выращивали на зиму салат, перцы, шпинат и прочую зелень.

Там, где часто бывали люди, начали накапливаться горы мусора. Поначалу это были лишь обломки теплиц и деревянные палки, которые использовали огородники; позже к ним добавились и пищевые отбросы. Летом здесь бросали арбузные корки и сваливали испорченные запасы кимчи^[19], вызывая вонь и полчища мух.

Бездомные кошки, живущие на природе, стаями рыскали у подножия горы в поисках пропитания. Поначалу их было немного, но потом они расплодились здесь в очень большом количестве. Даже добирались теперь до соседних переулков и копались там в мусорных баках, что создало проблемы для жителей микрорайона.

Кан и Сиён сочли, что бродячие кошки виновны в том, что нарушили границы территории школьного участка природоведения, устроив переполох в птичьих клетках.

Кошки — звери проворные. А бродячие отлично умеют прятаться и готовы моментально удрать при чьем-нибудь появлении. Ребята знали, что у них нет никаких шансов поймать хотя бы одну из этих быстрых и гибких тварей — при том, как те умеют бегать.

— А как мы их поймаем? — спросил кто-то у Кана.

Тот лишь ухмыльнулся и достал из своего рюкзака черный пластиковый мешок. В мешке оказалась небольшая рыболовная сеть.

— Это еще что? — пренебрежительно бросила Каюн.

— И ты собираешься поймать кошку вот этим? — продолжала она, явно сомневаясь в том, что от этой его домашней заготовки будет хоть какой-то толк. Другие закивали, чувствуя то же самое, хотя и предпочли промолчать.

— А вы, ребятки, смотрели «Звериную ферму»^[20] по телику? Как спасатель животных бросает сеть, чтобы поймать кошку? — спросил у всех Кан.

— У него получилось, потому что остальные загнали ее в переулок и перекрыли его, а тут открытое пространство, — возразил кто-то из ребят.

При виде такой реакции Кан обиженно надулся.

— Ну и что вы предлагаете? — поинтересовался он, выпячивая грудь.

Дети просто переглянулись — идей не нашлось ни у кого. Как будто Кан единственный задался целью поймать кошку.

— Нет никаких мыслей, Сиён? — спросил Кан у приятеля, и тот, склонив голову, неуверенно открыл свой рюкзачок.

— Как насчет этого? — спросил он, доставая оттуда рогатку — простецкую деревянную рогульку с привязанной к ней желтой резиновой лентой. Посредине к резинке был приделан прямоугольный кусочек кожи, в который закладывался снаряд. Оглядев своих сотоварищей, Сиён подобрал камешек размером с фасолину, чтобы устроить наглядную демонстрацию. Камешек промелькнул так быстро и улетел так далеко, что никто не успел уследить за ним взглядом.

— Ого! Круто! — загомонила ребятня, а Кан еще больше помрачнел. Сиён, который не был уверен, что от его драгоценной рогатки будет какой-то толк, с гордым видом пожал плечами.

— А с чего ты взял, что попадешь в цель, если даже не видишь, куда этот камешек полетел? — Кан, который по-прежнему дулся, обозначил новую проблему, потребовавшую еще одной демонстрации. Сиён подобрал с земли пустую консервную банку, поставил ее на некотором расстоянии и вернулся к остальным ребятам. Глаза у тех горели любопытством. Сиён тщательно прицелился в банку, натянув резинку. И вновь камешка не было

видно, но банка, блямкнув, свалилась на землю.

Сиён гордо посмотрел на Кана, которому пришлось признать, что толк от рогатки действительно есть.

В конце концов командовать важной миссией по поимке кошки поставили Сиёна, и ребята, притаившись в пределах видимости мусорной кучи, стали ждать появления добычи. Вскоре выяснилось, что неподвижно сидеть в засаде под палящим солнцем не так весело, как ожидалось. Через десять минут все взмокли от пота, кое-кто начал недовольно ныть. Мух было полным-полно, но ни одной кошки. Все уже сомневались, появится ли здесь вообще хоть одна.

Вытирая пот со лба, Каюн поднялась на ноги.

— Я ухожу. Ничего тут интересного, — объявила она.

— Подожди немного, она скоро появится, — попытался ободрить ее Кан, не сводя глаз с мусорной кучи.

— Пошли, Хаён, — позвала Каюн, не желая дезертировать в одиночку.

Хаён, не проронив ни слова, осталась сидеть на месте, глядя на склон, и Каюн попыталась поднажать на нее, потянув за руку:

— Ну пошли уже, а? Я куплю тебе мороженого.

Хаён потянула ее за руку, усаживая обратно, и тихо произнесла:

— Вон они.

При этих словах все остальные посмотрели на нее. В воздухе повисло напряженное молчание.

— Где? — спросил Сиён, тоже понизив голос.

Вытянув руку, Хаён показала на тропку, которая вела к минеральному источнику. На тропе было пусто, но две кошки шныряли между деревьями, окаймлявшими ее.

— Можешь достать их отсюда? — спросил Кан, повернувшись к Сиёну, но тот только покачал головой.

— Подождем, когда они подберутся ближе, — шепнул он.

Дети не сводили глаз с кошек, боясь вздохнуть. Даже Каюн, которой только что хотелось домой, смотрела на них полными любопытства глазами.

Одна из кошек медленно спустилась туда, где притаилась вся компания. Все отчаянно засемафорили Сиёну — мол, давай уже! — и он быстро поднял рогатку, прицелившись в кошку. Но та, видать, услышала, как они галдят, поскольку шмыгнула вниз и быстро скрылась в переулке под горой. Все разочарованно вздохнули.

И в этот момент Кан опять пихнул локтем Сиёна в плечо.

Тот машинально повернул голову и засек еще одну кошку. Черную,

опасливо подбирающуюся к горе пищевых отходов. Все с беспокойством перевели взгляды с нее на рогатку Сиёна, надеясь, что на сей раз тот не подкачает.

— Ну давай же, подходи, ближе, ближе! — тихо бормотал тот.

«Шлеп!» — щелкнула наконец туго натянутая резиновая лента, и почти сразу же со стороны мусорной кучи донесся тупой глухой стук. Кошка удивленно подняла глаза. Все с воплями разом кинулись к ней. Кошка, опомнившись от шока, вызванного обстрелом из рогатки, почуяла опасность и пустилась в бегство. Но шок, видать, оказался слишком силен — пытаясь удрать от толпы детей, она метнулась напрямик к Кану.

Воспользовавшись тем, что кошка на секунду замерла, присев на задние лапы, Кан тоже остановился и быстро высвободил зажатую в кулаке сеть. Едва накрыв ею кошку, тут же наступил на нее по бокам. Кошка, придавленная сетью, даже не могла поднять головы.

— Ого, молодец! — восклицала ребятня, столпившись вокруг него. Сиён с Каном торжественно подняли руки и хлопнулись растопыренными пятернями. Дети собрались вокруг кошки, разглядывая ее сквозь сеть. У всех нашлось что сказать.

— Это та, которая убивает наших птиц?

— Да какая разница? После такого они и близко к школе не сунутся!

Каюн завороченно протянула руку, чтобы потрогать кошку. Но тут кто-то сзади напугал ее, ткнув пальцами под мышки, и она пронзительно взвизгнула.

— Тут часто люди ходят, так что давайте-ка поднимемся повыше, — предложил кто-то. Кан с Сиёном вдвоем приподняли сеть с кошкой внутри и зашагали бок о бок. Кошка сопротивлялась, суча лапами в воздухе, но, поняв, что это без толку, сжалась в клубок и лишь тихонько мяукала.

Дети собрались возле беседки на вершине горы, укрывшись за вздыбленными вверх корнями упавшего дерева.

— Ну, и что будем с ней делать? — спросил у всех Кан.

— Ну да, как мы ее накажем?

Все стали обдумывать этот вопрос, поглядывая на замотанную в сеть кошку, которая озиралась по сторонам и дрожала от страха. Перед ее поимкой только и разговоров было, что они накажут ее, когда поймают. Теперь же, когда кошка была поймана, никто не знал, что теперь с ней делать.

— Может, выпорем ее? — предложила Каюн. Все в ужасе посмотрели на нее, и она с пристыженным видом закрыла рот.

— Доставайте ее из сетки, ребята, — распорядилась вдруг Хаён,

которая до сих пор молча следовала за остальными. Обращалась она к Кану с Сиёном.

— Что-то придумала? — спросил Кан.

Хаён, ухмыльнувшись, кивнула.

— Угу. Вытаскивайте кошару и держите ее покрепче за лапы.

Поставив свой ранец на землю, Хаён вытащила из него перочинный ножик. Возбужденные мальчишки вытащили кошку из сети и потянулись, чтобы ухватить ее за лапы. Но кошка не была настроена сдаваться так просто. Бешено сопротивлялась и царапалась.

Хаён быстро ухватила ее за загривок и подняла в воздух. Неспособная больше сопротивляться, кошка стала дожидаться своей участи, перебирая лапами в воздухе. Дети изумленно уставились на Хаён.

— Когда ловите кошку или собаку, всегда хватайте ее за шкурку, и ничего она вам не сделает, — со знанием дела объяснила Хаён, и все с удивленным восхищением посмотрели на нее.

Следуя наставлениям Хаён, Сиён перехватил кошку за загривок, а остальные держали ее за лапы.

Кошка висела в воздухе прямо перед Хаён, выставив вперед самую свою уязвимую часть — живот.

Хаён все держала в руке свой перочинный ножик. Поглядев на кошку, медленно воздела острое лезвие вверх.

При виде ножа остальные только разинули рты.

— Что... что ты собираешься делать? — дрожащим голосом спросил Сиён.

— Ты ведь сам говорил, что ее нужно наказать, забыл? — спокойно поинтересовалась Хаён.

— Да, но... Эй! — начал было Кан, но рука Хаён уже мелькнула в воздухе, целясь кошке прямо в живот.

Каюн закрыла глаза руками. Все остальные, скривившись, резко отвернулись.

— Блин! — Кан осел на землю, вцепившись себе в запястье. Кошка, которая в последний момент успела вырваться из рук Сиёна и Кана, теперь стремительно удирала где-то далеко от них.

— Эй, в чем дело? — загалдели все, но Кан с Сиёном просто стояли, зло поглядывая на Хаён и отдуваясь. Она, не моргнув и глазом, обожгла их точно таким же взглядом.

— Кан из-за тебя поранился! — обвиняюще объявил Сиён.

— Не из-за меня. Все было бы нормально, если б он просто держал кошку как следует, — возразила Хаён.

Похоже, Кан порезал руку, когда отпустил кошку и попытался увернуться от ножика Хаён. Каюн вытащила носовой платок, присела рядом с Каном на корточки и взяла его за руку. Подняла ее повыше, чтобы осмотреть рану, и увидела выступающие из нее капельки крови. К счастью, порез оказался неглубоким, больше похожим на обычную царапину.

— И что теперь делать? У него кровь идет, — произнесла Каюн.

Все глаза нацелились на Хаён. Но та лишь сложила ножик и небрежно бросила:

— Трусишка, сам хуже кошки; надо было просто держать ее крепче.

— Больно, Кан? — участливо спросила Каюн, промакивая кровь носовым платком.

Хаён решительно развернулась и двинулась вниз по склону, словно давая понять, что на сегодня с нее хватит.

Никто не стал звать ее назад. Все только и думали о том, как она спокойно вытащила нож и замахнулась им на несчастную кошку. Одного из ребят, смотревших ей вслед, вдруг пробил дрожь. Никто ничего не сказал, но все думали об одном и том же.

Продолжать игру с поимкой и наказанием кошки желающих больше не нашлось.

Как только Хаён ушла в школу, Сонгён тут же озаботилась всякими домашними делами. Покончив с ними, сварила себе кофе и направилась в кабинет.

Начала она с того, что занялась расшифровкой записи вчерашней беседы с Ли Бёндо. Дело это не столь быстрое, как многие считают; ведь наряду с произнесенными словами требовалось кропотливо отобразить в письменном виде интонацию, паузы и скорость произнесения отдельных фраз, а также вычленив в речи опрашиваемого ключевые слова.

«Жил-был один обезьяний детеныш, который потерял свою мать, едва только появился на свет. Люди, которые выхаживали его, сделали ему сразу двух матерей: одну из проволоки...» — прозвучало из диктофона.

Сонгён нажала на паузу. «Проволочная» мать и «меховая» мать...

Мать, которая принесла Ли Бёндо в этот мир, была сделана из холодной жесткой проволоки, оставившей на его теле глубокие незаживающие шрамы. Мать внешне привлекательная, но холодная и жестокая.

Но была у Ли Бёндо и еще одна мать. Сонгён не знала, кто она, но именно эта таинственная женщина утешала его израненное сердце и держала его в своих теплых объятиях. Вчера он потянулся рукой к этой матери, незримо скрывавшейся где-то за спиной у Сонгён. Расплакался, умоляя эту мать, имя которой так и осталось неизвестным — не ту, что погибла от его рук, — еще раз обнять его. Очень хотелось узнать, кто был для него этой «меховой» матерью.

Сонгён, сначала предположившая, что он видит в ней собственную мать, подумала, что не так уж и сильно ошиблась. Черкнула «*меховая мать?*» у себя в блокноте и решила, что надо поподробней расспросить о ней в следующий раз.

Потянулась было к диктофону, чтобы вновь поставить его на воспроизведение, но тут запиликал телефон. Звонила классная руководительница Хаён.

Учительница просила Сонгён немедленно прийти в школу. Сонгён сразу заволновалась и первым делом спросила, не поранилась ли Хаён, но ответ был отрицательный. Голос учительницы звучал холодно: мол, это не та тема, которую стоит обсуждать по телефону. Сонгён почувствовала, что ее ожидает что-то страшное.

Пытаясь справиться с беспокойством, она быстро собралась и поспешно выбежала из дома.

На месте Сонгён оказалась меньше чем через десять минут.

Классная руководительница, с которой она познакомилась при переводе Хаён в новую школу, поджидала ее в учительской, сидя за письменным столом, но сразу встала и повела Сонгён на участок для уроков природоведения, сказав, что лучше поговорить там. Огород, за которым ухаживали дети, всего за несколько недель основательно разросся.

Там учительница остановилась, глядя на грядки, отведенные ее классу. Похоже, теперь, когда они остались с глазу на глаз, она даже не знала, с чего начать.

— Так что случилось? — спросила Сонгён.

Учительница наконец заговорила, с трудом подбирая слова:

— Даже не знаю, как вы все это воспримете... Я сама не могу поверить, что Хаён сделала нечто подобное, но все дети, которые были с ней, говорят то же самое, так что я уже не знаю, что и думать.

Судя по тому, как она запинаясь, дело было серьезное. Сонгён предположила, что у детей возникла какая-то внутренняя проблема.

— Лучше расскажите, что произошло, — попросила она.

— Они говорят, что Хаён... замахивалась ножом на других детей, — наконец проговорила учительница.

— Что? — только и сумела вымолвить Сонгён, которая чего-то подобного явно не ожидала.

— Видите вон те клетки? Мы называем их фермой. В последнее время оттуда стали постоянно пропадать птицы, и ребята подумали, что их таскает какая-то бродячая кошка из округи. Так что небольшая группа ребят решила поймать и наказать ее, а Хаён достала нож и едва не пырнула им эту кошку, — продолжала учительница.

— Погодите минутку, вы ведь вроде только что сказали, что она замахивалась ножом на детей?

— Да, но кошка вырвалась и убежала, и нож задел одного из мальчиков.

— По-моему, я поняла ситуацию... Но вы точно не преувеличиваете? Не думаю, что она носит нож в своем школьном ранце.

— О, насколько я поняла, это был просто перочинный ножик — затачивать карандаши и все в таком духе.

Сонгён разозлилась. Учительница явно раздувала проблему из ничего.

— Так вы говорите, что Хаён замахивалась ножом на детей, в то время как в действительности она просто случайно кого-то поранила, пытаясь наказать кошку ножичком для затачивания карандашей?

— А? Да, наверное, я выразилась не совсем точно. Я просто пытаюсь следовать истории, услышанной от детей — так, как они сами ее рассказывали.

— Вы слышали обо всем, что произошло, в мельчайших подробностях, так зачем же преувеличивать? Хаён намеревалась наказать кошку, а не причинить какой-то вред детям. Разве это не две разные вещи?

— Ну, дело в том... — Учительница секунду не могла подобрать слова, осажденная вопросом Сонгён. Однако не без труда продолжила: — Я не стала бы вам звонить, если б только этим все и ограничивалось. Сегодня в классе была какая-то странная атмосфера, так что я спросила у ребят, и... они сказали, что Хаён далеко не первый раз прибегает к насилию. Если кто-нибудь просто дотронется до ее парты, она может со всей силы ткнуть его остро заточенным карандашом, и...

Выяснилось, что один раз Хаён даже пыталась столкнуть какую-то другую девочку с лестницы. К счастью, остальные дети успели ее подхватить и не дали упасть вниз, но она могла получить очень серьезные травмы, сказала учительница, качая головой.

Похоже, вообще много чего успело произойти. Сонгён была просто в шоке от того, что натворила Хаён, но при этом и злилась на саму себя — за то, что абсолютно ничего не замечала, пока все не зашло слишком далеко. Дабы продемонстрировать свой интерес, могла спросить, как прошел день, не подружилась ли она с кем-нибудь, когда та возвращалась домой из школы... Хотя на самом-то деле Хаён обычно отмалчивалась. Сонгён просто предположила, что ей пока нелегко завести новых друзей, и сейчас терзалась угрызениями совести, что не уделяла ребенку должного внимания. И тут вспомнила про ту дружелюбную девчонку, которая сказала, что они с Хаён сидят за одной партой.

— Она вроде крепко подружилась со своей соседкой по парте... — сообщила учительнице Сонгён.

— Вы про Каюн? Она вообще девочка неконфликтная и легко идет на контакт. По-моему, она решила, что ей нужно обязательно подружиться с Хаён, раз уж та новенькая и раз уж они сидят за одной партой. Но после того, что произошло вчера, позвонила ее мама и попросила отсадить ее подальше от Хаён, — ответила та.

Сонгён не нашлась, что на это сказать.

— Она наверняка вам ничего дома не рассказывает. Исходя из того, что я вижу и слышу, по-моему, Хаён необходима психологическая помощь.

Сонгён на секунду задумалась, после чего вкратце описала ей ситуацию Хаён: развод ее родителей, смерть матери, пожар в бабушкином доме...

Высказав мнение, что поведение девочки является результатом этого травмирующего опыта, она попросила учительницу проявить понимание, поскольку для заживления душевных ран Хаён потребуется некоторое время.

Выслушав ее, учительница сразу прониклась сочувствием.

— Я не знала. Предполагала, конечно, что что-то неладно, поскольку как ни посмотрю на ее личико, всегда кажется, что в нем есть что-то недетское... Теперь я понимаю, как все это могло на ней сказаться, как трудно ей приходится, особенно учитывая этот совсем недавний пожар, — сказала она.

— Дома мы изо всех сил пытаемся помочь ей вернуть душевное равновесие, но, по-моему, чтобы оправиться от подобного шока, требуется куда больше времени. Буду вам очень признательна, если вы станете повнимательней присматривать за ней.

— Да, я все поняла. Я объясню ситуацию Каюн и ее маме и попрошу их тоже проявить понимание и сочувствие.

Разговор завершился на хорошей ноте, учительница правильно оценила ситуацию. Однако на сердце у Сонгён, когда она вернулась домой, было тяжело.

Не в силах усидеть дома, она вышла в соседний парк и нашла там укромный уголок. Вытащила свой мобильник и набрала номер Хиджу.

— Так и думала, что ты позвонишь. Что-то случилось? — спросила та.

— Я только что вернулась из школы Хаён.

— Какие-то проблемы с одноклассниками?

Машинально кивнув, Сонгён передала ей рассказ учительницы. Выслушав ее, Хиджу немного помолчала.

— Хорошего мало. Ей придется очень туго, если она не сумеет найти общий язык со своими ровесниками в школе... А дома она тоже отличается подобным поведением?

Услышав этот вопрос, Сонгён сразу припомнила, как Хаён искромсала плюшевого медведя ножницами. Но ведь при этом так радовалась, когда Сонгён купила ей щенка! Понимая, что надо рассказать Хиджу абсолютно все, раз уж она специалист, Сонгён поведала той все без утайки, начав с того, что ей было известно про мать Хаён. Хиджу притихла — настолько притихла, что Сонгён подумала, не оборвалась ли связь.

— Хиджу? — вопросительно произнесла она, не уверенная, что ее слышат.

— Я слушаю. Если ты не против, я бы хотела, чтобы ты как можно скорее привезла ее ко мне, желательно прямо завтра, — сказала Хиджу.

Сонгён встревожилась.

— Зачем?

— Сонгён, это то же самое, что и любая физическая болезнь. Ты знаешь, что она больна, так почему не хочешь поскорей ее вылечить? Если затянуть с этим делом, ее раны станут лишь глубже. А потом, Хаён болеет уже очень давно.

Сонгён не смогла произнести ни слова. Она понимала, о чем говорит Хиджу. Но боялась, что Хаён навеки заработает позорное клеймо, едва появившись в центре психологической помощи. Но больше всего беспокоило, как воспримет это сама девочка. Пожалуй, сначала стоит обсудить все это с Джесоном. Пообещав, что обязательно перезвонит, она повесила трубку.

* * *

Дождаясь возвращения Хаён из школы, Сонгён никак не могла сосредоточиться на работе. Позабыв про открытый на экране компьютера файл, мысленно вернулась к тому дню, когда Хаён появилась у них в доме.

Все складывалось бы куда проще, подумала она, если б Хаён была новорожденной! Ухаживать за ней было бы физически изматывающим делом, зато не было бы такого психологического напряжения. Жить с девчонкой, находящейся на пороге пубертатного возраста, — это все равно что ходить по минному полю, держа в руках бомбу с часовым механизмом. Любое мелкое замечание Сонгён моментально вызывало у той раздражение, и лицо девочки, на которое она только что озаботилась взглянуть как следует, вызывало тревогу у нее в сердце.

Когда Хаён находилась рядом, она требовала постоянного внимания; когда ее рядом не было, все равно не удавалось выбросить ее из головы. Чем бы Сонгён ни занималась, девочка все равно занимала большую часть ее мыслей.

Совместная жизнь с одним лишь Джесоном не требовала находиться в состоянии постоянной боевой готовности. Когда он приходил домой, она, конечно, уделяла ему внимание, но когда оставалась в одиночестве, могла про него на время забыть и полностью сосредоточиться на работе. Поскольку работали оба, то они всегда могли отговориться тем, что слишком заняты, и шли на взаимные уступки. Когда Сонгён чувствовала себя слишком усталой и была просто не в силах приготовить ужин, то звонила ему и просила поужинать где-нибудь в городе перед возвращением домой, или же предлагала сходить куда-нибудь вместе. Можно было почитать, когда хочется, поспать, когда хочется... Джесон тоже частенько

поступал так, как ему заблагорассудится. Но с ребенком — совсем другая история.

Вдобавок ко всему Хаён довелось слишком уж много чего пережить.

Теперь Сонгён чувствовала себя с ней более комфортно, но найти подход к девочке было до сих пор нелегко. Ее нельзя было просто предоставить самой себе, чтобы она не решила, будто к ней относятся холодно или безразлично. Подумав об этом, Сонгён осознала, что не было и минуты, когда ее голову не занимала бы Хаён — с того момента, как она утром открывала глаза, и до того, как засыпала вечером в своей постели.

Она казалась себе клоуном в цирке, который пытается удержаться на поваленной набок бочке и не может понять, вперед ему катиться или назад, и в итоге перебирает ногами в ту сторону, в какую катится бочка.

Щенок значительно улучшил ситуацию. После его появления в доме Хаён начала то и дело улыбаться и даже сама заговаривать с Сонгён. Вот та и решила, что дела Хаён пошли на поправку, расслабилась, уверившись, что та понемногу привыкает к новому дому и наладила хорошие отношения с одноклассниками в школе.

Сонгён просто не знала, что сказать Хаён, когда та вернется домой, и решила пока что приготовить ей полдник.

Закрыв папку на столе, собралась уже было подняться, когда вдруг вспомнила кое-что из сказанного Ли Бёндю и опять открыла ее. Включила диктофон и поставила его на ускоренное воспроизведение.

«Стали бы вы... обнимать обезьяньего детеныша, у которого руки по локоть в крови? Смогли бы?»

Сонгён попыталась припомнить выражение его лица, когда он произносил эти слова. Маленький ребенок, жаждущий ласки, умолял обнять его. Это лицо постоянно наслаивалось на лицо Хаён. Два ребенка, которые выросли, не видя от своих матерей ничего, кроме обид. Ли Бёндю уже загнал себя в ад, откуда нет возврата. Но Хаён — другое дело. Ее надо вылечить, и ее раны постепенно заживут.

* * *

Хаён явилась домой с совершенно невозмутимым видом, будто ничего ровным счетом и не произошло. И словом не обмолвившись про встречу с учительницей в школе, Сонгён налила ей в чашку холодной воды и спросила:

— Будешь чизкейк, или лучше фруктов?

— Чизкейк, пожалуйста, — вежливо отозвалась Хаён.

Сидя за кухонным столом и орудуя ложкой, она время от времени

поглядывала на Сонгён и явно нервничала оттого, что та не задает ей никаких вопросов.

— У перекрестка открылась новая кондитерская — может, заглянем туда как-нибудь? Что ты больше всего любишь, Хаён?

— Пирожные с шоколадным муссом.

— Да ну? Я тоже люблю сладости. Сразу поднимает настроение, когда на душе погано.

Сидя напротив Сонгён, Хаён явно чувствовала себя неловко. На вопросы отвечала неохотно и, едва прикончив чизкейк, сразу вскочила с места.

— Хаён! — окликнула ее Сонгён, когда девочка поспешно направилась к лестнице. Та обернулась к ней с каменным лицом, будто знала, что надвигается. Лицо ее мрачнело буквально на глазах.

Сонгён быстро подошла к ней, наклонилась и обняла. Почувствовала, как Хаён вздрогнула в ее объятиях. Она боялась, что девочка сейчас оттолкнет ее, но та оставалась неподвижной. Чувствуя под руками ее хрупкие плечики и тепло ее тела, Сонгён ощутила укол сочувствия. Подумалось, что разделяющее их расстояние создала она сама. Девочка вроде стала понемногу расслабляться.

— Все кажется знакомым и непонятным, правда? Спасибо, что проявляешь такое терпение. Все мало-помалу наладится. Если вдруг что-то случается, или ты чувствуешь, что тебе тяжело, ты всегда можешь сказать мне или папе, — не без усилия произнесла Сонгён слегка охрипшим голосом. Отняла руки и посмотрела на Хаён, которая изумленно застыла, явно смутившись.

Перед очередной встречей с Ли Бёндо ее пожелал увидеть начальник охраны. Провел в свой кабинет, объяснив, что хочет пообщаться с нею с глазу на глаз. Кабинет располагался в самом старом здании тюрьмы. Видавшая виды дверь захлопнулась не с первой попытки. Древний кондиционер больше гонял пыль, чем охлаждал воздух. Комната пропахла плесенью. Впрочем, подобная обстановка вполне устраивала начальника.

— Не хотите чего-нибудь холодненького? — небрежно осведомился он, подходя к маленькому холодильнику. Похоже, намеренно тянул время, зная, что до назначенного ей часа остается всего ничего. Сонгён хотелось, чтобы он поскорей перешел к делу.

— Так о чем вы хотели поговорить? — спросила она.

— Куда вы так спешите? Давайте для начала слегка переведем дух, — отозвался хозяин кабинета.

Поставив перед ней банку газировки, он присел на диван, задумчиво посасывая кубик льда. Несколько секунд оглядывал ее с ног до головы, а потом проглотил оставшуюся льдинку и открыл рот, чтобы заговорить.

— По-моему, вы уже сделали достаточно, — произнес он.

— Простите? — не поняла Сонгён.

— Телефонные звонки — это одно, но... — начал начальник охраны.

Звонок директора Хана, видать, здорово его задел.

— Последние дни он несколько нестабилен, — закончил он.

— Несколько нестабилен? — переспросила Сонгён, не зная, как это понимать. Интересно, подумала она, уж не случилось ли чего с Ли Бёндо.

— Ну, вы, может, этого и не заметили, поскольку встречаетесь с ним только от случая к случаю, но мы-то наблюдаем за ним круглые сутки, так что видим даже самые незначительные изменения, — продолжил начальник, начав рассказывать ей о переменах в сложившемся распорядке Ли Бёндо после последней беседы. — В последнее время он плохо спит по ночам. Часто стоит у раковины, уставившись в зеркало. Упирается лбом в стену и что-то бормочет про себя. Иногда затыкает уши и изо всех сил трясет головой, — сообщил он.

Судя по выражению его лица, начальник все эти подробности не выдумал. И он имел полное право выразить беспокойство относительно душевного состояния Ли Бёндо. После секундных размышлений Сонгён решила прислушаться к его словам.

Хотя, сказать по чести, самой ей приходилось в ходе бесед с Ли Бёндо

куда тяжелей. И она тоже чувствовала, как он становится все более и более беспокойным, как скачут его эмоции, когда она приходит пообщаться с ним. Но куда более тяжелым грузом на сердце ложилось чувство, что она переносит сочувствие к нему на Хаён. Вместо того чтобы проявить твердость, постоянно колеблется. Если она не способна проявить профессиональную отстраненность, то, может, и не такая уж плохая мысль какое-то время держаться от него подальше.

В голове у Сонгён на какую-то секунду возникло обнадеженное лицо директора Хана, но она понимала, что не слишком-то хорошо справляется с этими беседами. Не могла не признать, что у нее для этого не хватает опыта. Лучше уж вовремя остановиться, чем упорно продолжать, чувствуя себя неуверенной и переполненной собственными эмоциями.

Когда Сонгён сказала начальнику охраны, что последует его совету, выражение его лица сразу переменилось. словно бы тяжелый груз свалился у него с плеч. С тех самых пор, как она начала являться сюда для бесед с Ли Бёндо, впервые вид у него был откровенно довольный, чуть ли не радостный.

— Меня очень беспокоило, что вы постоянно позволяли ему захватить контроль над ситуацией. Во всяком случае, сегодня у вас с ним наверняка последняя встреча, так что надеюсь, что вы успешно подведете черту, — сказал он.

Должно быть, все это и впрямь было для него немалым поводом для волнений. Эти беседы вполне могли стать причиной обсуждений на тему, с какой это стати отдельным заключенным создаются особые условия содержания, позволяющие им по собственной прихоти принимать посетителей; и, что более важно, зная, что в результате этих бесед душевное состояние Ли Бёндо становится нестабильным, начальник охраны не мог расслабиться ни на минуту. Недавнее самоубийство одного из заключенных, всколыхнувшее тюрьму, лишь добавило масла в огонь. Если эта серия бесед благополучно и без всяких происшествий завершится, он сможет наконец-то вздохнуть с облегчением.

Зайдя в знакомую уже комнату, Сонгён сразу положила на стол перед местом Ли Бёндо спелое яблоко. Это она выбирала более тщательно, словно заранее знала, что эта их встреча окажется последней.

Едва Сонгён успела сесть за стол, готовая к предстоящей беседе, как дверь открылась и вошел Ли Бёндо. Встав, она дождалась, пока он усядется. Наконец их глаза встретились над столом. С момента их первой встречи прошла уже целая неделя.

Изучив его лицо, Сонгён удивилась.

Уверенное — даже самодовольное — выражение его глаз, к которому она успела привыкнуть еще со времени их первой встречи, бесследно исчезло; вид у него был заполошенно-взвинченный, словно за ним гнались. Начальник охраны отнюдь не преувеличивал. Сонгён почувствовала, что их последняя встреча вызвала в Ли Бёндю глубокие перемены.

Он упорно опускал взгляд в стол, не способный посмотреть ей прямо в лицо. Постоянно делал странные телодвижения, встряхивая и мотая головой, словно перед лицом у него летали мухи, наклонял ее набок и закрывал уши руками.

— В чем дело? С вами все хорошо? — забеспокоилась Сонгён, но Бёндю никак не отреагировал.

Она какое-то время внимательно рассматривала его, а потом начала задавать вопросы, которые заранее выписала себе в блокнот — чисто деловым тоном, чтобы скрыть тот факт, что внутри у нее все так и трепещет.

— Владельцев многих вещей, найденных в вашем доме во время обыска, разыскать так и не удалось. Как эти вещи к вам попали?

Он ничего не ответил.

— Были ли и другие жертвы, как предполагает следствие?

И опять нет ответа.

— Господин Ли! — повысила голос Сонгён, поскольку он продолжал упорно молчать. Наконец Ли Бёндю поднял взгляд. — Были ли другие жертвы? — повторила она.

Он немного подумал, потом кивнул.

— Что вы с ними сделали?

Вместо ответа Ли Бёндю улыбнулся. Улыбнулся, словно наслаждаясь своим маленьким секретом. Судя по всему, он нисколько не собирался так вот запросто открыть рот и все выложить. Сонгён подумала, что ей вряд ли удастся оправдать надежды оперативников из райотдела Канбук. Выждала еще немного, но у него, очевидно, разболелась голова, поскольку он поморщился и потер виски.

В конце концов Сонгён решила оставить тему убийств и вернуться к тому, на чем они остановились в прошлый раз. Поскольку это была их последняя встреча, лучше было сосредоточиться на нем самом.

— Не расскажете мне поподробней про ту «меховую» мать, о которой вы говорили в прошлый раз? — попросила она.

Ли Бёндю уставился на нее, склонив голову набок.

— У вас ведь была еще одна мать — не такая, как та, что обижала вас? — не отставала она.

— Это... — начал он, похоже, все-таки проявляя желание говорить об этой своей второй матери, в отличие от убийств, о которых предпочитал помалкивать. — Это наверняка не более чем сон. Сон настолько чудесный... что от этого все гораздо страшней.

Тревога в его глазах сменилась тоской. Тон его тоже изменился. Он бродил по просторам собственного воображения? Или вспоминал какие-то далекие дни?

Сонгён очень хотелось выяснить, была ли эта его «меховая» обезьянья мать кем-то существовавшим в действительности.

— А она... была похожа на меня? — осторожно спросила она.

Взгляд Ли Бёндю утвердился на ее лице. Покопавшись в памяти, он заговорил:

— Может, и да... это было так давно, что я не могу доверять собственной памяти. Хотя, наверное, это просто мое воображение так приукрасило мои воспоминания, — произнес он.

Хорошие воспоминания имеют свойство искажаться в лучшую сторону — как раз потому, что они хорошие, и со временем приобретают все более розовый оттенок. Как и воспоминания о первой любви, эта мать в его памяти тоже могла оказаться изрядно приукрашенной.

Лицо Ли Бёндю смягчилось, пока он предавался воспоминаниям, но вдруг напряглось, и он надтреснутым голосом проговорил:

— Это был мой единственный шанс... Единственный шанс... а я все испортил!

По какой-то причине он злился на самого себя.

— В чем был этот шанс, господин Ли? — попробовала уточнить Сонгён.

— Я... Я его упустил. Все испортил. Я, и только я, — практически прошептал он, повесив голову. Но тут же поднял на Сонгён горящие глаза и с надеждой в голосе спросил: — Вы дадите мне еще один шанс? Дадите?

Сонгён не поняла, о чем он говорит, но, тронутая отчаянием в его глазах, молча кивнула. Его лицо, только что перекошенное от гнева, разгладилось, и Ли Бёндю облегченно выдохнул.

Невольное согласие Сонгён явно даровало ему душевный покой.

— Вам когда-нибудь доводилось убивать кошек? — вдруг неожиданно для себя спросила Сонгён.

Она не планировала задавать такой вопрос. Помнила, конечно, про любимую кошку его матери и про то, как он ее к этой кошке ревновал; просто его история перемешалась у нее в голове с тем, как Хаён с другими детьми обидели кошку, и вопрос вырвался просто помимо воли.

На миг он изумленно уставился на нее, а потом принялся хихикать.

— Ну что, догадались наконец? Все женщины — как кошки. Убегают, едва к ним потянешься... и появляются опять, когда ты думаешь, что они удрали с концами. Все женщины, которых я убивал... были такими. Ластились ко мне, а потом расцарапывали меня в кровь и тут же сматывались. Вот почему я пел им ту песенку. Некоторые даже подпевали, не зная, что она означает, — проговорил Ли Бёндо, продолжая отрывисто хихикать. Он едва мог сосредоточиться на том, что говорила Сонгён, постоянно погружаясь в свои собственные мысли.

То, о чем он рассказывал, много чего пробудило у нее в голове. История про тот день, когда он убил свою мать, и история про женщин, которых он убивал, полностью согласовались между собой. Похоже, что ему хотелось убить этих женщин, потому что он видел в них свою мать. Насколько Сонгён было известно, этих женщин не объединяли какие-то общие физические черты. Не напоминали ли они ему ее в психологическом, эмоциональном смысле?

Ли Бёндо все время тревожно озирался по сторонам, не способный спокойно усидеть на месте; под конец поднялся, заявив, что устал. Когда охранник выводил его за дверь, Сонгён не стала сообщать ему, что это была их последняя встреча.

Даже если она придет к нему опять, он вряд ли расскажет, кем были его остальные жертвы, совершил ли он еще какие-то убийства. Сонгён не понимала, почему он хранит молчание относительно других жертв, но Ли Бёндо явно хотелось похоронить эту тайну навек. И хотя выкопать ее из могилы ей было не под силу, на этот раз она очень многое про него узнала. Всего этого более чем хватит, чтобы директор Хан остался доволен отчетом.

Со смешанными чувствами Сонгён оглядела импровизированную переговорную. В самый первый день она здесь едва не задохлась, чувствовала себя скованной и зажатой. Однако со временем, с каждой новой встречей, понемногу сознавала, что ограниченное пространство помогает ей сосредоточиться.

Собрав сумку и уже поднявшись на ноги, Сонгён вдруг заметила оставшееся на столе яблоко. Подобрала его и, секунду посмотрев на него, осторожно надкусила.

Свежий яблочный вкус расплылся во рту. Положив надкушенное яблоко обратно на стол — может, Ли Бёндо когда-нибудь его доест, — она вышла из комнаты.

Часть IV

Утром Джесон улетал в Вашингтон.

Накануне вечером Сонгён рассказала ему про Хаён. Предложение проверить дочь у психотерапевта и при необходимости провести курс сеансов изрядно его разозлило.

— Ей что, действительно это надо? Она ходит в школу, нормально ко всему приспосабливается, — в сердцах бросил он.

— Ты и впрямь думаешь, что она нормально приспосабливается?

— А ты считаешь, что у нее какие-то проблемы?

С самого появления Хаён у них в доме Сонгён поняла, что дочь у Джесона — слабое место. Тот маялся чувством вины за то, что не был хорошим отцом, пока они с Хаён жили по отдельности. И это не давало ему посмотреть на проблему незашоренным взглядом. Сонгён рассказала ему, что случилось в школе, и передала слова Хиджу.

— Понимаешь ведь, что тут что-то неладно? — спросила она.

Он ничего на это не сказал.

— То, с чем успела столкнуться Хаён, отличается от нормального опыта любого обычного ребенка. Сначала самоубийство матери, потом пожар... Было бы странно, если б это на ней никак не отразилось.

— Я просто думал, что со временем она обо всем этом забудет и все будет хорошо.

— Это тебе просто хочется так думать!

— Но она же нормально себя ведет, разве не так? — спросил он, не думая уступать.

— Только на поверхности. И это еще сильнее меня беспокоит. Внутри она может быть вся изранена и одинока, и просто не может сказать, насколько ей больно.

Джесон промолчал. Ему всякий раз становилось неуютно, когда она заводила разговор о проблемах Хаён. Мало бывая дома и не имея возможности лично заботиться о дочери, он никак не желал признать существование у той каких-либо проблем. А может, думал, что сам во всем виноват. Сонгён говорила как можно мягче, больше намеками, чтобы это не выглядело так, будто она порицает его.

— Эта встреча с психотерапевтом будет чем-то вроде диспансеризации, когда тебя осматривают опытные врачи-диагносты. Если будут выявлены хотя бы малейшие симптомы каких-то неполадок, можно будет предотвратить что-то куда более серьезное. Ты же врач, должен понять.

Она прошла через то, с чем не справиться в одиночку. Кто знает, какие раны это у нее оставило? Разве ты можешь сказать, что всё с ней в порядке, только потому, что обычным глазом этих ран не видишь? Если они обнаружатся, нужно будет поскорей их вылечить, чтобы не запустить окончательно, — продолжала Сонгён, и он наконец сдался. Кивнул, соглашаясь с тем, что Хаён требуется помощь психотерапевта, хотя это явно его не обрадовало.

Сонгён с облегчением вздохнула. Хорошо, что он согласился — в противном случае наверняка пришлось бы действовать более агрессивно, чтобы заставить его признать наличие проблемы.

Правда, Джесон попросил ее обязательно дождаться, пока он не вернется из поездки, сказав, что лучше он сам сообщит эту новость Хаён. Сонгён не стала спорить. В конце концов, если дочь услышит это от отца, то воспримет более спокойно.

Он долго не мог распрощаться с дочерью. По несколько раз повторял, как той следует себя вести. Неумеренно раздавал обещания сходить с ней в луна-парк, на пляж и так далее, когда вернется домой, поскольку приближались летние каникулы. Казалось, просто пытался хоть как-то компенсировать недостаток внимания к ней. Зато Хаён будто и дела не было, что он уезжает. Видимо, решив, что десятков уже сделанных обещаний недостаточно, Джесон добавил, что купит ей даже еще более здорового плюшевого медведя, чем прежний, и наконец отбыл.

Едва он вышел за дверь, как Хаён поднялась к себе собираться в школу.

Джесон планировал вернуться домой только через десять дней.

Все это время Сонгён решила максимально сосредоточиться на Хаён. Как они проведут эти дни, во многом определит их будущие взаимоотношения. Обняв ее в тот день после встречи с учительницей, Сонгён теперь пользовалась каждым случаем еще раз обнять ее, выразить свою привязанность к ней не только на словах. После того дня они заметно сблизились — Сонгён казалось, что как раз из-за этого физического контакта, взаимного обмена теплом.

Хаён пулей слетела с лестницы, бросив на бегу, что сегодня задержится. Подбежала к передней двери и уже обувалась, когда Сонгён окликнула ее — та быстро подбежала к ней и обхватила за талию. Коротко обняв, поспешно выскочила за дверь.

Оставшись дома одна, Сонгён распахнула настежь переднюю и заднюю двери дома и приступила к уборке.

В этот самый момент зазвонил ее мобильник. Номер был незнакомый.

Ответив, она услышала приятный низкий голос и сразу узнала сержанта

Ю. Сонгён одновременно и обрадовалась, и удивилась, когда он ни с того ни с сего позвонил. Потом в голове промелькнула мысль, что, наверное, дело о поджоге раскрыто.

Однако, вопреки ее ожиданиям, тот попросил о встрече, сказав, что ему нужно кое-что ей сообщить.

Сонгён ответила, что готова встретиться с ним в управлении Столичной полиции, и отключилась. По спине пробежал холодок плохого предчувствия.

* * *

В управление полиции Сеула, расположенное неподалеку от ворот Кана 'мун^[21], Сонгён приехала сразу после обеда, около двух часов дня.

Вышла из метро на станции «Канамун» и прошла по бульвару за центром сценических искусств «Седжон». Палящее полуденное солнце плавало асфальт. Сонгён старательно выискивала даже малейшие клочки тени, отбрасываемой зданиями и деревьями на бульваре. Добравшись до управления, подошла к информационной стойке и сообщила по внутреннему телефону, что уже на месте, после чего ее впустили, выдав временный пропуск.

Сразу за проходной она увидела сержанта Ю, который выходил из лифта. Тот поспешил ей навстречу, поздоровался.

— Спасибо, что не сочли за труд приехать в такую даль в такую жару, — добавил он.

— Нет проблем, — отозвалась Сонгён.

Оба направились к составленным группой диванчикам в вестибюле. Пока она устраивалась, сержант Ю выудил из кармана несколько монет и двинулся к торговому автомату.

— Что желаете? — спросил он.

— Разве что воды, — ответила Сонгён.

Купив банку холодного кофе^[22] и бутылку воды, он устроился на диванчике напротив нее. Вода оказалась достаточно холодной, чтобы освежить пересохшее горло.

— Вообще-то я мог бы и сам к вам подъехать, — сказал сержант.

— Нет, все нормально. Так о чем вы хотели поговорить?

— Пришли результаты вскрытия.

— И?..

— Даже не знаю, с чего начать... Но, поскольку вы тоже занимаетесь чем-то подобным, думаю, что вы воспримете мои слова объективно и без лишних эмоций.

Слыша его запинаящуюся речь, Сонгён почему-то занервничала. Так к чему же это он подводит?

— Причиной пожара в районе Ынам стал поджог. И этот поджог имел место после убийства, — сказал он.

Даже четко услышав эти слова, она не сразу уловила их смысл.

— Подождите минуточку: вы хотите сказать, что причиной пожара стало убийство?

— Да, целью поджога было скрыть убийство — вот к какому выводу мы пришли.

— Так что, говоря о результатах вскрытия... вы имеете в виду бабушку и дедушку Хаён?

— Да, — подтвердил сержант Ю.

Сонгён невольно покачала головой. Она всегда думала, что этот пожар был просто несчастным случаем. Просто не могла поверить, что он стал результатом чьей-то злой воли. Скольких еще людей коснулась эта беда?

— Вы уже задержали поджигателя? — спросила она.

— Давайте сначала поговорим о результатах вскрытия, — предложил сержант.

Выходит, злоумышленник пока не пойман. Странно, подумала Сонгён, зачем ей-то про все это рассказывать?

— Итак, отчет только что поступил. Оба погибли еще до того, как начался пожар. Ни в легких, ни в дыхательных путях не обнаружено и следа продуктов горения. Если б они погибли от огня, это сразу было бы видно, — сказал он.

И если б они погибли от огня, то не лежали бы неподвижно под одеялом. Сержант Ю еще раз припомнил, как пожилая пара выглядела на пожарище.

— И что же тогда явилось причиной смерти? — поинтересовалась Сонгён.

Покопавшись в карманах пиджака, сержант вытащил в несколько раз сложенный лист бумаги. Это был отчет о вскрытии из Национальной экспертно-криминалистической службы.

— Смерть наступила в результате отравления, — ответил он.

— Но тогда... А не могло это быть самоубийство?

— Кто-нибудь станет принимать отраву перед тем, как поджечь собственный дом, где в соседней комнате спит маленькая внучка?

У Сонгён не нашлось что на это сказать.

— Кроме того, в случае смерти от отравления тела обычно все буквально переключены от боли, но эти двое перед пожаром неподвижно

лежали под одеялом, сложив руки на груди. А значит, кто-то убедился, что они мертвы, и поджег дом только после того, как привел тела в порядок.

— Если пожар имел место после убийства... выходит, не осталось никаких улик?

— Вот именно. Почти никаких улик, к сожалению. Хотя...

Сонгён вопросительно посмотрела на него.

— Подозреваемый у нас все-таки есть.

— Кто?

Сержант Ю нерешительно помедлил, явно испытывая трудности с ответом, и посмотрел на Сонгён. Глядя на его расстроенное лицо, та вдруг кое-что припомнила. Он и какой-то его коллега уже приезжали к ним в дом поговорить с Хаён, жарким летним днем, все вспотевшие. Она попыталась припомнить, о чем они тогда спрашивали, но не смогла.

— Уж не хотите ли вы сказать... — Сонгён не договорила.

— Да, это та, что находилась тогда вместе с ними в доме, — Юн Хаён, — подтвердил сержант Ю.

— Да что... да что вы тут такое говорите?! Хаён еще совсем ребенок! Ей всего одиннадцать!

Не зная, как реагировать на ее протестующий тон, сержант Ю почесал в голове, а потом спросил:

— Сколько лет было самому молодому убийце в материалах, которые вы наверняка изучали?

Сонгён потеряла дар речи. Он был прав. Возраст не имеет значения.

Мэри Белл, самой страшной малолетней убийце в истории двадцатого века, тоже было всего одиннадцать. Вместе с подружкой она задушила соседского ребенка, которому не исполнилось и три годика, и искромсала его тело ножницами^[23]. Да что там далеко ходить — в соседней Японии одна ученица начальной школы хладнокровно зарезала свою одноклассницу, повергнув в ужас весь мир^[24].

— У меня есть сразу несколько причин так думать, — произнес сержант Ю, и Сонгён обратилась в слух. Сердце так громко билось в груди, что, казалось, содрогается все тело.

— Когда появляешься на месте пожара, то видишь, что все погорельцы выглядят более-менее одинаково. Захваченные врасплох, многие не успевают даже толком одеться. В то утро, когда я увидел спасенную девочку, что-то не давало мне покоя, хотя я и не мог точно сказать, что именно. Но потом как следует подумал и понял: дело было в одежде, которая на ней была. Именно это и показалось мне странным, —

продолжал сержант.

Он хорошо запомнил то утро. Девочка, хоть ее и вынес из пожара кто-то из спасателей, прижимала к себе плюшевого медведя. И вдобавок к этому была в носках и в туфельках. Как она могла их надеть, если они были оставлены возле входной двери, а девочка, по ее словам, выбралась через окно, чтобы спастись от огня? Это могло означать только одно: она надела их заранее.

— И еще у нее была визитная карточка отца в кармане, — добавил он.

— Может... может, она собиралась тайком повидаться с ним? — произнесла Сонгён, страстно желая как угодно опровергнуть приводимые им доводы.

У него есть только один кусочек головоломки, твердила себе она. Этого мало, чтобы вынести окончательно суждение. Столько невиновных людей было осуждено на основании неправильно интерпретированных улик! В тот день Хаён могла замыслить уйти из дома родителей матери, чтобы повидаться с отцом — чем не объяснение?

— После того как ее спасли, она и словом не обмолвилась про бабушку с дедушкой. Любой другой ребенок при подобных обстоятельствах первым делом попросил бы найти или спасти своих опекунов, не обнаружив их среди спасенных. Но Хаён даже не озаботилась поинтересоваться, спаслись ли они, или же остались в доме. А из этого наверняка следует, что она уже была в курсе ситуации, — возразил сержант Ю, сразу припомнив кое-что еще.

А именно — то, как она выглядела, пока спала на заднем сиденье полицейской машины. Теперь, задним числом, он сознавал, что на ее лице не было ни малейших признаков шока или страха — одно лишь довольство мыслью, что отец скоро приедет.

— Просто не знаю, что и сказать... Все это так неожиданно... — произнесла Сонгён, подумав, что не может и дальше сидеть тут, слушая его. Мысли вихрем кружились в голове.

— Все это, естественно, пока лишь плод моих собственных умозаключений. У меня нет железных улик, чтобы доказать это. Если только не найдется то вещество, которое дали этой паре... Я пока больше никому не рассказывал. Никто из моих коллег ничего не знает, — сказал сержант Ю.

— Так зачем вы тогда... — начала было Сонгён.

— Потому что именно вам в первую очередь следует это знать. Вы — специалист в этой области, и при этом еще и ее опекун.

Сонгён ничего не смогла на это возразить.

— Как следует за ней присматривайте. Вот и все, что я могу сказать, — произнес сержант Ю, после чего поднялся и двинулся прочь.

Оставшись одна, она так и осталась сидеть на диванчике.

Сонгён не могла мыслить связно, все смешалось у нее в голове — она совершенно не представляла, что со всем этим делать, как понимать и что сообщить Джесону. Наконец кое-как ухитрилась взять себя в руки и после долгих размышлений пришла к единственному заключению: лучше пока вообще никому ничего не рассказывать.

Она никому не позволит обвинить ребенка в убийстве при отсутствии железных доказательств.

Девочке было совершенно ни к чему убивать бабушку с дедушкой или даже просто поджигать дом, чтобы сбежать к отцу. Всех-то дел — просто позвонить, так что с какой это стати ей рисковать своей собственной жизнью?

Сонгён упорно держалась за эту мысль, но так и не сумела окончательно убедить себя. Она прекрасно знала, сколько убийц лишили людей жизни по совершенно абсурдным причинам.

Выйдя из управления полиции, она просто боялась возвращаться домой и встречаться лицом к лицу с Хаён.

Уже подойдя к метро, Сонгён передумала и решила отправиться в Ынам-дон. Нельзя было так вот просто возвращаться домой. Какого-то особого плана у нее не было, но ей хотелось своими глазами взглянуть на тот дом, в котором жила Хаён. Наверное, требовалось самой проверить то, что сообщил ей сержант Ю.

* * *

Дом, адрес которого Сонгён получила от сержанта Ю, совершенно заброшенный после пожара, представлял собой печальное зрелище. Она сразу ясно представила себе катастрофическую ситуацию в ту ночь, что никогда не удалось бы на основании лишь чьих-то рассказов. Как наяву увидела Хаён, стоящую среди языков пламени. Сцена получалась кошмарная.

Войти она не решилась и поспешно двинулась обратно к метро.

Какая-то пожилая тетка, идущая по переулку, увидев идущую с пожарища Сонгён, нацелилась на нее опасливым взглядом. Когда они поравнялись, резко поинтересовалась:

— Ну что, ходили полюбоваться на дом в конце тупика?

Сонгён собралась было проигнорировать вопрос, но все же слегка кивнула. Подметив смешанные чувства у нее на лице, женщина

немедленно ослабила бдительность. Похоже, ее единственным недостатком было любопытство — оглядев Сонгён с ног до головы, она жалостливо поцокала языком. Наверное, приняла Сонгён за родственницу погибших на пожаре, слишком поздно получившую печальное известие.

— Бедные старики... Так вы им кем-то приходитеесь? — поинтересовалась тетка.

Не зная, что сказать, Сонгён просто промолчала. Но тетка сочувственно кивнула, словно все понимая.

— Разделяю ваши чувства... Такой удар... Словно какой-то злой рок преследовал их... Может, и правы те, кто говорит, будто дух их погибшей дочери до сих пор витает над этим местом! — продолжала она.

— Дочери? Вы хотите сказать, матери Хаён? — уточнила Сонгён.

— Вот именно. Она приняла какие-то таблетки, чтобы покончить с собой. Не знаю, из-за чего, но кто сотворил бы с собой такое при живых родителях и дочке? Бедная старушка после этого так и не оправилась.

— А Хаён здесь нравилось? — спросила Сонгён.

— Девочке-то? Ну... кто знает, что творится за закрытыми дверями, — произнесла женщина, вдруг проявляя уклончивость и почему-то разволновавшись. Только что она разглагольствовала так, будто жизненные обстоятельства этой семьи не представляли для нее никакого секрета, но сейчас ее тон заметно изменился. Интересно, подумала Сонгён, в чем дело?

— С Хаён произошла какая-то неприятность? — продолжила расспрашивать она.

— Почему вы постоянно суετε нос в дела ребенка? Кем вы ей вообще приходитеесь? — поинтересовалась в ответ тетка, у которой вопросы Сонгён явно вызвали какие-то подозрения.

— Я... я сейчас ее опеаю, — призналась в конце концов Сонгён.

Услышав эти слова, женщина еще больше разволновалась. Поспешно двинулась к своему дому, отвернув лицо.

— Подождите, может, все-таки расскажете, что тут произошло? — умоляюще крикнула ей вслед Сонгён.

— Мы просто живем по соседству — откуда нам знать, что творилось в этом доме! — отозвалась женщина, удаляясь с такой быстротой, будто за ней гнались, хотя именно она и завела этот разговор. Похоже, ей не хотелось даже просто упоминать имя Хаён.

Сонгён пребывала в полном смятении. По спине побежали мурашки, в животе что-то сжалось. На лбу выступил пот, хотя кончики пальцев вдруг резко похолодели.

Не оглядываясь, Сонгён поспешила к выходу из переулка.

25

Жаркие влажные дни продолжали медленно тянуться друг за другом.

Позвав охранника, Ли Бёндо попросил о следующей встрече с Сонгён, но ему лишь рассмеялись в лицо. И только после основательного скандала с криками и оскорблениями к нему заглянул начальник охраны.

— Мне обязательно нужно еще раз с ней пообщаться! У меня еще есть что сказать! — объявил Ли Бёндо.

— А вот психолог, похоже, отнюдь не горит желанием с тобой пообщаться, — ответил начальник охраны.

— Мне нужно с ней увидеться!

— Полагаю, ты не знал, но это была ваша последняя беседа. Она больше к тебе не придет.

— Что?! Нет... Быть такого не может! Позвоните ей прямо сейчас! Я еще не закончил все рассказывать! — завопил Ли Бёндо, а начальник охраны подошел к стальным прутьям решетки и прошептал ему прямо в лицо:

— Сразу надо было все выложить, а не выделываться.

— Передайте ей, что я расскажу, где эти женщины... где остальные тела! — выкрикнул Ли Бёндо, решив зайти со своего последнего козыря, который до поры до времени надежно припрятывал в рукаве. Он-то думал придержать его, никому ничего не рассказывать, но теперь ему казалось, что все-таки стоит поделиться этой информацией, если это позволит вновь повидаться с Сонгён. Когда отчаянно чего-то хочешь, то становишься слеп ко всему остальному.

Начальник охраны удивленно посмотрел на лицо за решеткой. Задумчиво прищурился, прикинул: это и в самом деле всерьез? Но сказал он вовсе не то, что ожидалось.

— Запал на нее, что ли? — вот что он произнес, приподняв уголок рта и презрительно усмехаясь.

Ли Бёндо показалось, что его козырную карту прямо у него на глазах разрывают в клочки. Не этого он хотел, не так хотел разыграть ее! Великий замысел должен быть окончательно исполнен! Нельзя позволить этому гаду нарушить все его планы...

— Я тебя предупреждал, что дело идет к этому, — добавил начальник.

— Да говорю же, я ей все расскажу про другие убийства!

— Это интересно только полиции и следователю, а мой интерес —

чтобы ты тихо сидел в камере и никуда из нее не рыпался, усек?

— Позвоните моему адвокату! Я такого просто так не оставлю!

— Да запросто. Только знаешь что? Ты столько раз уже врал своему адвокату, так что я не уверен, что он сейчас бросит все дела и сразу примчится к тебе. Вообще-то тебя уже осудили, если ты вдруг забыл.

При этих его словах Ли Бёндю стал пунцовым от злости.

— Охрана! Охрана! Позовите начальника тюрьмы! Мне нужно поговорить с ним! — разорался он.

Однако охранник, который прибежал с другого конца коридора и встал рядом со своим начальником, даже не посмотрел на Ли Бёндю.

— Вы вообще соображаете, что творите? Вы знаете, кто я? Я — Ли Бёндю! Думаете, я буду просто так вот сидеть и ничего не делать?

— Ну давай, поори еще, — равнодушно произнес начальник охраны, ничуть не тронутый его буйством.

Вскоре остальные заключенные заколотили в двери своих камер, ругаясь и понося Ли Бёндю за поднятый шум. Им тоже больше не хотелось его слышать.

Ли Бёндю, дрожа всем телом, ухватился за прутья решетки. Он так и горел от ярости. Откуда-то опять тягуче зазвучала песенка— у него совсем не оставалось времени, чтобы тратить его зря. Та неспешная материнская песенка, что заставляла его сходить с ума от удушья. «Бам-бам, молоточек Максвелла...»

Охранник с начальником скрылись за шлюзовой дверью в конце коридора, оставив его в бессильной ярости таращиться им вслед.

Оставшись один, Ли Бёндю опустился на пол, прислонившись спиной к стене, и погрузился в раздумья.

Нельзя тут просто беспомощно сидеть! Надо найти какой-то способ повидать ее снова.

Сонгён — единственная, кто поймет эту материнскую песенку, которая безостановочно проигрывалась у него в мозгу; она — единственная, кто может ее остановить. Он жаждал рассказать ей, и только ей, ту старую историю про себя и свою мать.

В тот день, когда Ли Бёндю совершил свое первое убийство на раскисшем от дождя дворе, первым делом он убедился, что мать действительно мертва, а потом всю ночь копал яму и похоронил ее. Кровь, окрасившую землю, бесследно смыл дождь.

Как и его появление на свет, смерть матери осталась никем не замеченной. Они держались обособленно, почти никак не контактируя с внешним миром. Во всяком случае, каких-то гостей ждать не приходилось.

Закопав мать во дворе, через несколько дней Ли Бёндю отправился в районный отдел полиции и заявил, что мать неожиданно ушла из дома. Давно уже дома не появлялась, сказал он. В полиции ему дали заполнить какие-то бумаги и задали несколько чисто формальных вопросов. Он спросил, будут ли они искать ее, и получил ответ, что не стоит тратить усилия на поиски того, кто ушел из дома по собственной воле. Велели лишь возвращаться домой и ждать — она, мол, человек взрослый и может еще вернуться, если никто ее к уходу не принуждал. Ушел он от них с мрачным видом, но по дороге домой весело насвистывал. Ну да, вернется она, как же! Мать, для начала, никуда и не уходила; она по-прежнему дома, в некотором роде.

Впервые в жизни можно было крепко спать, не дрожа от страха.

А ведь совсем недавно, припомнилось ему, при шарканье шагов или малейшем шорохе он немедленно вскакивал с постели — вдруг это она подкрадывается к нему с подушкой наготове? В том доме у сада сон к нему тоже не шел. Стоило только заснуть, как во сне тут же являлась мать — хватала за руку и пыталась утащить с собой. Он пытался вырваться, а она заталкивала его в глубокую ванну. Он много раз просыпался, чувствуя, что задыхается. Часто бродил по ночам среди яблонь, думая, что лучше не спать вообще.

Впервые поняв, как прекрасен может быть сон, после убийства он и на секунду не вспоминал о матери.

Через пару лет его вызвали в полицию с просьбой опознать какое-то тело — потрясенный, Ли Бёндю всю дорогу до отдела бежал бегом. Кто-то утонул в водохранилище, а когда его осушили, обнаружили там труп — наверное, утопленница подходила под данное им описание, которое приводилось в газетах. Он помотал головой, сказал, что это не его мать, и сделал гневный выговор полицейским, что те и пальцем о палец не ударили, чтобы найти ее.

По дороге домой он даже поймал себя на том, что прикидывает, куда мать могла податься. И хотя полностью стер ее из памяти, он лишь обманывал сам себя. У него в голове мать была по-прежнему жива-здоровая и напевала «Серебряный молоточек Максвелла» прямо ему в ухо, даже когда он крепко спал. Лишь по прошествии пятнадцати лет Бёндю это наконец осознал.

Он жил среди людей, трудился на новом заводе в своем районе и получал удовольствие от монотонной жизни между домом и работой. Работа была не бей лежачего. Время от времени ходил куда-нибудь с такими же работягами и даже встречался с девушками. Женщины всегда с

улыбками тянулись к нему, стоило им его завидеть. Всех привлекало его симпатичное добродушное лицо, но стоило им проявить хоть малейшую агрессию, как он сразу отдалялся от них. Ему было куда спокойней, когда женщин не было поблизости.

Видя, как Ли Бёндо ведет себя с женским полом, его товарищи по работе решили, что он слишком застенчив. Думали, что ему не хватает опыта. Наверное, они были правы. Ему не хотелось и пытаться найти с женщинами общий язык. Было бы вернее сказать, что он просто боялся их.

Как-то вечером, отправившись всей компанией после работы пошататься по району, они выпили по второй, по третьей, и он вдруг остался один. На улице вдали от городского центра было тихо, а после полуночи и практически безлюдно, вокруг — лишь сияние огней баров и клубов. Пошатываясь от выпитого, Ли Бёндо вдруг загудел себе под нос какую-то песенку, даже не сознавая этого.

«Бам-бам, молоточек Максвелла...»

Осознав, что за мотивчик он напевает, испуганно застыл на месте. И тут к нему, улыбнувшись, подошла какая-то женщина. Вот так он и начал вновь убивать...

Ли Бёндо неистово помотал головой. Нет смысла ворошить в памяти то, что произошло когда-то давным-давно.

Подумал про яблоко, которое дала ему Сонгён.

Та женщина в доме у сада обычно собирала большие, спелые яблоки, висящие на самом верху яблони, и совала ему прямо в руки. Это яблоко унесло его на двадцать лет назад. Он вновь оказался в том июньском саду. Увидел зеленые яблоки, покачивающиеся на ветру. Двух девочек постарше и одну совсем маленькую. Впервые в жизни на душе у него воцарился покой.

Вспоминая об этом, Ли Бёндо искренне верил, что сможет опять вернуться в те дни, если вновь увидит Сонгён. Он-то думал, что уже использовал единственный шанс в своей жизни. Но через двадцать лет перед ним замаячил еще один. Нельзя было упустить его. Сонгён обещала, что даст ему еще один шанс. Вышло бы только опять повидаться с ней!

Пепельные тучи, собиравшиеся с полудня, окрасили небо густой чернотой. Потом эти тучи, набухшие от дождя, начали налезать друг на друга, озаряясь яркими вспышками. Ветер был пропитан сыростью.

После встречи с сержантом Ю Сонгён возвращалась домой в настроении под стать погоде — столь же бесцветном и унылом.

Золотистый резиновый мячик, с которым обычно играл щенок, катался по двору; плакучая ива раскачивалась на ветру — листья, как взлохмаченные волосы. В гостиной было полутемно, во всем доме тихо. Свет в комнате Хаён на втором этаже не горел. Наверное, она еще не вернулась из школы.

То, что Сонгён недавно услышала, так до конца и не укладывалось в голове.

Ей не хотелось верить ни единому слову сержанта Ю. Он и сам признавал, что у него нет доказательств, что все это не более чем его собственные умозаключения. Но, припоминая самый первый день Хаён в доме, Сонгён просто не могла полностью отместить то, что он говорил.

Хаён ни разу не упомянула про бабушку с дедушкой с тех самых пор, как переехала жить к Сонгён и Джесону после пожара. Этот факт даже не приходил Сонгён в голову, пока сержант Ю не указал на него. Она была убеждена, что Хаён сознательно пытается не думать о них, поскольку это слишком для нее тяжело.

Однако, учитывая то, что девочка спаслась из ужасного пожара, все-таки было непохоже, чтобы она испытывала такой уж сильный стресс. Быстро приспособилась к жизни с отцом, словно только и ждала подходящего случая.

«Неужели она и вправду устроила пожар?» — терялась в догадках Сонгён.

И это был не просто пожар. Сержант Ю выдвинул даже еще более страшную версию.

Перед тем как загорелся дом, бабушка и дедушка Хаён были отравлены. Кто мог отравить пожилую пару и устроить пожар? В голове сам собой возникал страшный ответ, и Сонгён каждый раз решительно мотала головой. Ничто не доказано. Не надо делать поспешные выводы. И жаль, что сейчас рядом нет Джесона.

Домой он вернется лишь как минимум через десять дней. До этого они с Хаён остаются одни. Это время словно душило ее, стискивало свои

пальцы у нее на шее.

По двору пролетел порыв ветра. Со стуком посыпались капли дождя. Пospешив к двери, Сонгён вдруг споткнулась о резиновый мячик. Подобрала его, подумав про щенка. Нет, это совершенно исключено. Ребенок, который с таким восторгом возится со щенком, просто не способен на что-то настолько ужасное! Однако чем больше она пыталась отрицать услышанное, тем настойчивей в голову лезли неудобные мысли.

Прикусив губу, Сонгён слегка сжала мячик в руке и бросила его под ноги. Едва она вошла в дом, как глаза сами собой нацелились на лестницу, ведущую на второй этаж. Сонгён все колебалась — стоит ли двигаться навстречу неизвестности, рискуя наткнуться на то, что ей и в голову не могло прийти. Но, после некоторого промедления, все-таки поднялась в комнату Хаён.

* * *

Едва Сонгён открыла дверь, как щенок радостно метнулся ей навстречу. Подхватив его, она зашла в комнату. Огляделась, не зная, что хочет здесь найти.

Вокруг царил образцовый порядок. Учебники и прочие школьные принадлежности лежали на письменном столе в строго отведенных местах — Хаён явно была девочкой опрятной и организованной. Сонгён выдвинула ящик стола. Блокнотики, записные книжки, всякие канцелярские мелочи — все разложено по ранжиру.

Щенок у нее на руках недовольно взвизгнул — наверное, она его неловко придавила. Опустив кутенка на пол, Сонгён открыла гардероб. Различные предметы одежды были аккуратно развешаны на плечиках. Проведя по ним рукой, она плотно закрыла дверцу.

Вдруг припомнилось, как она шлепнула Хаён по щеке. Не исключено, что слова сержанта Ю просто сбили ее с толку. У Хаён наверняка есть какое-то объяснение, о котором ей неизвестно.

Она сделает вид, что ничего не знает. Не станет нарушать покой в семье из-за предположений какого-то постороннего человека. Придя к этой мысли, Сонгён уже не могла оставаться в комнате. Взялась уже за дверную ручку, чтобы открыть дверь, когда вдруг услышала откуда-то жалобное повизгивание щенка. Обернувшись, оглядела комнату.

Щенок, поскуливая, скреб лапами одну из сторон комода. Похоже, какой-то запах изнутри привлек его внимание. Совать нос еще и в комод не хотелось, и она некоторое время просто смотрела на него. А потом, наконец решившись, выдвинула нижний ящик.

Внутри лежало дополнительное одеяло.

Сонгён помимо воли облегченно выдохнула. Щенок заскулил еще пуще. Собравшись уже задвинуть ящик на место, она все-таки осторожно приподняла одеяло. Под ним обнаружилась маленькая коробочка, которая сразу породила у нее зловещее чувство. Из нее вроде как исходил слабый неприятный душок.

Она и так зашла слишком далеко. Поздно поворачивать назад. Коробочка была размером с упаковку бумажных салфеток. Нетяжелая. Осторожно открыв крышку, потрясенная Сонгён едва ее не выронила.

Содержимое коробочки рассыпалось по всей комнате. При виде его Сонгён пришла в ужас. Просто не могла поверить собственным глазам. Внутри оказалось несколько окоченевших мертвых птичек; у некоторых были выдернуты перья, а животики вскрыты. Здесь же лежал и окровавленный перочинный ножик, которым наверняка их и резали.

У Сонгён кровь застыла в жилах.

Сразу припомнилось, как в тот день, когда она занималась переводом Хаён в новую школу, та пыталась выхватить птичку из клетки на ребячьей «ферме».

А теперь Сонгён живо представила, как Хаён пытается пырнуть этим перочинным ножиком кошку. Девочка присоединилась к остальным детям, прекрасно зная, кто таскает птиц, но изображая полное неведение. Наверняка ей было просто любопытно, что они собираются делать. Что бы произошло, если б кто-то из ребят не дрогнул, позволив кошке удрать?

Лишь от одной мысли об этом волосы у Сонгён встали дыбом.

Она быстро подхватила щенка, который уже обнюхивал мертвых птичек на полу. Достала несколько салфеток, подобрала крошечные трупики и сложила их обратно в коробку. О чем только в этот момент не думалось! Утерев лоб, она без сил рухнула на кровать.

Пребывающий в блаженном неведении щенок запрыгнул ей на колени. Прижав его к себе и машинально поглаживая, Сонгён ломала голову, что можно сейчас предпринять. В итоге пока что решила просто дожидаться возвращения Хаён из школы.

Еще несколько секунд она бездумно смотрела в пол, а потом накрыла крышкой коробку с птицами, погибшими мучительной смертью.

* * *

Сонгён сидела в гостиной, глубоко погружившись в собственные мысли и не сознавая, что за окном всюду льет дождь. Она даже не заметила, как в дом вошла промокшая Хаён. Пришла в себя только тогда, когда девочка

окликнула ее с порога. Увидев ее, Сонгён наконец посмотрела за окно.

— О, а я и не знала, что так поливает, — сказала она.

— Не дадите мне полотенце? — попросила Хаён.

— Ах да... сейчас, — отозвалась Сонгён, наконец поднимаясь на ноги после того, как несколько секунд просидела в оцепенении, глядя на мокрую Хаён. Все тело казалось скованным и неловким, а голову словно набили каким-то скомканным мусором.

Она сразу принесла из ванной большое полотенце, вытерла Хаён волосы, руки и ноги. Та просто насквозь промокла, и ее надо было срочно переодеть. Тело девочки было совсем холодным — должно быть, она долго пробыла под дождем. Маленькие плечики дрожали.

— Почему ты не позвонила мне из школы? — спросила Сонгён.

— Да все нормально; я люблю, когда дождь, — отозвалась Хаён.

— Иди в ванную и прими горячий душ. Я принесу тебе во что переодеться.

— Нет, я сама, — сказала Хаён и, не дожидаясь возражений, устремилась к лестнице. С нее все еще капало.

Пока Хаён принимала душ, Сонгён вскипятила воду. Приготовила горячее молоко и пирожное с шоколадным муссом. После душа щеки Хаён порозовели. Сама Сонгён тоже почувствовала себя малость получше. Войдя в кухню и увидев лежащее на тарелке лакомство, девочка крепко обняла ее сзади, прижавшись к спине.

Сонгён затаила дыхание. Едва удержалась, чтобы не оттолкнуть ее прочь.

Усевшись, Хаён принялась рассказывать ей про свою прогулку под дождем. Весело щебетала, и вид у нее был самый что ни на есть довольный. В другой ситуации Сонгён охотно поддержала бы разговор. Но сделала вид, что полностью поглощена уборкой тарелок, избегая взгляда Хаён.

— А вы какую погоду любите? — спросила та.

— Я-то? Солнечную, весеннюю, наверное, — отозвалась Сонгён, даже не думая об этом. Ей хотелось, чтобы девочка поскорей расправилась с едой и убралась к себе наверх. Не хотелось сидеть с ней лицом к лицу и делать вид, будто ничего не случилось, да Сонгён и не думала, что это у нее выйдет. Ей требовалось какое-то время, чтобы взять себя в руки.

Хаён была на удивление разговорчива. Все болтала без умолку обо всяких школьных событиях, рассказывала в подробностях, как ухаживала с ребятами за грядками на огороде... Буквально все, что она говорила, действовало Сонгён на нервы. Недавно учительница девочки прислала ей

эсэмэску, обеспокоенная тем, что другие дети избегают ее после происшествия с кошкой. И вот вам Хаён: врет на голубом глазу, хотя так легко поймать ее на вранье, если проявить хоть капельку внимательности... Это все для того, чтобы показать, что у нее нет никаких проблем в школе, подумала Сонгён, или по какой-то другой причине?

Заметив, что Сонгён ведет себя не так, как обычно, Хаён умолкла на полуслове и посмотрела на нее.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Э-э... гм... что-то голова разболелась, — ответила Сонгён. В висках и вправду начинало тупо пульсировать. Нет — все тело начинало пульсировать.

— Сильно болит? — поинтересовалась Хаён.

— Нет, надо просто принять таблетку и немного вздремнуть, и все будет в порядке, — отозвалась Сонгён.

Хаён просто продолжала сидеть, прищурившись и пытаясь что-то прочесть по ее лицу.

Вдруг за окном полыхнула молния. Вскоре загрохотало. Даже Хаён, которая уверяла, что любит дождливую погоду, вздрогнула и перевела взгляд за окно. Глядя на то, как дождевые капли бьют в стекло, она тихо прошептала:

— Почти как в тот день, когда умерла моя мама.

Сонгён вдруг встревожилась.

— Была гроза, прямо как сейчас, — мрачным тоном добавила Хаён. Напоминание о матери, видимо, испортило ей настроение. Похоже, пропал и аппетит — положив вилку, девочка направилась в свою комнату.

А Сонгён двинулась в свою собственную спальню. Тело казалось каким-то тяжелым, и она едва поднялась из-за стола. Приложила ладонь ко лбу — он был горячим. Видимо, простудилась.

Приняв лекарство от простуды, вытащенное из шкафчика, Сонгён легла на кровать. Голова раскалывалась. Мысли ее постоянно возвращались ко второму этажу, но в доме было тихо — слышались лишь шум ливня и потрескивание оконных стекол, на которые наваливался ветер.

Когда лекарство подействовало, Сонгён незаметно для себя задремала.

27

У себя в комнате Хаён ненадолго выглянула за окно, а потом забралась на кровать. Промелькнула яркая вспышка, и почти сразу же задребезжало оконное стекло. Спрятавшись под одеяло, девочка крепко зажмурилась.

Здесь ее страх немного поутих.

Причина, по которой после возвращения домой Хаён все продолжала что-то рассказывать Сонгён, была в том, что она не хотела оставаться одна.

Всю дорогу домой, бредя под дождем, девочка испытывала странное чувство — будто кто-то втихомолку крадется за ней. Хотела обернуться и посмотреть, но так и не смогла. Боялась, что если обернется и посмотрит, то увидит у себя за спиной свою мертвую мать.

Вчера вечером папа приходил к ней в комнату поговорить.

Сказал, что на десять дней уезжает в командировку, и пожелал хорошо провести время с Сонгён. Хаён тогда послушно кивнула. Поначалу она невзлюбила новую папину жену. Мама всегда говорила ей, что она нехорошая женщина, что эта эгоистичная дрянь, которой нравится рушить чужие семьи, увела папу. Но со временем Хаён поняла, что мама говорила неправду. Папа выглядел гораздо более счастливым с Сонгён, чем с мамой. Сонгён не орала, не пила, не ругалась плохими словами. Да, она шлепнула ее по щеке, но вообще-то было совсем не больно. А потом даже извинилась. Мама никогда ни за что не извинялась.

Хаён сначала представлялось странным, что папа постоянно заставлял ее обещать во всем слушаться Сонгён. Уж не из-за того ли, что та недолюбливает ее? Казалось, как раз по этой причине отец велит ей вести себя тихо. Но нет, вроде это не так. Теперь Сонгён все время ласково обнимает ее. В ее объятиях Хаён хочется закрыть глаза и уснуть. В них так уютно... Ее мама не любила обнимашек. Обнимала ее только тогда, когда кто-то еще находился поблизости.

После того как отец спустился вниз, Хаён еще долго лежала на кровати, думая про маму и про Сонгён. А потом незаметно уснула. И во сне встретила свою мать. Мама была очень зла. Прямо как в тот день.

«Зови своего отца, быстро!»

Хаён заткнула уши, но все равно слышала пронзительный голос матери. Та схватила ее за руку и вывернула, и Хаён открыла глаза от боли. Почувствовала облегчение, поняв, что это был всего лишь сон.

Опять полыхнула молния. Лил дождь, задувал ветер. В такие дни маме еще больше хотелось увидеть отца. А Хаён хотелось перестать думать о ней.

«Она умерла. Она умерла, так что прекрати вспоминать о ней», — мысленно приказала она себе.

Однако в такие дни Хаён все равно боялась, что мама вдруг появится откуда-то из ниоткуда и начнет на нее орать. Девочка вскочила с кровати, прихватив подушку. Казалось, что спать в объятиях Сонгён будет не

страшно, даже если вдруг появится мама. Она уже двинулась к выходу из комнаты, когда вдруг запнулась о щенка.

Напуганный, тот спрятался под кровать и не появлялся оттуда, сколько бы она его ни звала. В конце концов Хаён полезла рукой под кровать. И рука на что-то наткнулась — на что-то липкое.

Это оказалось птичье перо. Посмотрев на него, Хаён тут же выдвинула ящик комода. Приподняла сложенное одеяло — коробочки под ним не было. И она сразу поняла, кто ее взял. Губы ее скривились. Она всегда кривила губы, когда злилась.

Надо было пойти потребовать ответа. Но сначала она решила все-таки достать щенка из-под кровати. Это, видать, как раз он подсказал Сонгён про коробочку. Вообще-то это был их общий секрет — только ее и его. Щенок, видать, почуял, что сделал что-то не то, раз уж так прячется.

Щенок, который не умеет хранить секреты, должен быть наказан.

Наконец ее рука ухватила щенка. Хаён выволокла его из-под кровати и посмотрела прямо в глаза. Держа в руке отбивающегося щенка, стала искать маленькую коричневую бутылочку, которую запрятала как можно глубже...

* * *

Сонгён находилась в каком-то то ли дворце, то ли огромном особняке. На ней было черное платье, и она шла по бесконечно длинному коридору с высоченным потолком, методично заглядывая в открытые комнаты по бокам, высматривая кого-то.

Кто-то стоял в солнечном свете в самом конце коридора, и Сонгён сломя голову бросилась туда. И едва поняла, что там стоит Хаён, как девочка убежала в другую комнату, словно играя в прятки. Ее залиvistый смех звенел в пустом пространстве, отдаваясь от потолка.

Сонгён захотелось заткнуть уши. Пока она пыталась убежать от этого смеха, прямо перед ней откуда-то из-под потолка упала веревка. На конце ее болталась удавка, словно говоря, что Сонгён нужно повеситься на ней. Перепугавшись до смерти, та оттолкнула веревку и бросилась бежать дальше. Завернула за угол и заметила дверь в самом конце тупика.

Открыла ее и увидела, что Хаён уже стоит там, протягивая ей пригоршню таблеток от простуды. Сонгён отрицательно замотала головой, и Хаён, вдруг взъярившись, накинулась на нее, словно пытаясь впихнуть в нее эти таблетки силой.

Кое-как стряхнув тянущиеся к лицу руки, Сонгён изо всех сил оттолкнула ее. Широко раскрыв глаза от удивления, Хаён полетела куда-то

вниз, размахивая руками в воздухе. Встав возле перил, Сонгён в ужасе бросила взгляд вниз и увидела, что девочка лежит прямо перед ней на полу, неестественно вывернув ноги. При этом она что-то кричала и все пыталась дотянуться до нее.

И тут вдруг руки у Хаён почему-то стали вытягиваться все дальше и дальше, и вот наконец вцепились ей в шею. От тепла ее кожи Сонгён прошиб ледяной озноб.

Сонгён резко открыла глаза. Все тело буквально пропиталось потом. Это был всего лишь сон, но она по-прежнему чувствовала, как маленькие ручки Хаён смыкаются у нее на горле. Потрогала себя за шею. Ничего там не было, естественно.

И в этот момент увидела стоящую рядом Хаён. Все тело моментально покрылось гусиной кожей. Похоже, что прикосновение этих маленьких ручек отнюдь не было сном.

— В чем дело? — резко спросила Сонгён.

Хаён держала в руках подушку. Наверное, она просто спустилась сюда, чтобы не оставаться одной в грозу. Девочка протянула руку. Пощупала лоб Сонгён, а потом свой собственный.

— У вас горячее, — сказала она.

— Да, я неважно себя чувствую. Не поднимешься к себе в комнату? — произнесла Сонгён.

— Нет, я лучше останусь тут.

Сонгён хотелось держать глаза открытыми, но из-за таблеток она чувствовала сильную сонливость. Опять впала в глубокое забытие. Даже не осознала, как Хаён проскользнула в постель рядом с ней и крепко обхватила ее обеими руками за талию.

28

По темнеющему небу то и дело проскакивали яркие искры; налетел неистовый порыв ветра, и с неба обрушился мощный ливень.

Ли Бёндо рвал на себе волосы — песенка опять безостановочно гудела у него в голове. Никуда от нее не деться, даже если выдолбить мозг из черепа! Ноты, несущие боль, за всю его жизнь глубоко врзались в каждую клеточку его тела.

«Она хватала меня за горло и прижимала ко дну ванны, — подумал он. — Я видел ее искаженное лицо сквозь поверхность плещущейся в ванне воды. У нее был такой горестный вид, словно она плакала и смеялась одновременно, и я тоже плакал, хлебнув воды. А может, я плакал из-за

страшной боли в легких — казалось, что они вот-вот лопнут».

Ли Бёндо продолжал проигрывать эту сцену у себя в голове.

«Ее глаза направлены на меня, но она не смотрит на меня. Наверное, потому что видит какие-то его следы в моем лице. Я никогда и слова от нее не слышал про своего отца. И у меня хватало ума не спрашивать.

Хотя нет, один раз, всего лишь раз, она все-таки упомянула про него. Сказала, что он заслуживал смерти.

Сказала, даже не произнеся слова “отец”. Вот тогда-то я впервые и узнал. Узнал, что стал плодом мужского насилия. Тогда я даже не понимал, что это означает, но мог предположить, видя выражение ее лица, что это нечто ужасное, обидное, жестокое.

“Лучше бы ты никогда не родился! Я думаю об этом каждый раз, когда вижу тебя!”

Мать орала от ярости и обиды, которые не проходили, даже когда она заталкивала меня головой в ванну, подумал Ли Бёндо. Почему тогда она меня просто не убила? Или не избавилась от меня, когда я еще не родился — и никому из нас не пришлось бы проходить через всю эту боль...»

Грохот и вспышки света теперь обрушивались на тюрьму практически одновременно. Молнии, казалось, били уже прямо в крышу.

При виде ослепительного света Ли Бёндо подумал, что больше не в силах так и оставаться в тюрьме. Бросил взгляд на камеру наблюдения в углу.

«Они, наверное, сейчас видят меня на мониторе», — подумал он и посмотрел на кандалы, сковывающие ему руки и ноги. Ему давно хотелось со всем покончить, пусть даже такой ценой. И, оказавшись в тюрьме, на какое-то время он уверился, что все уже и вправду позади.

Чем больше он убивал, тем бóльшую пустоту чувствовал. Он убивал, чтобы выгнать эту чертову песенку из головы, но она всегда возвращалась. Не вернулась она лишь тогда, когда он совершил двадцатое по счету убийство. Но теперь совсем другое терзало его.

С самого начала дело было вовсе не в песенке.

После убийства своей матери он вел самую обыкновенную жизнь. А когда опять начал убивать, то понял.

«Отныне я буду лихорадочно рыскать по улицам по ночам, — подумалось тогда. — Едва увидев подходящую женщину, начну искать способ добраться до нее и представлять себе, как убиваю. А потом в один прекрасный день все-таки убью ее, жаждая крови, как алкаши, которые ходят по барам, жаждут спиртного. Мои руки и так уже все в крови. Ноги тоже. Все это время я... я просто искал оправдания, чтобы убивать.

Когда я в тот раз пришел в себя, то душил женщину, напевая ту песенку. Это так во мне ожила моя мать. Я-то думал, что убиваю людей, чтобы заставить эту песенку умолкнуть, но теперь я понял. Я продолжаю убивать, потому что хочу услышать ее снова.

Я убил свою мать не потому, что ненавижу ее. Я отчаянно хотел, чтобы она любила меня. Я настолько жаждал любви, что заревновал, увидев, как она оказывает даже малейшие знаки внимания какой-то шелудивой кошке.

Я тоже желал ее внимания и любви. Хотел чувствовать тепло ее руки, глядящей меня по голове. Хотел засыпать в ее объятиях, слушая, как она поет мне колыбельную.

Моя душа всегда была как изъеденный червями древесный лист — повсюду дыры. И стоило мне ощутить продувающий сквозь эти дыры ветер, как я убивал. Но убийства не заполняли пустоты.

Так что все еще далеко не кончено».

Пустота заполнится, подумал Ли Бэндо, если он опять увидит Сонгён. Она заставит эту пустоту, разъедающую ему душу, уйти прочь. Только б еще разок повидаться с ней!

Глядя на камеру в углу, он погрузился в размышления.

Как пробиться сквозь эти неприступные стены и увидеть ее вновь? После самоубийства одного из заключенных количество охранников увеличили до крайнего предела. Осужденному к высшей мере преступнику вырваться отсюда совершенно нереально, если он только не мертв.

Опять вспышка, опять оглушительный раскат грома. Ливень все так и лил без передышки. Казалось, что буря готова снести мир ко всем чертям.

«Вот он, ответ», — подумал Ли Бэндо. И начал готовиться прокладывать себе путь на свободу.

* * *

Охранник, наблюдавший за мониторами в дежурке, вскочил на ноги как ужаленный. Другой, дремавший в кресле, вытянув ноги, удивленно открыл глаза.

— Что такое? — спросонья спросил он.

— Этот... этот чокнутый сукин сын перерезал себе глотку!

Потрясенный охранник подобрал под себя ноги и глянул на мониторы. Большинство остальных смертников лежали на своих койках. Только камера Ли Бэндо выглядела по-другому.

Стоя в самом ее центре, тот смотрел прямо в объектив, словно хотел, чтобы его было лучше видно. Похоже, был не в себе — зубы оскалены, на губах кривая ухмылка. С шеи у него капала густая темная кровь,

скатываясь по тюремной робе и лужей собираясь на полу. Его нельзя было оставить с таким кровотечением. Он мог умереть в любую секунду.

— Звони начальнику! Объявляй тревогу!

Начальник охраны, который сразу же ответил на звонок, приказал охранникам немедленно отправляться в камеру, взяв с собой тюремного фельдшера, и срочно доставить Ли Бёндю в больницу, если ситуация действительно критическая. Голос его дрожал от ярости.

Дежурный фельдшер, приняв вызов охраны, прибежал почти сразу же, и все моментально помчались в блок осужденных на смертную казнь. Резко распахнув дверь, ворвались в камеру. Ли Бёндю лежал на полу, стискивая руками шею. Пол был скользким от крови.

Фельдшер быстро наклонился, чтобы осмотреть ему шею, но тот не давал — лишь стонал, корчась от боли. Медик попытался оторвать его руки от шеи, чтобы осмотреть рану и остановить кровь, но без толку.

— У него сильное кровотечение. Он может умереть, если задета сонная артерия. Нужно срочно переправить его в больницу, — сказал фельдшер охранникам. Те немного помедлили, пребывая в нерешительности, но в конце концов достали ключи и открыли ручные и ножные кандалы Ли Бёндю.

— Пусть скорую запустят на территорию. И позвони начальнику, — распорядился старший смены охранников, обращаясь к своему подчиненному.

Вскоре под проливным дождем из приписанной к тюрьме ближайшей больницы прибыла скорая помощь.

Ли Бёндю положили на каталку, которую принесли с собой медики со скорой, и подкатили к распахнутым задним дверям машины. Вслед за сложенной каталкой внутрь залезли два охранника. В большой спешке скорая по поливаемым дождем улицам понеслась в больницу.

29

Открыв глаза, Сонгён увидела рядом с собой спящую девочку.

Она невольно поежилась и перевернулась на другой бок. Не могла заставить себя посмотреть в лицо Хаён, словно ровным счетом ничего не произошло. В этот момент сверкнула молния, и лампа на ночном столике тут же погасла. Похоже, молния ударила где-то совсем рядом, нарушив электроснабжение.

Хаён пошарила вокруг себя руками, после чего крепко вцепилась Сонгён в запястье, пугаясь даже во сне.

Сонгён хотелось стряхнуть с рук эти маленькие пальчики. Хотелось прикрикнуть на Хаён, чтобы убрала руки, чтобы вообще к ней не прикасалась! Но она не смогла. Опять перевернулась и обхватила голову девочки обеими руками. Лоб у той был горячий, как и все тело. От ее волос, мокрых от пота, руки Сонгён стали влажными. Почмокав губами, спящая девочка что-то неразборчиво пробормотала. Вроде как пыталась сказать, что ей страшно.

— Не бойся. Свет скоро включат, — негромко проговорила Сонгён. Но электричества так и не дали, даже через некоторое время.

Сонгён испытывала невероятно запутанные чувства по отношению к девочке.

Она припомнила свой короткий сон. Подумала о Хаён из сна, пытавшейся всучить ей лекарство. Скорее всего, это услышанное от сержанта Ю породило столь странный сон. И благодаря этому сну один из ее вопросов разрешился. Яд. Она отказывалась верить сержанту Ю, думая, что ребенок никак не мог раздобыть какую-то отраву. Но ответ оказался очень простым.

Мать Хаён приняла какие-то таблетки, чтобы покончить с собой. А что, если Хаён нашла их и до поры до времени припрятала? Это ничуть не исключено. Сонгён все больше и больше склонялась к выводам сержанта Ю.

Хаён все спала, поверхностно и часто дыша. Ее щеки, все еще по-детски пухленькие, были такими милыми, что Сонгён хотелось ущипнуть их. Хаён, видимо, что-то снилось, поскольку она то и дело насупливала брови и что-то жалобно бормотала. Вот забормотала опять. Сонгён погладила ее по спине, и Хаён вновь погрузилась в глубокий сон.

Глядя на девочку, Сонгён чувствовала себя так, будто в душе у нее бушует такая же буря, что и за окном.

Слушать Ли Бёндю и изучать язвы в его сознании — это не то же самое, что видеть перед собой разбитое сердце Хаён.

Ли Бёндю — это совершенно посторонний для нее человек, часть ее работы. Как только работа закончена, уже нет смысла и в дальнейшем контакте с ним. Но Хаён — дочь Джесона, которую она согласилась взять к себе жить. Хаён — это не работа. Она — часть повседневной жизни Сонгён, та, с кем она спит и ест в одном доме, кого видит перед собой каждый день.

И если Ли Бёндю — это темная душа, глубоко провалившаяся в какую-то бездонную яму, то у Хаён по-прежнему есть шанс. Шанс избавиться от своих загноившихся ран и жить нормальной человеческой жизнью, как все

остальные люди — если в самое ближайшее время все наладится.

Сонгён погладила девочку по щеке, размышляя, насколько глубоко тень последних событий зачернила ее душу. Даже если эти шрамы останутся навсегда, Сонгён верила, что все может измениться — смотря сколько ран удастся исцелить. Сонгён считала себя оптимисткой. Верила, что всегда остается надежда, что бы ни случилось. Верила, что не безнадежна и Хаён.

Но так ли это? У нее начинали возникать серьезные сомнения. Мысли, не поздно ли.

Это же кем надо быть, чтобы больше года хранить отраву, которая убила ее мать, а потом дать ее своим бабушке с дедушкой и поджечь дом, дабы скрыть содеянное? Такая хладнокровная расчетливая жестокость больше под стать разве что закоренелым преступникам вроде Ли Бёндю. Это не то, чего ждешь от одиннадцатилетнего ребенка с большущими глазами и щечками-персиками, все еще пухлыми от щенячьего жирка.

Что творится у Хаён в сердце?

Сонгён припомнила лицо Хаён, когда та угрожающе воздела над ней ножницы. Тогда она впервые ее испугалась. В сердце девочки таилось то, чего было невозможно даже представить. Да, возраст не имеет значения.

После сна под действием лекарства левая сторона головы у Сонгён жутко болела. Бросив взгляд на часы, она увидела, что уже половина второго ночи. Ей не хотелось оставаться в постели рядом с Хаён. Заснуть по новой рядом с ней будет непросто. Сонгён тихонько встала и вышла из спальни.

30

Начальник охраны, которому сразу сообщили, куда повезут пострадавшего заключенного, стоял у входа в приемный покой больницы. Вид у него, насквозь промокшего под дождем, был довольно жалкий.

Нахмурившись, он следил, как носилки с Ли Бёндю выносят из скорой. Тюремная роба у того была вся в крови, лицо тоже.

Переложив Ли Бёндю на поджидающую его больничную каталку, его завезли внутрь.

— Что, черт возьми, произошло? Почему он в таком виде? — накинулся начальник на одного из охранников, вылезавшего из скорой.

— Точно не знаю. Я только увидел на мониторе, как он чем-то полоснул себя по горлу, — ответил тот.

Сильно потеряв лицо ладонями, начальник охраны испустил тяжкий

вздых.

— Он просто хочет нам напакостить. Какого черта он это сделал, когда совсем недавно у нас уже было самоубийство? — спросил он.

Пока непонятно, сколько крови потерял Ли Бёндю, но если тот и впрямь перерезал себе горло, то хорошего не жди.

Новые заморочки были сейчас начальнику совсем ни к чему.

Ведь совсем недавно его буквально загоняли в хвост и в гриву, разбираясь с причинами самоубийства Сона Кичхоля. Если всем станет известно, что нечто подобное случилось опять, то на сей раз всю полноту ответственности возложат только на него и отправят в отставку. Ли Бёндю надо обязательно вернуть к жизни.

Проглотив готовые сорваться с языка ругательства, начальник охраны зашел в приемный покой.

Ли Бёндю уже отвезли в операционную, где переливали кровь и зашивали рану. Хирурги сообщили начальнику, что, к счастью, порез не затронул артерию и что состояние пациента остается стабильным. Оказалось, что потеря крови была вызвана в основном раной на голове, а не порезом на шее. В общем, начальник охраны наконец-то мог немного расслабиться.

После операции Ли Бёндю отправили в охраняемую палату. Посмотрев, как продолжается переливание крови и как преступник спит, размеренно дыша, начальник глянул на часы и зевнул.

Ему хотелось просто придушить поганца, припомнив, как пришлось проснуться посреди ночи и под проливным дождем сломя голову мчаться на машине в больницу. Как бы не заболеть теперь... Подумав, что Ли Бёндю обязательно оплатит ему за весь этот переполох, начальник вышел из палаты, оставив на посту двух приехавших с ним охранников — одного в палате, другого в коридоре. С порезом на шее и такой потерей крови Ли Бёндю было трудно даже просто встать. О побеге не могло быть и речи.

Однако, уже дома, в постели, пытаясь наверстать упущенный сон, начальник никак не мог избавиться от дурного предчувствия.

С самого первого дня в тюрьме Ли Бёндю постоянно действовал ему на нервы. Он был в точности как Ю Ёнчоль, который желал особого с собой обращения. Регулярно создавал проблемы, выдвигая совершенно непомерные требования, и раздражал охранников, строча жалобу за жалобой.

Потом припомнилась та женщина, криминальный психолог.

Размышляя об этом, начальник охраны осознал, что Ли Бёндю заметно изменился после бесед с ней. В камере вел себя тихо — наверное, потому

что нашел себе новую игрушку. Однако потом стал заметно более беспокойным. А когда выяснил, что она больше не придет, это его беспокойство и вовсе зашкалило. Попытка самоубийства вполне могла иметь какое-то отношение к ней.

«Ну что он в ней такого нашел? Неужели ему и вправду так невыносимо не видеть ее?» — терялся в догадках начальник охраны.

Ему никогда не нравилась вся эта затея с беседами, которая изначально принадлежала Ли Бёндю. Он никак не мог понять, почему стольким людям пришлось приспособливаться к его требованиям — к тому, что тот мог быть опрошен, только когда сам того пожелает. И на черта этим психологам вообще приспичило копаться в мозгах всяких отбросов общества?

Ли Бёндю хотел видеть Ли Сонгён, и никого другого.

Даже в тюрьме тот мог позволить себе общаться только с теми, с кем пожелает и когда пожелает! Эта женщина вроде не знала, почему он выбрал именно ее. И ничто не подсказывало, что такого Ли Бёндю хотел извлечь из этих бесед, но наверняка что-то исключительно в свою пользу. Может, хотел просто потешить свое самолюбие. Хотя эта тетка-психолог вроде не из тех, кем так уж легко вертеть...

Начальника тогда искренне поразило, как легко она отказалась от Ли Бёндю и прекратила встречаться с ним. Похоже, что тот испытал при этом такое же сильное потрясение, как и когда его приговорили к смерти. Чувство потери и отчаяние от невозможности увидеться с ней заставили его решиться на самый крайний шаг. Это и в самом деле конец?

Как раз это-то и вызывало у начальника охраны самую большую тревогу. Кто знает, что сейчас еще способен отмочить Ли Бёндю? Мысли следовали одна за другой, и сон ускользал от него. Беспокойство выросло настолько, что он уже не мог лежать в постели и в конце концов встал, подумав, что лучше вернуться в больницу.

И в этот момент зазвонил телефон. Звонил один из оставленных им там охранников. Тот сообщил, что Ли Бёндю исчез. То, о чем с ужасом думал начальник охраны, свершилось. Он почувствовал, что любые надежды оставили его.

В конце концов немного придя в себя, начальник засыпал охранника вопросами вперемешку с ругательствами.

Как это Ли Бёндю ухитрился сбежать в таком состоянии?

Для Ли Бёндо найти адрес Сонгён оказалось раз плюнуть.

Стоя перед ее домом, он огляделся по сторонам. В переулке в столь поздний час, да еще в такой мощный ливень с сильным ветром — ни единой души. Ли Бёндо быстро перепрыгнул через забор у ворот. Порез на шее жгло, но вполне терпимо. Пока он душил охранника трубкой от капельницы, показалось, что зашитая рана вот-вот откроется опять. Стоит еще чуть сильнее поднапрячься, и кровь вновь польется по шее.

За время своего пребывания в тюрьме Ли Бёндо узнал для себя много всего полезного. Те, кто попал сюда раньше его, научили, как узнать чей-то адрес, как сделать вид, будто ты истекаешь кровью, хотя рана совсем неглубока...

В шагах его не было никакой неуверенности, когда он пересекал двор.

Проливной дождь надежно заглушал все производимые им звуки. Подойдя к двери и взявшись за ручку, Ли Бёндо осторожно попробовал повернуть ее. Заперто. Переместившись вправо, подошел к окну. Сквозь занавески просачивался слабый свет. Свет слегка покачивался, перемещался — должно быть, свечка. Наконец он понял, почему не горят все уличные фонари. Это показалось ему добрым знаком.

Наверняка внутри кто-то есть, раз уж горит свеча.

Повернув обратно и обойдя вокруг дома, Ли Бёндо заметил маленькое окошко. Судя по подведенной рядом газовой трубе, это было окно кухни. Он осторожно подошел к нему и проверил, не открыта ли задняя дверь по соседству. Ручка повернулась, и он уже собрался потянуть за нее, когда увидел в окно, как кто-то входит в кухню.

Ли Бёндо быстро прижался к стене рядом с окном. Шаги изнутри звучали все ближе.

Послышалось позвякивание посуды, зажгли газовую конфорку. Слегка повернув голову и скосив глаза, он увидел стоящую перед плитой женщину. Это была Сонгён.

Она смотрела на чайник, стоящий на плите. Похоже, кипятила воду для кофе. Голубые язычки пламени освещали ее лицо в темноте. Она глубоко погрузилась в собственные мысли. Прядка волос упала ей на лицо, скрывая его из виду.

Ему захотелось протянуть руку и отбросить эту прядку в сторону. Захотелось выпить с ней кофе, который она приготовила, и поговорить о тех днях, которые ему довелось пережить. Ему так много хотелось ей

сказать, но она не пожелала слушать. Вдруг вспомнилось, как холодна она была с ним.

«Она соврала, когда сказала, что дает мне шанс. Она за это заплатит», — подумал он.

Ли Бёндо стал тихонько гудеть себе под нос ту песенку. Это начиналось опять. Но этот раз действительно будет последним.

Чайник засвистел. Сонгён, которая неотрывно смотрела на него, достала кофейную чашку и налила в нее кипяток. Она не знает, что он здесь. Он ей даже неинтересен.

Так было с самого начала. Ей всего лишь хотелось разузнать, как он убил тех женщин. Она-то делала вид, будто ее интересует совсем другое, но он сразу понял, что она водит его за нос. Вот потому-то так резко и оборвал ту первую беседу. У него на самом-то деле было не так уж много чего сказать. Он просто не хотел, чтобы она это поняла.

Он просто хотел увидеть ее лицо.

Хотел, чтобы она посмотрела на него с улыбкой. Хотел, чтобы она слушала, что он говорит, и прониклась его одиночеством. В тот момент, когда Сонгён поведала о своем самом раннем детском воспоминании, его ожидания разлетелись на куски. Ну почему все женщины, с которыми он встречался, начинали свою жизнь с таких тривиальных воспоминаний?!

Он-то надеялся, что Сонгён окажется другой... Думал, что она — та, кто более глубоко заглянет ему в душу. Верил, что, как та женщина из дома у сада, которая взяла к себе домой ребенка из больницы и без всяких слов усыновила его, хотя бы еще один человек во всем мире увидит пустоту у него внутри и посочувствует ему. Но она принесла ему лишь сплошные разочарования.

Ли Бёндо увидел, что она выходит из кухни с чашкой в руке. Проследил, в какую комнату она войдет. Даже после того, как дверь за ней закрылась, он немного выждал под дождем.

Осторожно двинулся опять, не сводя глаз с той двери за кухней.

Повернул дверную ручку и быстро прошмыгнул внутрь, опасаясь, что в открытую заднюю дверь проникнет шум дождя. Было темно, но глаза уже давно привыкли к темноте. Он мог смутно различать контуры предметов вокруг. Похоже, он оказался в каком-то подсобном помещении с водогрейным котлом и стиральной машиной.

Подхватив из бельевой корзины рядом со стиральной машиной полотенце, Ли Бёндо тщательно вытер промокшие волосы, смахнул дождевые капли с одежды. Вода лужей собралась у него под ногами.

Бросив полотенце обратно в корзину, он открыл дверь, соединяющую

подсобное помещение с остальным домом. Увидел кухню, в которой совсем недавно видел Сонгён.

Перешагнув порог, повернул голову, на миг заглянул в раковину, а потом пошел дальше.

На полке заметил набор кухонных ножей в деревянном блоке. Вполне сойдет. Вытащив несколько штук, проверил пальцем заточку и выбрал самый острый. Рукоять сама легла в руку, словно давно дожидалась его. Пальцы автоматически сомкнулись на ней.

Опять развернувшись, Ли Бёндю осторожно двинулся в сторону комнаты, в которой скрылась Сонгён.

* * *

Проснувшись, Хаён поняла, что осталась одна. Она лежала в полном одиночестве на широкой кровати. Приподнявшись, оглядела незнакомую комнату.

А где же Сонгён?

За окном качнулась черная тень. Подняв взгляд, Хаён бросила взгляд за окно. Испугалась было, но, опасливо присмотревшись, поняла, что это лишь тень от раскачивающихся веток.

Села и погрузилась в размышления.

Она помнила, как Сонгён смотрела на нее. У ребят, которые поймали кошку, было такое выражение на лицах, когда она занесла нож. Никто не разговаривал с ней после этого. Все ее избегали. Сонгён тоже отвернется, с холодным выражением на лице. В животе у Хаён похолодело. На душе было мутно. Поначалу она слушалась Сонгён только потому, что хотела жить с папой, но теперь хотела жить и с ней тоже. Но сама Сонгён больше не хотела жить с ней.

Нельзя было сейчас спросить у папы, что делать, потому что он уехал в командировку — вовремя, ничего не скажешь... Придется думать и решать самой.

Хаён никак не ожидала, что Сонгён про все узнает. А все из-за этого пожарного.

Когда она пришла в комнату Сонгён, чтобы лечь ей под бок, мобильник Сонгён коротко пискнул. Пришла эсэмэска. Сонгён вырубилась после лекарства. Думая, что эсэмэска может быть от папы, Хаён открыла телефон. Но слова на экране застали ее врасплох.

«Повторное расследование самоубийства Пак Ынджу подтверждает, что использовалось то же вещество, что и при пожаре в Ынам-дон. Ю Донсиг».

Сообщение было от того пожарного, имя которого осталось у нее на визитке. А Пак Ынджу звали ее мать. Хаён долго не могла отвести взгляд от экранчика телефона. Она не понимала, что все это значит, но казалось странным видеть на нем мамино имя. Тот пожарный, видимо, что-то разузнал про ее маму. И раз уж послал Сонгён эсэмэску об этом, то, судя по всему, теперь они оба знают секрет Хаён.

Удалив сообщение, она положила телефон обратно на столик.

«Что же теперь делать? Я твердо решила никому про это не рассказывать, даже папе, но теперь Сонгён все знает. Расскажет она ему? А что он скажет, если узнает, что я подожгла дом?» — лихорадочно размышляла Хаён, пытаясь представить, какой будет вид у папы в этот момент.

Она боялась, что он ужасно рассердится. В тот момент вообще ни о чем таком не хотелось думать. Для начала лучше бы еще немного поспать рядышком с Сонгён. Больше она тогда ни о чем не думала. А потом Сонгён застонала; вид у нее был совершенно несчастный. Хаён потрогала ей лоб. Горячий. Похоже, Сонгён сильно заболела. Когда она проснулась, Хаён осталась лежать у нее под боком, даже когда та велела ей идти к себе наверх.

Хаён опять заснула, а когда проснулась, Сонгён рядом уже не было.

Хаён очень боялась, что она уже звонит папе. Хотя телефон все еще лежал на ночном столике, так что, может, Сонгён вышла и не для того, чтобы позвонить...

«Это я сама должна ему все рассказать», — подумала Хаён и начала прикидывать, что она ему скажет.

Совершенно ясно: ему очень не понравится, что она подожгла дом бабушки с дедушкой. Вдобавок ко всему она сохранила то, что клятвенно пообещала ему выбросить. Он наверняка припомнит это и разозлится. Когда папа вернется из командировки, Сонгён точно ему настучит.

Сонгён известны слишком многие ее секреты. Она даже узнала про птиц, которых Хаён прятала в комод. Подумав об этом, она еще больше встревожилась. Ломала голову, что сейчас делает Сонгён.

Открыв дверь спальни, Хаён осторожно двинулась вглубь дома. Тихими шажками прокралась к двери кабинета. Наверное, она там, подумала Хаён. Прижалась ухом к двери и выждала, нет ли каких звуков. Услышав оттуда мужской голос, едва не ахнула. Папа никак не мог так быстро вернуться! «Кто же это может быть?» — терялась она в догадках. Вновь приложила ухо к двери, прислушалась.

Хаён просто сгорала от любопытства.

* * *

Крупная мужская ладонь крепко прихлопнула рот Сонгён.

Она сидела в кресле, потерявшись в собственных мыслях, и даже не слышала, как кто-то вошел. Незвестный стремительно кинулся к ней, крепко прижал к себе одной рукой, а второй заткнул рот, совершенно ее ошеломив. В руке, которой он прижимал ее к себе, был нож. По всему телу волной пробежал страх.

Неизвестный залез в дом, наверняка перебравшись через забор и воспользовавшись дождливой ночью. Каждая клеточка тела Сонгён будто застыла. А потом она услышала мужской голос. Знакомый голос.

— Я пришел к вам повидаться... потому что вы сами не горите желанием повидаться со мной, — слышалось из-за спины.

Ли Бёндю. Так вот это кто... На миг Сонгён почувствовала облегчение, что это кто-то знакомый, но тут же кровь застыла у нее в жилах.

Он сбежал из тюрьмы!

Совершенно непонятно, как ему удалось сбежать и добраться до ее дома, но дерзость этого поступка и то, что он и не думал скрываться, ясно намекали на его психическое состояние. Ли Бёндю пришел в этот переулок на своих двоих, без всяких колебаний, а это означало, что ему плевать, если он даже и погибнет, — ему нечего бояться.

Прижавшееся к ней тело было холодным и сырым — наверняка он долгое время пробыл под дождем. Сонгён ощутила, как покрывается гусиной кожей от его холодного прикосновения к ее щеке. Она постаралась расслабить мышцы, чтобы скрыть тот факт, что ее буквально колотит от страха, и выглядеть спокойной.

Ли Бёндю это почувствовал и немного ослабил хват.

— Обещайте не кричать, если я уберу от вас руки, — произнес он, дыша ей прямо в щеку. Их головы практически соприкасались.

Сонгён тихо кивнула, и он медленно отнял руку от ее рта.

— Может... и нож заодно уберете? Если вы только не явились сюда, чтобы меня убить, то есть, — произнесла она.

— Ну... это я пока не решил, — отозвался он.

Сонгён немного выждала, не произнося ни слова. На миг Ли Бёндю зарылся носом в ее волосы, втягивая в ноздри их запах, а потом отпустил ее.

Сонгён, сама не своя от напряжения, едва заметно выдохнула, повернулась и посмотрела на него. Он почесал в голове, а потом отступил на шаг и положил нож на угол стола.

Увидев, как его вдруг передернуло от холода, Сонгён передала ему рубашку Джесона со стула. Он отказался, покачав головой.

— Вы простудитесь, — сказала она, отчего Ли Бёндо коротко хохотнул. Он внимательно оглядел кабинет.

— Так это и есть... ваш мир? — спросил он.

Сонгён не смогла ответить — она не верила своим собственным глазам. Почему он стоит здесь, хотя должен сейчас спать в своей одиночной камере? Наверное, все это ей просто снится, сколько бы она над этим ни думала?

— Может, расскажете, что происходит? Как вы здесь оказались? — предложила она.

Ли Бёндо, который теперь разглядывал книги на полках, повернулся, чтобы посмотреть на нее, и улыбнулся.

— А это важно, где я? Для меня важнее то, что в данный момент я с вами, — отозвался он.

Сонгён подумала про начальника охраны. Это ведь как раз он больше всех прочих должен был желать, чтобы Ли Бёндо оставался на своем месте. Интересно, подумала она, знает ли он, что успело произойти.

— Наконец-то настало время ответить на ваш первый вопрос, — произнес Ли Бёндо.

Примолк, еще раз припомнив их первую встречу, и впервые рассказал ей про тот дом с садом. Это и был ответ на ее вопрос про «меховую» обезьянью мать. Глядя в ее лицо, пока она с искренним интересом слушала, Ли Бёндо чувствовал себя так, будто вновь оказался в том доме у сада.

Он хотел, чтобы его долгое путешествие подошло к концу.

Никто не рождается по своей собственной воле. Но как жить и как положить этой жизни конец — целиком и полностью в твоей власти.

Он почувствовал облегчение, когда перестал слышать ту песенку. Он убивал не по собственной воле. У него не было иного выбора. И неважно, что его поймали и посадили в тюрьму. Все, чего ему хотелось, — это чтобы песенка, неустанно терзавшая его, наконец подошла к концу. И как бы напряженно он ни вслушивался, больше ее не слышал. Казалось, что наконец-то он может спокойно спать по ночам. И неважно, что в тюрьме. Он был даже благодарен за одиночную камеру, в которой содержались лишь приговоренные к смерти. Уже думал, что призрак матери наконец отстал от него.

Думал, пока не увидел лицо Сонгён. Стоило ему ее увидеть, как разум опять пришел в полнейшее смятение. Казалось, что он наконец-то

случайно наткнулся на ту, к которой так долго стремился; с другой стороны, не хотел показываться ей. Нельзя было предстать перед ней в таком виде! Но он не сумел устоять перед шансом, вдруг выпавшим ему через двадцать лет. В конце концов неумное желание увидеть ее восторжествовало.

Сонгён, однако, не была той женщиной из дома у сада. Он съел первое яблоко, которое принесла ему Сонгён, но вкус у того оказался совсем не тот. Яблоки, которые он некогда пробовал в собственном раю, теперь казались недостижимой мечтой.

— Как вы могли так со мной поступить? Как могли уйти, даже не попрощавшись? — спросил он.

— Я подумала, что лучше вам не знать, — вот каким был ответ Сонгён. Ли Бёндю покачал головой.

— Нет, вы соврали мне. Вы якобы дали мне шанс, но нет. Эта песенка сводила меня с ума, но я вам был совершенно безразличен. Вы — как она. Я думал, что вы — та женщина из дома с садом, но вы в точности как моя мама, — продолжал он.

— Я ни та, ни другая. Есть и другие люди в этом мире, помимо вашей матери и женщины из дома с садом, — с досадой ответила Сонгён.

У нее было что сказать еще, но Ли Бёндю не было расположено слушать. Он набросился на нее. Глядя ей прямо в глаза, стал душить. Он уже больше не слышал ее голоса. В голове у него громыкала та песенка.

Когда Ли Бёндю припечатал ее к стене и сильнее сжал пальцы у нее на шее, ее неистовое сопротивление понемногу стало слабеть, натужные всхлипы становились все реже и реже. Ее слабеющее дыхание коснулось его щеки. Он стиснул ее изо всех оставшихся сил. Ее руки, царапающие его предплечья, упали и бессильно повисли.

Умирать — это так просто...

Отняв одну руку от ее горла, Ли Бёндю смахнул упавшую на ее лицо прядь волос. На секунду прижался к ней лбом и закрыл глаза. Из-под его плотно сомкнутых век просочились слезы, скатываясь по щекам.

И в этот самый момент он вдруг почувствовал острую боль в боку. Опустил взгляд и увидел торчащую оттуда рукоятку ножа.

Странно, промелькнуло у него в голове, нож должен быть на столе... Подняв взгляд, Ли Бёндю увидел маленькую девочку, которая смотрела на него с расстояния нескольких шагов. Своими ясными глазами та совершенно невозмутимо наблюдала за дальнейшим развитием событий.

«Так вот какая у вас кошка?» — мельком подумал Ли Бёндю, отпуская шею Сонгён и ощупывая бок там, куда вонзился нож. Крови было совсем

немного. Но ему не нравилось ни с чем не сравнимое чувство, когда что-то застряло у него внутри. Стиснув зубы, он выдернул нож. Из раны ручьем хлынула кровь.

Нож, пройдя под ребрами, видимо, задел легкое. Дыхание стало вырываться с kloкочущим хрипом. Руки ослабели. Сонгён, которую он теперь держал только одной рукой, немного пришла в себя и оторвала его руку от шеи, наконец освободившись.

И Ли Бёндо рухнул на пол.

Все его чувства враз смешались. Разум словно отделился от тела. Он инстинктивно понял, что очень скоро умрет. С каждым выдохом кровь, скопившаяся где-то глубоко в легких, плевками выталкивалась из раны. Его прошиб булькающий кашель. Дышать становилось все трудней и трудней. Вытекающая из бока кровь лужей разливалась вокруг него по полу.

Зрение окутал туман, но Ли Бёндо все же изо всех сил держал глаза открытыми. Увидел, как девочка подступает ближе — глаза ее были полны любопытства. Его кровь подползала прямо к ее ногам. Ощувив свою полную беспомощность, он отрешенно улыбнулся.

Внезапно перед глазами у него ярко вспыхнуло. Он лежал на полу, глядя на этот ослепительный свет. Должно быть, опять включили электричество — люминесцентная настольная лампа резала глаз.

Он увидел, как Сонгён останавливает девочку, не давая ей подойти еще ближе, а потом берет ее за руку и отступает назад. Потянулся было, чтобы его тоже взяли за руку, но уже не было сил даже просто поднять веки.

Ли Бёндо всегда считал, что смерть — это ничто, это когда все просто подошло к концу: тьма, исчезновение. Да, именно так он всегда и думал. Но на пороге собственной смерти наконец понял, что смерть — это не бесконечная тьма, а лишь короткий миг темноты. Это не исчезновение, а перемещение в какой-то иной мир.

Он боялся того, что придется уйти, когда его разум и воспоминания останутся нетронутыми. Его пугало, что придется переместиться в иной мир все с тем же разумом, все с той же душой. Он всегда думал, что жизнь после смерти — это не более чем сказки, придуманные для того, чтобы преодолеть страх. Но нет, это не сказки — это совсем иная вселенная, существующая в человеческом сознании. Единственным утешением было лишь то, что материнская песенка, которая всю жизнь причиняла ему боль, теперь успокаивала, убаюкивала его.

Прикрыв глаза, Ли Бёндо прислушался к этой песенке.

В отличие от той ее версии, что сохранилась в самом раннем его

воспоминании, теперь голос матери звучал тепло и жизнерадостно. Он ждал, когда рука матери прикоснется к нему. Большая, теплая рука, которую он ждал всю свою жизнь, погладит его по голове, приласкает глаза, нос, щеки. Ли Бёндо почувствовал, как та глубокая, темная дыра у него внутри, которая всю жизнь оставалась пустой, наконец начинает затягиваться. И тут песенка, терзавшая его всю его жизнь, понемногу стала утихать и вскоре умолкла совсем.

— Он умер? — спросила маленькая девочка, но ее голос с каждой секундой тоже звучал все более и более издалека.

* * *

Сонгён быстро вывела Хаён, которая упорно вытягивала шею, чтобы посмотреть на мертвеца, прочь из кабинета. Тревожно обернулась, опасаясь, что Ли Бёндо может вдруг ожить, но увидела его закрытые глаза, разгладившееся лицо, улыбку, застывшую на нем. Казалось, что смерть подарила ему покой.

Едва они вошли в гостиную, как в спальне зазвонил телефон. Бросившись туда, Сонгён ответила на звонок. Это был начальник охраны городского следственного изолятора. Вовремя, ничего не скажешь. Но у нее просто не было сил, чтобы обвинять его в пренебрежении своими служебными обязанностями.

Даже не выслушав его, Сонгён коротко бросила в трубку:

— Он здесь. Приезжайте... заберите его отсюда.

Не став больше ничего объяснять, назвала ему адрес и дала отбой.

А потом без сил опустилась на диван. Уже не могла стоять — все тело пробирала дрожь. Хаён встала чуть в стороне, уставившись на нее пустым взглядом. Должно быть, все еще была в шоке от случившегося.

Если б не Хаён, Сонгён погибла бы от рук Ли Бёндо. Испытывая благодарность к девочке за то, что осталась жива, она все же не взялась бы однозначно охарактеризовать свои чувства.

— Ты как? — спросила Сонгён, но девочка лишь неотрывно смотрела на нее и ничего не отвечала. Сонгён вдруг испугалась, что она могла пораниться; кинулась к ней, стала ощупывать голову, руки, ноги, спрашивать, не болит ли где.

Хаён, продолжая хранить молчание, показала Сонгён ладони. Кровь. Руки у нее были мокрыми от крови.

Похоже, шок у нее — от вида крови на собственных руках. Она показала их Сонгён, потому что не знала, что с ними делать. Ее глаза, нацеленные на Сонгён, были глубокими и недвижимыми, как холодное

ночное море. Сонгён даже отдаленно не могла представить, что сейчас творилось у девочки на душе. Хаён сжимала и разжимала кулачки, размазывая по ладонкам начинающую сворачиваться кровь.

Встревоженная Сонгён схватила ее за руку и потащила в ванную. Открыла там кран и сунула под него обе ладони Хаён — кровь сразу потекла в сливное отверстие. Взяла кусок мыла, хорошенько намылила их, так что от крови не осталось и следа. Все терла и терла ей руки, пока те не покраснели. Казалось, что если она этого не сделает, то кровь Ли Бёндю впитается прямо в тело Хаён, замарав ее юную душу.

Было тошно даже просто подумать об этом.

— Хватит, уже больно, — пожаловалась Хаён, выдернув руки, и Сонгён немного пришла в себя. Девочка словно витала в облаках, казалась какой-то странной, пока с ее ладоней лихорадочно оттирали кровь.

Вытащив из корзины полотенце, Сонгён сунула его ей в руки. Но Хаён не взяла его. Когда она вышла из ванной, Сонгён сама умылась холодной водой, ощущая, что опять становится сама собой.

Подняла взгляд и посмотрелась в зеркало. Вид у нее был ужасный. Подняв подбородок, осмотрела шею, на которой остались четкие красные отпечатки. Все мускулы тела сковывала тупая боль.

Выйдя в гостиную, Сонгён увидела сидящую на диване Хаён. Та смотрела на двор за окном — как в тот день, когда только появилась здесь. Казалось, будто она полностью погружена в собственные мысли, отчего Сонгён почему-то занервничала.

— Хаён, как ты себя чувствуешь? — спросила она, присаживаясь на диван рядом с ней.

Девочка ткнула пальчиком за окно.

— Ветер перестал, — произнесла она вместо ответа.

Повернув голову, Сонгён тоже посмотрела туда. Неистовый ливень поумерил свою ярость и понемногу стихал. Ветки плакучей ивы, только что мотавшиеся на ветру, теперь повисли до самой земли, поливаемые дождем.

После этих своих слов Хаён так и продолжала сидеть, молча глядя за окно. Напуганная этим гробовым молчанием, Сонгён пристально посмотрела ей в лицо. Лицо Хаён абсолютно ничего не выражало, отчего Сонгён еще больше стало не по себе. Не в состоянии больше это выносить, она отвернулась.

— Вы теперь... вы теперь не хотите, чтобы я тут жила, да? — спросила вдруг Хаён.

Вздвогнув, Сонгён опять посмотрела на девочку. Встретившись с ней

взглядом, лишь что-то промямлила, не в силах подыскать слова. Девочка тихо ждала ответа.

Посмотрев Хаён прямо в глаза, после некоторых колебаний Сонгён произнесла:

— Давай об этом поговорим, когда твой отец вернется домой.

Хаён, на лице которой промелькнуло разочарование, встала и молча направилась наверх.

Оставшись одна, Сонгён стала ждать прибытия полиции, взволнованно покусывая губу.

Когда она подумала о Хаён, что-то горячее вдруг подкатило к горлу. Сонгён попыталась проглотить это, но оно не опускалось обратно. Под конец она принялась громко всхлипывать.

Девочка тут совсем ни при чем. Ее обижала мать, которая, жаждая любви, чего только не творила с ребенком, даже не сознавая, что делает. Если уж это изломало Хаён душу, то какие последствия будет иметь сегодняшнее происшествие? И хотя ни в чем из этого не было никакой вины Сонгён, она сознавала, что только что сделала нечто куда более ужасное, чем то, что творила с Хаён ее мать.

Довелось бы ребенку испытать нечто подобное, если б она сейчас не жила у них? Сонгён стало страшно. Хотелось спросить у кого-нибудь, у кого угодно, почему с Хаён постоянно что-нибудь происходит. Будто сама судьба ведет ее по какому-то назначенному ей пути. Сонгён было страшно даже подумать, что может лежать в самом его конце.

Ей хотелось немедленно избавиться от этой мысли, закрыть на нее глаза. Она даже неистово замотала головой, лишь отдаленно представив себе эту сгущающуюся впереди безвестную черноту.

Нет. Такого не будет. Это невозможно. Прекрати, прекрати!

Прекрати терзать ребенка.

32

Когда приехал начальник охраны тюрьмы, в кабинет его полиция не допустила, чтобы сохранить место преступления в неприкосновенности.

Постояв перед дверью кабинета, в котором еще работали криминалисты, и попробовав заглянуть внутрь, он наконец бочком подошел к сидевшей в гостиной Сонгён. Та, продолжая общаться с оперативниками, искоса посмотрела на него.

Судя по его виду, он испытывал сильное облегчение. Должно быть, это послужило для него чем-то вроде утешения, что Ли Бёндю явился не куда-

нибудь, а именно сюда, и умер здесь. Пусть даже ему объявят выговор, но эта история с побегом закончилась, едва успев начаться, так что хуже ему уже не будет.

— Выходит, он вас душил, но тут неожиданно включился свет, он отвлекся, и в этот момент вы ударили его ножом, который он принес из кухни? — спрашивал тем временем один из оперативников.

— Совершенно верно, — подтвердила Сонгён, опустив глаза. Поморщившись, взялась рукой за подбородок. Не заметить красные отметины у нее на горле было просто невозможно. Один из полицейских вытянул шею, чтобы получше их рассмотреть, и что-то черкнул в своем блокноте. Другой защелкал фотоаппаратом, снимая их с разных ракурсов.

Она решила соврать полицейским только ради Хаён.

Если они узнают, что на самом деле Ли Бёндо убила Хаён, то станут вытягивать у той, как все происходило. В конце концов, конечно, придут к заключению, что это была необходимая самооборона, но с учетом того, как в процессе они измучают ребенка, подумала Сонгён, их версию случившегося лучше все-таки немного подкорректировать.

А потом, было еще и это дело о поджоге... Если в ответ на вопросы полицейских девочка ляпнет что-нибудь не то, неизвестно еще, как все обернется. Единственное, что заботило сейчас Сонгён, — это как защитить ребенка до возвращения Джесона.

Все проблемы можно будет обсудить с ним, когда он наконец окажется дома.

— Вам точно не нужно в больницу? — спросил оперативник, закрывая блокнот. Похоже, что заготовленная ею версия вполне всех удовлетворила.

А потом, на ноже, подобранном на месте происшествия, имелись отпечатки пальцев Сонгён. В доме была еще только маленькая девочка, которая спала в своей комнате наверху. И спала крепко, несмотря на грозу. В общем, никакого места для подозрений не оставалось.

Полицейские явно сочувствовали Сонгён, едва избежавшей гибели от рук осужденного к высшей мере наказания преступника, которого опрашивала в тюрьме. Покончив с расспросами, оперативники дружно поднялись со своих мест и направились в сторону кабинета.

Начальник охраны тюрьмы, который только и ждал подходящей возможности пообщаться с Сонгён, немедленно подсел к ней, как только из гостиной вышел последний из полицейских.

— Что произошло? — спросил он.

— Это я сама у вас хотела бы спросить, — огрызнулась Сонгён.

Лицо начальника на миг застыло, но тут же разгладилось. Вообще-то

это как раз он больше всех виноват в происшедшем, и неважно, что сказала Сонгён, — после такого надо просто-таки рассыпаться в извинениях. Приняв смиренный вид, он попытался успокоить ее.

— Я был так же одурачен его поведением, как и вы. Ну кто мог подумать, что он сбежит из больницы с таким кровотечением? — сказал он.

Сонгён могла предположить, как именно все произошло. Сбежать из хорошо охраняемой тюрьмы практически нереально. Разумней всего воспользоваться подходящим моментом, каким-то образом оказавшись за пределами тюремных стен. А такой момент может представиться в больнице, где охраны раз-два и обчелся.

— Что он вам говорил? — спросил начальник охраны, сверкнув глазами.

Его до сих пор удивляло, что Ли Бёндю пошел на такой большой риск, чтобы сбежать. С самого начала казалось странным, что тот предпочел, чтобы его опрашивала именно она, и никто другой. Начальник знал, что Ли Бёндю решился на побег из-за нее. Но, зная об особом отношении к Сонгён со стороны преступника, абсолютно не представлял, что именно делало ее в его глазах такой особенной. И очень хотел все-таки выяснить, что его в ней так зацепило.

— Он говорил, что мог прийти повидать меня абсолютно в любой момент, если б это взбрело ему в голову! — рявкнула Сонгён в ответ. Лучшая защита — это нападение.

Она не хотела слушать, как начальник охраны на разные лады склоняет Ли Бёндю. Сонгён никогда не сумела бы никому объяснить, что именно разглядела у него в глазах в последнюю секунду его жизни. Его глаза сказали ей все — больше, чем это способны сделать тысячи слов. Она не хотела превращать его одиночество, которое наверняка остудило его до самых костей, в пустопорожнюю болтовню, только чтобы потакать начальнику охраны.

Повышенная ранимость у некоторых людей в крови. Сонгён тоже была хорошо знакома с одиночеством, не имея ни братьев, ни сестер, и с пустотой в сердце, возникшей поначалу после смерти матери. Слова Ли Бёндю глубоко проникли ей в душу — туда, куда никто не был способен дотянуться. Ей не хотелось даже пытаться объяснить то доброе чувство, которое она по отношению к нему испытала и которое никто все равно не понял бы.

Начальник охраны обиженно посмотрел на Сонгён, но когда увидел, что тело уже выносят из кабинета, быстро вскочил и последовал за

остальными. Уже на пороге входной двери он обернулся и сказал:

— Я ведь вам говорил? Что ничего хорошего не будет, если связаться с ним...

И, коротко кивнув ей, шагнул за порог.

Поднявшись с дивана, Сонгён двинулась в сторону кабинета, откуда как раз выходил оперативник, с которым она недавно общалась.

— Сегодня лучше запритесь покрепче. Мы позвоним в центр поддержки потерпевших и вызовем на утро уборщиков, — сказал он.

Кивнув, Сонгён обвела взглядом кабинет.

Там, где только что лежал Ли Бёндю, пол был густо заляпан кровью.

Плотно закрыв дверь кабинета, оперативник посмотрел на стоящего рядом полицейского в форме. Тот сразу размотал желтую ленту, обозначающую место преступления, и крест-накрест залепил ею дверь.

Как только последние сотрудники полиции ушли, в доме воцарилась тишина.

Сонгён со вздохом оглядела внутренность дома, по которому словно только что пронёсся смерч, и поднялась наверх.

Хаён спала в своей постели. Сонгён поправила одеяло, которое девочка сбросила во сне, повернулась к ней спиной и вышла из комнаты. Спустилась вниз, проверила замок на стеклянной двери. Дождь почти полностью прекратился. И только тут она поняла, что головная боль тоже прошла.

Спать хотелось просто жутко. Казалось, что из нее высосали всю энергию. Сонгён выключила свет в гостиной, вошла в спальню.

И едва забралась под одеяло, как моментально провалилась в сон, больше похожий на оцепенение.

Это был сон, в котором наконец-то ничего не снилось.

33

Сонгён открыла глаза с таким чувством, будто проспала неделю, но на часах было лишь восемь утра. Думала, что спала очень долго, измотанная после всех волнений, но оказалось, что даже меньше трех часов.

Выбралась из постели и раздернула занавески. Перед ее взором предстали чистое небо и солнечный свет, который только начал разливаться по небу. Неистовые ночные часы казались дурным сном. Но следы, оставшиеся во дворе, неопровержимо доказывали, что это не так.

Во дворе после бури царил полный кавардак. Сонгён даже испытала облегчение при виде того, сколько всего надо сделать. Стоило двинуть

телом, как разум немедленно принялся строить планы, чем заняться дальше.

Застилая кровать, она услышала шаги за дверью. Звук доносился из гостиной. Подумав, что, наверное, проснулась Хаён, Сонгён уже собралась было выйти из комнаты, когда дверь распахнулась сама.

Вошла Хаён, с чашкой молока на подносе.

Сонгён изумил тот факт, что девочка выглядела совершенно нормально, особенно если учесть все ночные события. В голове промелькнула мысль: уж не стала ли смерть для Хаён давно привычным явлением?

Совершенно спокойное лицо девочки даже еще больше обеспокоило ее. Смывая ночью кровь с ее рук, Сонгён осознала нечто ужасное: она все терла и терла ей руки, пока те не покраснели, но в итоге это она сама и измарала их кровью. Надломила душу, которая и так едва оставалась в целости.

Случилось бы нечто подобное, если б Сонгён была обычной домохозяйкой? Девочке уже доводилось убивать людей. И вот теперь она убила снова. Что думала Хаён, глядя на кровь у себя на руках? От одной только мысли об этом по спине у Сонгён пробежал холодный озноб.

Наверное, ей лучше было бы никогда не встречаться с Хаён.

— Теперь вам лучше? — спросила девочка, поставив поднос на прикроватный столик. Она по-своему сделала усилие, чтобы показать, что ей не все равно. Сонгён уставилась на чашку молока, которую она принесла, а потом со смешанными чувствами отвернулась.

— Я хотела бы кое-что у вас спросить, — произнесла Хаён, присаживаясь на краешек кровати.

— Что именно? — спросила Сонгён.

— А вы... вы расскажете папе?

Похоже, девочка имела в виду историю с пожаром, в котором она убила бабушку с дедушкой и подожгла дом. Больше всего она опасалась, что ее отец об этом узнает. Или, может, боялась, что ей больше нельзя будет жить с ним в одном доме — она сделала такую ужасную вещь, потому что хотела жить вместе с ним.

— Не скажу, — ответила Сонгён.

По лицу девочки разлилось видимое облегчение. Но при следующих словах Сонгён ее лицо затвердело.

— Я хочу, чтобы ты сама ему все рассказала. Если ты этого не сделаешь, тогда придется мне рассказать.

— А мне... мне и вправду обязательно рассказывать? — спросила Хаён.

Сонгён спокойно посмотрела ей прямо в глаза. При виде выражения ее глаз Хаён опустила голову, словно показывая, что понимает: у нее нет выбора.

— Ладно, — тихонько произнесла Хаён, ненадолго погрузившись в какие-то размышления. Но вскоре вздернула голову и, глядя на Сонгён, протянула ей чашку молока, словно только сейчас про нее вспомнив.

Сонгён покачала головой — ей ничего сейчас не хотелось. Хаён разочарованно поджала губы. Увидев это, Сонгён поняла, что нельзя отказываться от молока. Неохотно взяла чашку из рук девочки.

Хаён все не уходила, продолжала смотреть на нее, а потом произнесла:

— Я же вам совсем не нравлюсь, верно?

— Нет, нравишься, — возразила Сонгён.

— Вы лжете. Вы даже совсем меня не знаете, — сказала Хаён, голос которой вдруг стал каким-то хриплым и скрипучим.

— Люди могут тебе нравиться, даже если ты почти их не знаешь. Мне действительно хотелось поладить с тобой, — искренне произнесла Сонгён. Перемена была совершенно неожиданной, но, пожив с ребенком, она уже поняла, что такое на самом деле семейная жизнь.

— Папа вас любит. А я... а я нет, — холодно произнесла девочка.

Сонгён почувствовала себя задетой. Не зная, что сказать, она отхлебнула из чашки.

— Все, чего я хочу, — это жить с папой, — пробубнила Хаён с подавленным видом.

— Ты и будешь жить с ним. Но сначала тебе придется ему рассказать, — ответила Сонгён, отпивая еще молока. Ей хотелось поскорей спровадить Хаён обратно в ее комнату.

Хаён, которая тихо наблюдала, как она пьет молоко, вдруг улыбнулась и прошептала:

— Хотите, расскажу вам один секрет?

При виде этой улыбки Сонгён почему-то испугалась — глаза у Хаён сверкали, и вид у нее был совсем другой, чем буквально секунду назад. Сонгён вдруг почувствовала удушье.захотелось убежать в ванную и нагнуться над унитазом.

— Вы знаете, как умерла моя мама? — продолжала Хаён.

Умерла она, предположительно приняв какое-то лекарство. Но улыбающееся лицо Хаён, похожее, подразумевало нечто другое. Сонгён стало дурно от ужаса.

— И как... как же она умерла? — произнесла она.

— Она умерла, выпив немного молока, как вы сейчас, — последовал

ответ Хаён. — Папа велел мне подсыпать это в молоко, если она очень, действительно очень-очень меня обидит.

— Какое-то лекарство?

— Он дал его мне. Сказал, что тогда она крепко заснет. По-моему, она умерла, потому что я слишком много насыпала.

В голове у Сонгён образовалась пустота. Руки и ноги занемели, и она постоянно потирала ладони. Голова тоже отяжелела.

— Это был наш с папой секрет. Он велел мне выбросить остаток лекарства, но я не выбросила, — произнесла Хаён, вынимая что-то из кармана и протягивая Сонгён. На ладони у нее лежала маленькая коричневая бутылочка.

Почему Сонгён сразу об этом не подумала? Это было для него проще простого — он ведь врач, может раздобыть любой препарат. Припомнилось, как остро он реагировал, стоило ей упомянуть о его бывшей жене. Сонгён думала, что это из-за душевных травм, которые нанесла ему эта женщина, но, оказывается, имелась и другая причина.

Интересно, вскользь подумала она, каковы были его истинные намерения, когда он давал Хаён отраву.

Дал потому, что ему было невыносимо видеть, как его дочь страдает от собственной матери? Или это был план освободиться от своей бывшей жены? Ничто не подсказывало, почему на самом деле он всучил Хаён эту дрянь, но она их всех убила — свою мать, бабушку, дедушку... А теперь настала очередь и Сонгён.

Сонгён помимо воли улыбнулась. Хаён наклонила голову набок, явно не понимая, почему она улыбается. Сонгён вновь и вновь мысленно возвращалась к тому ужасному опыту, через который девочка прошла ночью. Но ребенок давным-давно пересек ту грань, где от ее забот был бы хоть какой-то толк.

Глубокими большими глазами Хаён наблюдала за изменениями, происходящими с Сонгён. Глаза ее поблескивали от предвкушения.

Сонгён боялась того, во что этот ребенок может вырасти. Что ждет ее в будущем?

Она терялась в догадках, что же превратило Хаён в чудовище. Ее мать, которая жестоко обращалась с ней, или отец, давший ей отраву? Или сама Сонгён, позволившая ей совершить еще одно убийство? Сонливость волнами накатывала на нее, путая мысли. Как странно... Она-то думала, что выпалась, — почему же так клонит в сон?

Сонгён пошатнулась, и Хаён бросилась к ней, выхватив у нее чашку.

Сонгён без сил рухнула на кровать. Хаён со знанием дела прикрыла ее

одеялом, словно только этого и дожидалась. Крепко обхватила ее обеими руками за талию и прошептала:

— Знаете что? До вчерашнего дня вы мне вообще-то нравились.

Сонгён не могла нормально разглядеть ее лицо, потому что набрякшие веки постоянно опускались. Она припомнила лицо Ли Бёндо.

Казалось, будто сам дьявол играл их судьбами, всучив его ей в руки.

А потом этот дьявол убил Ли Бёндо, создав на смену ему другого монстра. Нового дьявола, который должен был завершить начатое дело, когда Ли Бёндо не стало.

Хаён, все еще совсем маленькая, невинно улыбалась, даже не подозревая о кознях дьявола. Или, может, она сама была этим воплощением зла... Но это они — ее мать, ее отец, все остальные — пробудили это зло к жизни.

Сонгён знала, какой конец ожидает Хаён.

Ли Бёндо наглядно продемонстрировал ей это своей собственной смертью.

Интересно, подумала она, какой вид будет у Хаён, когда однажды, в далеком будущем, она осознает, что жизнь ее подходит к концу.

Последнее, что услышала Сонгён перед тем, как окончательно провалиться в забытие, был детский голосок у самого уха:

— Приятных снов... мамочка.

Примечания

1

Сеул разделен на 25 муниципальных округов (гу), имеющих статус самоуправления, которые, в свою очередь, включают в себя 522 административных района (дон). *Здесь и далее — прим. пер.*

2

Сыннемун — «Великие южные ворота», построенные в 1398 г., — один из старейших архитектурных памятников Сеула, входящий в список национального достояния Республики Корея под первым номером. Практически заново восстановлены после пожара в 2008 г.

3

Речь идет о вещем сне «тхемон», который видит ожидающая ребенка мать или ее близкие родственники. Все, что видится в таком сне — фрукты (яблоки, хурма, вишня, каштаны), животные (тигры, змеи, золотые рыбки), природа (реки, радуги), дети и драгоценности, — трактуется в соответствии со старинными верованиями. Считается, что такой сон может указывать на пол будущего ребенка.

4

Празднование первой годовщины со дня рождения ребенка (*Толь*) — один из наиболее важных корейских ритуалов. Ребенка, наряженного в традиционный костюм *ханбок*, сажают в центре стола, а вокруг него расставляют еду и предметы, символизирующие разные профессии. По тому, какой предмет возьмет в руки ребенок, предсказывают его склонности и будущее. При этом на стол принято выставлять суп из морской капусты (*миёккук*). Согласно верованиям, этот суп особенно полезен женщинам во время беременности и при кормлении ребенка грудью, и подают его в напоминание о страданиях матери при родах.

5

Одна из основных религий в Корее — буддизм с его доктриной о переселении душ.

6

Профайлинг — составление психологического профиля (психологического портрета) преступника.

7

Судебный психолог-консультант и автор нашумевшей книги «Собиратель пазлов» Пол Бриттон (р. 1946) больше известен серьезной ошибкой в ходе расследования убийства Рейчел Никелл в 1992 г. в Лондоне. На основании выводов Бриттона, организовавшего провокацию по отношению к выбранному им подозреваемому, под следствие попал невиновный человек, а настоящий убийца был пойман только в 1998 г.

8

Канвон — провинция Республики Корея, расположенная примерно на той же широте, что и Сеул.

9

Кёнги — провинция, на территории которой расположен Сеул. У нас сказали бы «Сеульская область».

10

Ю Ёнчхоль (р. 1970) — южнокорейский серийный убийца, совершивший не менее 20 убийств в Сеуле в 2003–2004 гг. Большинство его жертв были проститутками и богатыми пожилыми людьми. По собственному признанию, ел части тел своих жертв.

11

Кан Хосун (р. 1969) — южнокорейский серийный убийца, совершивший не менее 10 убийств в пров. Кёнгидо в 2006–2008 гг., в т. ч. убийство своей жены и тещи.

12

Теодор (Тед) Банди (1946–1989) — американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е гг. Его жертвами становились молодые девушки и девочки. Точное число его жертв неизвестно. Незадолго до своей казни он признался в 36 убийствах, однако настоящее количество его жертв может быть гораздо больше.

13

Исключительно для исторической точности: с 1997 г. в Южной Корее действует мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение.

14

«1492: Завоевание рая» (*англ.* 1492: Conquest of Paradise) — исторический кинофильм совместного производства США, Великобритании, Франции и Испании. Выход его был приурочен к 500-летию официального открытия Нового Света Х. Колумбом, роль которого исполнил Ж. Депардье. Заглавная тема композитора Вангелиса — нечто вроде медленного марша: задумчивого, величественного и довольно мрачноватого.

15

В Южной Корее действует примерно такая же система регистрации по месту жительства, что и в России.

16

Ши-тцу («собака-лев», «собака-хризантема») — одна из древнейших пород собак, выведенная в Китае. Отличается очень большой привязанностью к людям.

17

Роберт Ресслер (1937–2013) — известный американский ученый, специалист в области криминологии, криминалистики и криминальной психологии, крупный эксперт в области расследования тяжких насильственных преступлений, в особенности серийных и сексуальных убийств.

18

Согласно корейской традиции, белая хризантема — исключительно «похоронный» цветок, да и вообще на Востоке белый — цвет траура.

19

Кимчи — блюдо корейской кухни из категории домашних заготовок, представляющее собой остро приправленные квашеные (ферментированные) овощи, в первую очередь пекинскую капусту.

20

«Звериная ферма» — долгоиграющий южнокорейский телесериал («дорама»), в котором животные являются основным фоном для развития сюжета.

21

Канамун — главные ворота дворцового комплекса Кёнбок, построенные в 1395 г., в самом начале периода правления династии Чосон.

22

Готовый кофе в таких же банках, как газировка, — чисто японское изобретение, распространенное и в соседних азиатских странах.

23

Строго говоря, первое убийство (4-летнего Мартина Брауна) Мэри Флора Белл (р. 1957) совершила в одиночку. А потом, разгромив с подружкой по имени Норма Джойс Белл детский дом, совершила на пару с ней второе убийство, 3-летнего Брайана Хоу, тело которого было изрезано бритвой и ножницами.

24

Имеется в виду 11-летняя Нацуми Цудзи, больше известная под интернет-ником Невада-тян, которая в 2004 г. в начальной школе в городе Сасэбо, префектура Нагасаки, убила свою одноклассницу Митарай Сатоми ножом для резки бумаги — сначала перерезала ей запястья, а потом и

шею, — после чего спокойно вернулась в класс. На допросе малолетняя убийца показала, что вспыхнула из-за оскорбительных комментариев, которые оставила Сатоми к ее фотографиям в соцсети. Психиатры диагностировали синдром Аспергера (агрессия, девиантное поведение), так как до этого убийства были случаи побоев других одноклассников.